ЛЯЩЕНКО

ИСТОРИЯ
РУССК. ЛИТЕРАТУРЫ
1900 г.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. Лященко.

Мая 1900 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія И. ЮДЕЛЕВИЧА, Владимірскій, 13.
1900.

Мм. Гг. Въ прошлый разъ я охарактеризовалъ состояніе языческаго общества въ древней Руси и состояніе просвѣщенія въ до-монгольскій періодъ и остановился на вопросѣ объ азбукѣ.

Что славяне до изобрѣтенія Кирилломъ азбуки имѣли у себя кой-какія письмена, объ этомъ есть классическое свидѣтельство черноризца Храбра - писателя конца IX и самое позднее - начала X вѣка.

У него мы читаемъ, что прежде славяне не имѣли письменъ, но чертами и рѣзами чертали и гадали (т. е. письмо; повидимому, черточки писали на деревѣ); "погани суще (т. е. пока не прикяли еще христіанства, были язычниками); а крестившись стали употреблять греческія и римскія письмена; при этомъ употребляли ихъ безъ устроя - безъ порядка. Такъ было много лѣтъ; наконецъ человѣколюбецъ Богъ послалъ Константина - философа, нарицаемаго Кирилломъ, который и изобрѣлъ новыя письмена; для этой азбуки состоящей изъ 38 буквъ; Кириллъ воспользовался греческимъ алфавитомъ, а кое-что взялъ для изображенія звуковъ славянскаго языка изъ еврейской.

По мнѣнію черноризца Храбра славянская азбука стоитъ выше греческой, потому что она устроена святымъ мужемъ, устроена въ очень непродолжительное время воспринята очень скоро; въ то время, какъ греческая азбука устроена элликами (погаными людьми") и очень долгое время прошло, пока она утвердилась. Далѣе она: свидѣтельствуетъ, что объ изобрѣтеніи азбуки извѣстно ему отъ совремнниковъ Кирилла и Меѳодія, что еще живы тѣ, которые сами видѣли Кирилла и были свидѣтелями его дѣятельности. Кромѣ того, мы узнаемъ отъ черноризца Х., что это изобрѣтена славянская азбука въ царствованіе Михаила - царя и при Борисѣ князѣ болгарскомъ въ лѣто отъ сотворенія міра 6363, т. е. въ 855 году отъ Р. Х.

Въ этомъ свидѣтельствѣ, собственно говоря, даны указанія о времени и о характерѣ составленія этой азбуки; итакъ большинство буквъ было взято изъ греческаго языка, другія были заимствованы изъ еврейскаго и друг. языковъ.

Собственно говоря, есть двѣ азбуки славянскія - кириллица и глаголица; кириллица и приписывается Кириллу. У насъ въ Россіи была распространена только кириллица, и только немногія слова и выраженія попадаются въ рукописяхъ написанными глаголицею. - Не установлено до сихъ поръ въ наукѣ, какая, собственно говоря, азбука составлена Кирилломъ и какая изъ нихъ древнѣе; древнѣйшіе памятники, извѣстные уже давно, написаны кириллицею, и только недавно открыты глаголическіе памятники, не уступающіе по древности первымъ.

Если сравнить начертаніе славянскихъ буквъ (кириллицы) съ греческими (въ книгахъ богослужебныхъ), то увидимъ очень значительное сходство. Я, конечно, разумѣю не скоропись, а уставное письмо, которое употреблялось въ церковно-богослужебныхъ книгахъ. Славянская, собственно - кирилловская азбука развилась въ трехъ отдѣлахъ: уставѣ, полууставѣ и въ скорописи. Уставныя буквы взяты изъ литургическаго или церковнаго греческаго алфавита; онѣ довольно велики: больше нашихъ прописныхъ буквъ; написаны очень толсто; ширина почти равна вышинѣ; между отдѣльными буквами одинаковые промежутки. Полууставъ, который является немножко позже устава, представляетъ собою письмо, буквы котораго немного меньше, тоньше написаны и стоятъ ближе другъ къ другу чѣмъ буквы уставныя.- Скоропись начинается уже (въ XIУ в. и употребляется не въ церковныхъ книгахъ, а въ актахъ гражданскихъ. напр. договорахъ, грамотахъ и т. п. Тамъ мы имѣемъ уже закругленія, буквы не такъ равно написаны какъ въ уставѣ, между буквами черточки; эти буквы не всегда красиво написаны, не всегда отчѣтливо, и скорѣе выдѣляютъ особенности почерковъ.

Кириллъ и Меѳодій дѣйствовали во многихъ мѣстахъ славянскихъ. Первая ихъ проповѣдь была у хазаръ; и по всей вѣроятности часть русскихъ славянъ слышала проповѣдь на понятномъ языкѣ въ это время. Затѣмъ, слѣдуетъ дѣятельность въ Болгаріи и Моравіи, куда они явились

А. Ляцкий

по вызову князя Ростислава. Имъ пришлось бороться здѣсь противъ такъ называемой "тріязычной" ереси, т.е. того мнѣнія католиковъ, что богослуженіе должно совершаться на трехъ языкахъ - греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ, потому что на этихъ именно языкахъ написана надпись на крестѣ Спасителя. Въ этой борьбѣ они имѣли поддержку со стороны папъ Адріана и Іоанна УIII, которые подтвердили правильность богослуженія на славянскомъ языкѣ своими буллами.

Но, тѣмъ не менѣе, послѣ смерти Меѳодія, назначеннаго папою архіепископомъ моравскимъ, ученики его были изгнаны изъ Моравіи и отправились въ Болгарію. Литературная дѣятельность ихъ перешла въ Болгарію: здѣсь они перевели цѣлый рядъ сочиненій съ греческаго языка на славянскій. Такимъ образомъ, когда христіанство было принято въ Россіи, уже существовала въ Болгаріи очень богатая литература - переводная, и русскимъ почти не приходилось переводить вновь: можно было заимствовать то, что было въ Болгаріи. Меѳодій и его ближайшіе ученики перевели почти всю библію (кромѣ книгъ Маккавейскихъ) и также замѣчательныя произведенія учительной литературы греческой.

Къ намъ, кромѣ книгъ церковныхъ и богослужебныхъ, перешли всѣ сочиненія эти (какъ напр., Іоанна Златоуста, Іоанна Богослова и т. д. (языка перевода); со стороны историко-литературной они интересны въ двухъ отношеніяхъ: 1) по степени вліянія на русскую литературу, а 2) также потому, что нѣкоторыя изъ нихъ сохранили тексты, не дошедшіе до насъ въ греческихъ оригиналахъ. Большинство этихъ произведеній носило аскетическій характеръ, и этотъ характеръ вліялъ, хотя и не въ сильной степени, и на жизнь, но главнѣйшее вліяніе ихъ было со стороны литературной - со стороны стиля. Между прочимъ они надолго упрочили преобладаніе у насъ въ литературѣ ц. - славянскаго языка. Необходимо сказать два слова о языкахъ ц. - славянскомъ и русскомъ.

У насъ существуетъ странное мнѣніе, что русскій языкъ произошелъ изъ церковно-славянскаго. Это не такъ. Церковно - славянскій языкъ это есть тотъ старый болгарскій языкъ, на который переведены ц.- богослужебныя книги Кирилломъ и учениками его, и который сдѣлался литературнымъ языкомъ въ Россіи. Кромѣ этого литературнаго языка употреблялся въ древней письменности и русскій. Но церковно-славянскій языкъ преобладалъ и очень долго - вплоть до половины ХУIII вѣка, вплоть до Ломоносова. - Такъ что русскій языкъ и ц-славянскій это - родные братья и они, конечно, восходятъ къ общеславянскому языку, отъ котораго произошелъ польскій, чешскій и т. д.

Послѣ книгъ св. Писанія наиболѣе многочисленную группу въ древней русской письменности представляютъ такъ-называемые "апокрифы". Апокрифы въ переводѣ съ греческаго языка значатъ книги тайныя, сокровенныя. Ихъ происхожденіе объясняется тѣмъ, что кромѣ св. Писанія существуетъ у насъ и преданіе; Св. Писаніе не всегда давало отвѣты на вопросы любознательныхъ читателей; цѣлый рядъ такихъ вопросовъ возбуждался и требовалъ непремѣннаго отвѣта. Въ видѣ отвѣта и явилась громадная литература, называемая апокрифическою. Большинство ея опять-таки явилось въ Болгаріи одновременно съ принятіемъ христіанства, а ея распространенность объясняется какъ поучительностью содержанія, такъ и поэтическимъ элементомъ. Уже въ лѣтописи въ первомъ же разсказѣ о столкновеніи язычества съ христіанствомъ, о по-эніи философа предъ Владиміромъ, который излагаетъ сущность христіанской вѣры, - уже тамъ есть цѣлый рядъ апокрифическихъ подробностей, которыхъ не найдемъ въ Св. Писаніи; мы найдемъ тамъ о десятомъ чинѣ ангеловъ и Сатанаилѣ, о томъ, что діаволъ подучилъ Каина совершить братоубійство, о томъ, какъ не знали Адамъ и Ева какъ поступить съ убитымъ Авелемъ, такъ какъ это былъ первый случай смерти и т.д. Вообще у читателей возбуждались вопросы о томъ, какая связь между ветхимъ и новымъ завѣтомъ, что дѣлалъ Адамъ въ раю, какъ жила Богородица въ дѣтствѣ и т.д. И вотъ, на эти вопросы давались

приблизительно такіе отвѣты: что Христосъ искупилъ грѣхъ уже при своемъ крещеніи, что Адамъ былъ принужденъ дать рукописаніе діаволу и вотъ это рукописаніе, которое стерегли 400 чертей, находилось въ Іорданѣ подъ камнемъ, и когда Христосъ крестился, Онъ стоялъ на этомъ камнѣ и такимъ образомъ сокрушилъ, разодралъ рукописаніе Адама.

Апокрифы шли къ намъ между прочимъ отъ богомоловъ. Это была ересь въ Болгаріи, отличавшаяся дуалестическимъ направленіемъ: она объясняла происхожденіе міра отъ двухъ началъ - добраго и злаго, и въ этомъ объясненіи много интереснаго, хотя бы въ томъ, что кривда осталась на землѣ, а правда улетѣла на небо.

Апокрифы пользовались большою популярностью и имъ вполнѣ вѣрили (напр., даже лѣтописецъ-лицо духовное); и вотъ для того чтобы ограничить, прекратить такое распространеніе апокрифовъ, церковь нашла необходимымъ составить списокъ книгъ запрещенныхъ. Въ древнѣйшемъ памятникѣ-Святославовомъ Изборникѣ 1073 г.- находится уже такой списокъ, который представляетъ, конечно, копію списка болгарскаго. Этотъ списокъ приписывается Іоанну Богослову. Слѣдующіе списки обыкновенно находились въ "Кормчихъ книгахъ", въ которыхъ излагались церковные законы. Эти списки, конечно, дополнялись, такъ какъ сама литература увеличивалась. Но не смотря на эти списки, отреченныя книги не переставали пользоваться популярностью и входили въ сборники на ряду съ книгами каноническими т.е. дозволенными церковью, и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергались значительной передѣлкѣ. По замѣчанію одного изслѣдователя, нѣтъ въ русской литературѣ почти ни одного замѣчательнаго произведенія, въ которомъ не нашлось бы слѣдовъ апокрифовъ. И доселѣ въ какой нибудь глуши, въ какой нибудь совершенно чуждой всякаго литературнаго направленія семьѣ можно найти какую ниб. засаленную тетрадку въ которой находится "Сонъ Богородицы". Здѣсь разсказывается, какъ эта Богородица видѣла мученія Христа; но въ концѣ этой тетради прибавляется соблазнительный совѣтъ, что нужно перечитывать ее столько разъ, чтобы было прощено извѣстное количество грѣховъ.

Обыкновенно эти апокрифы дѣлятъ на три разряда: на ветхозавѣтные, новозавѣтные и апокрифы, которые говорятъ о концѣ міра - эсхатологическаго характера. - Ветхозавѣтные апокрифы находятся въ книгѣ "Палея", что значитъ "ветхій завѣтъ" (въ переводѣ съ греческаго) Тамъ мы находимъ рядъ сказаній, напр., о сотвореніи міра въ нѣсколько иной формѣ, чѣмъ въ Библіи; мы найдемъ напр., что сотвореніе ангеловъ было въ 1-й день, что нѣкоторые изъ нихъ пали въ 4-й день; здѣсь мы найдемъ списки начальниковъ ангельскихъ или воеводъ; здѣсь мы найдемъ объ ангелахъ правящихъ стихіями, и это ученіе раскрывается съ особенною подробностью. Изъ подробностей созданія я коснусь созданія Адама. Мы узнаемъ, что Адамъ созданъ въ землѣ Мадіамской, изъ земли- тѣло, отъ камня кости, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли. Когда Богъ пошелъ взять отъ солнца очи для Адама, то пришелъ Сатана и вымазалъ Адама въ грязь; и когда Богъ, возвратившись, хотѣлъ вложить очи и увидѣлъ Адама въ такомъ видѣ, то разгнѣвался на діавола: отъ этого гнѣва діаволъ исчезъ какъ молнія, а Господь сотворилъ собаку стеречь Адама, а Самъ пошелъ въ горній Іерусалимъ. Сатана во второй разъ пришелъ, чтобы напустить на Адама злую скверну, но, увидѣвъ собаку, испугался и взявши дерево сотворилъ 70 недуговъ; потомъ эти 70 недуговъ являются 70 лихорадками и т. д. Господь возвратившись снова отогналъ діавола, но недуги вошли въ человѣка. - Изъ этихъ сказаній пользовалось большою популярностью сказаніе о "крестномъ деревѣ", изъ котораго мы узнаемъ, что Адамъ изъ древа познанія добра и зла сотворилъ себѣ вѣнокъ и велѣлъ похоронить себя въ этомъ вѣнкѣ; послѣ похоронъ изъ этого вѣнка выросло дерево, раздѣлившееся на три части: изъ одной изъ этихъ частей созданъ крестъ для Спасителя. Когда голова Адамова, разсказывается далѣе, была найдена при Соломонѣ, то была погребена, ока-

зывается, на мѣстѣ Голгоѳѣ. Когда былъ вооруженъ на Голгоѳѣ крестъ, Христосъ былъ распятъ, и потекла изъ Его раны кровь и вода, то эта кровь и вода прошла на гробъ Адама, и, так. обр., произошло искупленіе человѣка. -И доселѣ на разныхъ крестахъ изображается адамова голова и подножія креста, и кости. Это, конечно, отзвукъ стараго апокрифа.

Апокрифы новозавѣтные составляютъ прежде всего такъ наз. апокрифическія евангелія. Ихъ происхожденіе относится къ глубокой древности - къ первымъ временамъ христіанства. Они касаются не столько догматической стороны христіанства, сколько личности Основателя христіанскаго ученія - Его и близкихъ Ему лицъ. До насъ дошли такія евангелія: Матѳея (псевдо-Матѳея, неправильно приписываемое ему, потому что есть его собственное), Іакова, Ѳомы, Никодима и др. Наиболь шею популярностью пользовалось въ Россіи евангеліе Іакова, и пользовалось оно не потому, что здѣсь находимъ цѣлый рядъ трогательныхъ подробностей, напр. о супружеской жизни Іоакима и Анны, Илирическій плачъ Анны о безчадіи при видѣ птичьяго гнѣзда. Этотъ плачъ послужилъ прототипомъ др. подобныхъ плачей. Здѣсь же находятся свѣдѣнія о воспитаніи Богоматери, пребываніи во храмѣ, о благовѣщеніи и т.д. Самое Божество Іс. Христа полно въ этомъ евангеліи подробностей, отсутствующихъ въ евангеліяхъ каноническихъ. Оказывается, что вся природа замираетъ въ торжественный моментъ появленія на свѣтъ Спасителя. Тутъ же происходитъ и первое чудо Его - исцѣленіе бабки Саломіи.

Этотъ разсказъ нашелъ приложеніе и въ нашей народной поэзіи: явился стихъ о введеніи во храмъ Богоматери, явился плачъ; вся жизнь Богородицы по этому апокрифу представляется у насъ въ живописныхъ сказаніяхъ, въ поэтическихъ произведеніяхъ; напр., введеніе во храмъ Богородицы извѣстно всѣмъ намъ, а между тѣмъ въ каноническихъ евангеліяхъ этого не найдемъ. Евангеліе Никодима говоритъ о страданіяхъ Христа и сошествіи въ адъ. Первая часть менѣе интересна. Разсказывается о Пилатѣ о судѣ предъ Пилатомъ, о томъ, какъ идолы, стоявшіе при дворѣ Пилата поклонились при прохожденіи Христа. Болѣе интересны разсказы о сошествіи Христа въ адъ. Разсказывается, что пророки были въ аду во время сошествія Христа, привѣтствовали Его, Христосъ явился во всей своей славѣ и вывелъ Адама, а за нимъ пошли пророки, славя Бога. Этимъ вотъ гимномъ Богу и оканчивается евангеліе - Многіе изъ насъ знаютъ цѣлый рядъ сказаній объ Іудѣ, существующихъ въ народѣ; эти сказанія ведутъ начало тоже отъ апокрифическихъ сказаній, напр., изъ Евангелія Іакова. Разсказывается, что еще мальчикомъ Іуда оскорбилъ Христа, именно онъ Его укусилъ; а тѣ сребренники, которые получилъ Іуда это собственно тѣ сребренники, которые получены отъ продажи Іосифа.

Очень интересовало нашихъ предковъ будущая жизнь, страшный судъ и объ этомъ то будущемъ страшномъ судѣ и будущей жизни составилось цѣлая литература. Я не могу касаться въ подробностяхъ всей этой литературы; напомню только два апокрифа: хожденіе Богородицы по мукамъ и видѣніе Апостола Павла. Въ этомъ хожденіи Богородицы по мукамъ въ сопровожденіи архангела Михаила мы находимъ описаніе страшныхъ адскихъ мученій, какой способъ мученій былъ примѣненъ къ разнымъ грѣшникамъ, невѣрующимъ, ростовщикамъ, клеветникамъ, поносящимъ имя Божіе и т. д. Богородица скорбитъ, видя эти ужасныя муки и нѣсколько разъ обращается къ Богу съ просьбой о томъ, чтобы какъ нибудь облегчить эти муки; и вотъ Христосъ, услышавъ эту просьбу своей Матери, разрѣшаетъ и грѣшниковъ отъ муки отъ великаго четверга до пятидесятницы, и всѣ грѣшники славятъ Богородицу.
Въ видѣніи апостола Павла тоже есть описаніе различныхъ мукъ ада. Описаніе суда надъ праведниками и грѣшниками. Я не буду опять таки останавливаться на подробностяхъ, скажу только, что это "видѣніе

послужило къ созданію "Божественной комедіи" Данте.

Еще одинъ отдѣлъ апокрифовъ представляетъ собою литературу такъ назыв. вопросо-отвѣтовъ. Эти вопросо-отвѣты позволяли автору не останавливается на большихъ подробнсстяхъ, вносить постоянныя измѣненія по требованію интересующихся и такимъ образомъ эти вопросо-отвѣты расплывались до весьма значительныхъ размѣровъ и измѣнялись въ разнообразныхъ редакціяхъ. Существуетъ масса вопросо-отвѣтовъ. приписываемыхъ разнымъ лицамъ; наибольшею извѣстностью пользуется "бесѣда трехъ святитель"- Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Для примѣра я приведу нѣсколько вопросо-отвѣтовъ. "Кто первый наречеся на земли"?-Сатанаилъ, нареченный за гордость сатана "Гдѣ Богъ жилъ когда не было свѣта?"- Суть три коморы въ воздухѣ: ту бяше Господь. "Отъ чего ангелы сотворены"? - Отъ духа Господня, свѣта и огня; солнце отъ ризы Господа и т. д. Попадаются и такіе вопросы: когда погибла четверть человѣчества и оказывается тогда, когда убитъ Авель.

Апокрифическая литература, какъ я сказалъ, отразилась и на нашей письменности, на нашей оригинальной литературѣ, и прежде всего отразилась на паломничествахъ. Издавна на Руси существовалъ обычай посѣщенія св. мѣстъ; путешественники, конечно, приносили на родину не только разсказъ о видѣнномъ ими, но и тѣ объясненія, которыя слышали отъ грековъ. Такимъ образомъ, кромѣ апокрифовъ литературныхъ, въ литературѣ отмѣченныхъ,паломники понимали ходящіе греческіе разсказы.У насъ паломничество начинается съ 11-го вѣка. Антоній-основатель Кіево-Печерскаго монастыря - выѣзжалъ изъ Россіи на Афонъ, въ житіи Ѳеодосія говорится какъ мимо его дома проходили паломники, что вліяло на его аскетическое настроеніе; его сподвижникъ Ефремъ привезъ ему уставъ Ѳеодора Студита. Въ 12-мъ вѣкѣ страсть къ паломничеству до того усилилось, что приходилось сдерживать ее: въ вопросахъ Кирика Епископу Нифонту (12-го вѣка) говорится, что " эта рота " т.е. посѣщеніе Св. мѣстѣ губитъ нашу землю. Паломниковъ можно раздѣлить на два разряда: на лицъ, которыхъ, влекла религіозность, религіозныя побужденія и на лицъ, у которыхъ были скитальческія побуждинія (такіе скитальцы извѣстны намъ и досель. Обыкновенно паломники составляли дружину (общество, товарищество); они имѣли предводителя. Одѣты они были въ особую одежду: напримѣръ, широкая шляпа, которая защищала отъ солнца, они имѣли клюку въ рукахъ, имѣли особую обувь, конечно, тяжелую, которая помогла бы проходить черезъ степи и т. д. - это обувь и есть собственно "Калига" (отсюда названіе наше "калики пѣшехотца"). Въ старинныхъ памятникахъ есть и другое названіе для паломника, - это - "пилигриммъ" (это собственно латинское имя " piligrimus" - путешественникъ); въ былинахъ напримѣръ, упоминается старчище - пилигриммище. Паломникъ же происходитъ отъ "пальма" потому что путешественники приносили изъ святыхъ мѣстъ пальмовыя вѣтви. Разсказы апокрифическіе, которые они приносили съ собой и знакомство съ Востокомъ позволяло развиваться нашей религіозной поэзіи - такъ называемая духовнымъ стихомъ. Но кромѣ того, по всей вѣроятности эти же (калики) вносили въ нашу литературу сказанія не совсѣмъ духовнаго характера, такъ называемыя, перехожія сказанія; по крайней мѣрѣ эти же калики) появляется и въ нашихъ былинахъ и даже въ нѣкоторыхъ изъ такихъ былинъ, въ которыхъ много элемента вовсе недуховнаго. Я приведу два указанія изъ былинъ о характерѣ, типѣ такого путешественника: прежде всего мы встрѣтимся съ вопросомъ о цѣли такого путешествія по Св. мѣстамъ: "а идти намъ, братцы, дорогою не близкою, идти будетъ по городу Іерусалиму Св. Святынѣ помолиться, Господню гробу поклониться, во Іорданѣ рѣкѣ искупаться, нетлѣнною ризою отереться. " Эти же "калики" въ былинахъ иной разъ описываются совершенными богатырями: клюки ихъ имѣютъ очень солидный вѣсъ,- они могутъ ими убивать людей: даже шляпа земли греческой тоже очень много вѣситъ и этой шляпой можно убить сопротивника. Есть одна былина о сорока каликахъ со коликою, въ ней говорится какъ они идутъ идутъ во Іерусалимъ и встрѣчаются въ полѣ со Владиміромъ-княземъ: они его привѣтствуютъ и вотъ

князь посылаетъ ихъ въ княжескій дворецъ ко княгинѣ Апраксѣевнѣ. Эти калики идутъ въ путь, давая обѣты не красть, не лгать и т.п.; кто же нарушитъ этотъ обѣтъ, тотъ наказывается страшною казнію, именно, его зарываютъ въ землю по поясъ. Послѣ пира и угощенья въ княжескомъ дворцѣ эти калики возвращаются обратно: а княгиня Апраксѣевна, которая въ былинахъ всегда играетъ не красивую роль, соотвѣтствующую роли женѣ Пентефрія, желая наказать не угодившаго ей калику, дѣлаетъ такую же вещь, какая была съ Іосифомъ: она посылаетъ за этими "каликами", которые обвиняются въ похищеніи княжескихъ дорогихъ сосудовъ и послѣ обысковъ оказывается, что они найдены у старшаго калики, который и былъ подвергнутъ этой страшной казни. После этого его товарищи ушли впередъ, но вскорѣ онъ догналъ ихъ:- оказалось, что онъ былъ спасенъ чудеснымъ образомъ. Такимъ образомъ личность калики по этой былинѣ представляется въ довольно хорошемъ свѣтѣ: эта личность идеальная.

Первый нашъ паломникъ Даніилъ, который оставилъ описаніе своего путешествія, личность глубоко симпатичная: она характеризуется прежде всего изъ предисловія къ его сочиненію.- Онъ говоритъ:"се азъ недостойный игуменъ Даніилъ русской земли, худшій во всѣхъ инокѣхъ: смиренъ бѣхъ многими грѣхи и невѣжествомъ во всякомъ дѣлѣ благѣ", побужденъ Промысломъ отправиться во Св. землю и поклониться Св. мѣстамъ. Для характеристики этого паломника могутъ служить указанія изъ его паломничества: мы находимъ въ немъ замѣчательно интересующагося путешественника, который постоянно самъ допытывается до всего, допрашиваетъ - какъ это все обстоитъ; онъ производитъ цѣлый рядъ собственныхъ наблюденій, опытовъ и измѣреній.- Такъ, напримѣръ когда ему показали тотъ яко-бы дубъ, подъ которымъ принималъ Авраамъ трехъ странниковъ, онъ постарался измѣрить его руками и узнать его толщину (двѣ сажени): Онъ измѣряетъ рѣку Іорданъ. Его радость и трогательное умиленіе при посѣщеніи Св. мѣстъ тоже весьма замѣчательны: онъ говоритъ - какова была радость его, когда онъ увидѣлъ первый разъ Іерусалимъ. Въ этомъ описаніи мы находимъ и нѣкоторыя апокрифическія сказанія, такъ находимъ апокрифъ о крестномъ древѣ, который я вамъ уже изложилъ; Апокрифическая подробность о томъ, что центръ земли, собственно говоря, находится въ Іерусалимѣ за храмомъ Воскресенія Христова. Это апокрифицеская подробность получила отзвукъ въ духовной стихіи: "потому Іерусалимъ - отецъ, что въ немъ среда земли." Въ немъ же находится "плачъ Богородицы" и опять этотъ "плачъ Богородицы" находится въ духовныхъ стихахъ.

Значеніе этого паломничества не только въ этихъ подробностяхъ, не только въ характерѣ его, но и историческое. Его паломничество, будучи переведено на французскій языкъ и сдѣлавшись извѣстнымъ западнымъ ученымъ, показало имъ - насколько точны и добросовѣстны его наблюденія. Для топографіи Палестины паломничество Д. очень важно.

Кромѣ этого нужно отмѣтить и его большой патріотизмъ. Какъ русскій патріотъ, онъ постоянно помнитъ о русскихъ князьяхъ и русскихъ боярахъ, - о своихъ духовныхъ дѣтяхъ; и опять таки здѣсь проявляется то сознаніе единства русской земли, которое я указывалъ, когда характеризовалъ весь до- монгольскій періодъ. Его очень трогаетъ то, что ему разрѣшено княземъ Балдуиномъ путешествіе въ то время, когда Іерусалимъ былъ занятъ крестоносцами и Балдуиномъ же было разрѣшено поставить кадило на гробѣ Господнемъ.

Переводная наша поучительная литература, къ которой теперь перехожу, интересуетъ ученыхъ съ двухъ сторонъ: со стороны филологической и со стороны литературной. Филологическая сторона для насъ совершенно не важна; мы не будемъ приниматься за то, какіе переводы когда сдѣланы; а историко-литературный интересъ заключается въ томъ что мы можемъ указать подражаніе имъ и передѣлки. Оказывается, что такіе писатели, оставившіе намъ поучительныя произведенія, какъ Іоаннъ Златоустъ и т.д., интересовали нашихъ читателей далеко не

вполнѣ,- напримѣръ, изъ поученій І.Златоуста, которыя онъ говорилъ въ Константинополѣ противъ развращеннаго общества временъ Аркадія и Евдоксіи, такія поученія не были интересны для нашихъ читателей; для нихъ интересны были другія сочиненія - нравоучительныя, гдѣ говорилось о правилахъ истинной вѣры и о способахъ вести добродѣтельную жизнь. Такимъ образомъ, эти соченені я переводныя дошли до насъ не вполнѣ: они сокращались, а съ другой стороны они дополнялись для удобства публики, такъ какъ нѣкоторыя вещи казались не вполнѣ удобопонятными. Такимъ образомъ, тотъ І.Златоустъ, который находится въ нашихъ рукописяхъ, нашихъ сборникахъ, далеко не то, что онъ представляетъ собою въ греческомъ оригиналѣ. Произведенія его сохранились у насъ и въ отдѣльномъ сборникѣ, который носитъ названіе " Златоуста" или "измарагда". Кромѣ этихъ поученій мы найдемъ цѣлый рядъ другихъ поученій Іоанна Богослова, Іоанна Дамаскина и т.д. А о вліяніи этихъ поученій на оригинальную литературу, а равно и о самой оригинальной литературѣ я скажу въ слѣдующій разъ.

Поучительная литература.

Въ прошлый разъ я началъ говорить о поучительной литературѣ и указалъ,что древніе русскіе люди интересовались этой литературой не въ одинаковой степени: такъ напр., изъ поученій Іоанна Златоуста они брали только нравоучительныя поученія, а не тѣ, напр., въ которыхъ громилось общество временъ Аркадія. Наша письменность получила изъ Болгаріи переводы поученій почти всѣхъ знаменитыхъ духовныхъ ораторовъ греческихъ, каковы напр., Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Ефремъ Сиринъ; изъ нихъ большою популярностью пользовались поученія Іоанна Златоуста, которыя собирались въ разные сборники- Златоустъ, Измарагдъ, Златоструй. Поученія Ефрема Сирина тоже пользовались популярностью, и ихъ вліяніе отразилось въ духовныхъ стихахъ объ Іосифѣ прекрасномъ, о концѣ міра и т.д.

Древніе греческіе ораторы ІУ в. большею частью получали свое образованіе въ тогдашнихъ языческихъ школахъ и проходили тамъ курсы ораторскаго искусства; вотъ почему основы этого ораторскаго языческаго искусства вложены ими въ свои произведенія. Ораторы могутъ имѣть двѣ цѣли: или убѣдить слушателей въ какомъ ниб. дѣлѣ и направить ихъ волю къ извѣстному дѣйствію, или вызвать, извѣстное впечатлѣніе, нарисовать передъ слушателями живую картину бѣдствій, торжества и т.д. Является, так. обр., два вида ораторской рѣчи - учительный и торжественный. Рѣчь перваго рода дѣйствуетъ на умъ, а втораго - на чувство и воображеніе слушателей; первая рѣчь можетъ быть названа ораторской прозой, вторая - ораторской поэзіей; послѣдняя пользуется и особыми, свойственными ей,оборотами и часто достигаетъ замѣчательной художественности; она требуетъ и большаго ораторскаго таланта.

Представители этихъ двухъ теченій есть и у насъ на Руси. Не вдаваясь въ большія подробности, я дамъ краткую характеристику главнѣйшихъ изъ этихъ писателей.Какъ я уже сказалъ, ихъ нужно раздѣлить на два разряда - на писателей, которые имѣли въ виду поученіе и писателей, которые имѣли въ виду художественной картиной подѣйствовать на воображеніе слушателей.

Первымъ писателемъ перваго рода является Лука Жидята, епископъ новгородскій (XI в.), отъ котораго дошло поученіе къ братіи. Это небольшой кодексъ правилъ, необходимыхъ для каждаго христіани-

на; тамъ говорится объ отношенiи къ Богу, ближнимъ и т. д. Необходимость такого поученiя, конечно, была весьма ощутительна, и оно явилосьякстати. Источниками ему послужили поученiя Кирилла Iерус. и заповѣди.

Другимъ писателемъ является Θеодосiй Печерскiй (XI в.). Житiе его, написанное Несторомъ, говоритъ о большой настойчивости его характера. Живя у матери въ Курскѣ, онъ два раза бѣжалъ отъ нея, для того чтобы поступить въ монастырь, два раза былъ возвращаемъ и въ третiй разъ, наконецъ, онъ ушелъ окончательно и поступилъ въ Печерскiй монастырь. Своими подвигами онъ скоро выдвинулся и сталъ игуменомъ монастыря. Въ дѣлѣ устройства этого монастыря онъ озаботился введенiемъ студiйскаго устава, по этому уставу, между прочимъ, представляется братiи и особенно игумену говорить поученiя. Θеодосiй говорилъ поученiя не столько передъ братiей, но не стѣснялся поучать и князей, и этимъ прiобрѣлъ большую популярность.

До насъ почти не дошли эти очень интересныя его поученiя, кромѣ маленькихъ отрывковъ въ лѣтописи. Вотъ начало одного такого поученiя къ князю Изяславу: "Гласъ крови брата твоего вопiетъ къ Богу подобно крови Авеля" .... Несомнѣнно ему принадлежатъ пять поученiй къ братiи; что касается другихъ, приписываемыхъ ему съ большимъ или меньшимъ основанiемъ, то они только въ нѣкоторыхъ рукописяхъ приписываются Θеодосiю.Таково прежде всего поученiе "о казняхъ Божiихъ", составленное на основанiи поученiй сборника Златоструя. Проповѣдникъ здѣсь указываетъ на нѣкоторыя любопытныя черты тогдашняго общества, именно - двоевѣрiе. (Я уже говорилъ, что такое двоевѣрiе: это смѣшенiе языческихъ представленiй съ христiянскими). Изъ поученiй сказывается, что цѣлый рядъ суевѣрiй, которыя наше общество хранитъ доселѣ, уже встрѣчался и тогда. Такъ, Θеодосiй, обращаясь къ слушателямъ говоритъ: не языческiй ли это поступокъ, если вы, встрѣтивъ чернеца, или черницу, или свинью, или коня лысаго, возвращаетесь назадъ; а другiе вѣрятъ чиханiю, а также занимаются недостойными христiанъ дѣлами; какъ-то - волхвованiемъ, чародѣйствомъ и свѣтскими играми, скоморошествомъ, гуслями, сопѣлями и т. д. - Другое поученiе, приписываемое Θеодосiю,есть поученiе о такъ-наз.застольныхъ тропаряхъ. Нѣкоторые сомнѣваются въ принадлежности этого поученiя Θеодосiю, говорять, что обычай трапезничать не нашъ, а скорѣе болгарскiй. Дѣло вотъ въ чемъ: во время большихъ пировъ пѣлись тропари разнымъ святымъ и послѣ каждаго тропаря пили по чашѣ вина; поэтому конечно, пѣли побольше такихъ тропарей, и, так. обр., соединялся какъ будто церковный, христiянскiй обычай съ пьянствомъ. Противъ этого то Θеодосiй и вооружался, совѣтуя пѣть не болѣе трехъ тропарей. - Интересно его посланiе къ князю Изяславу по вопросу о постѣ въ среду и пятокъ. Оказывается, что этотъ постъ еще не былъ установленъ въ это время. Другой вопросъ кн. Изяслава - можно-ли работать въ Воскресенье - былъ вызванъ, по всей вѣроятности, ходившими апокрифами, вродѣ "эпистоли" о св. недѣлѣ. Въ этой "эпистоли и разказывается, что однажды въ Римѣ явилось письмо Iисуса Христа, которое предписываетъ воздерживаться въ Воскресенье отъ всякой работы. Эта св.недѣля очень многими изъ тогдашнихъ людей олицетворялось въ образъ св. Анастасiи, подобно тому, какъ и теперь у насъ пятница олицетворяется Параскевой. Противъ этихъ олицетворенiй выступалъ Θеодосiй и говорилъ князю, что Воскресенье не есть какой-ниб. воспоминанiе о к[illegible] ниб. святомъ, а есть только первый день недѣли, а пятница [illegible] Между прочимъ, какъ олицетворенная святая, есть въ "хожденiи Богородицы по мукамъ".

Я не буду касаться цѣлаго ряда другихъ произведенiй поучительно литературы нашей до-монгольскаго перiода; въ нихъ найдутся кое какiя интересныя указанiя на тогдашнiя суевѣрiя; но это было бы слишкомъ обременительно для вашего вниманiя. Не буду также подробно касаться цѣлаго ряда такихъ вопросовъ, какъ объ отношенiи къ латинской церкви Скажу только, что наши митрополиты, епископы и другiе церковные учители не разъ указывали на различiя догматическiя и церковныя въ латинской церкви и старались, чтобы русскiе поменьше водили знаком

тва съ католиками; отсюда - цѣлый рядъ поученій въ этомъ родѣ. ти поученія идутъ отъ перваго митроп. Леонтія и продолжаются слѣдующими за нимъ митрополитами: Георгіемъ, Іоанномъ II, Никифоромъ отъ послѣдняго осталось три поученія къ князьямъ) и другими.

Другія слова, представляющія собою не поученія, а торжественныя рѣчи, имѣли представителями у насъ Иларіона митроп. кіевскаго Кирилла Туровскаго, Климента Смолятича и др. - Иларіонъ оставилъ Слово о законѣ и благодати и похвалу нашему кагану Владиміру". Законъ и благодать - ветхій и новый завѣтъ, а каганъ это титулъ князя). Иларіонъ былъ поставленъ митрополитомъ въ 1051 г. по желанію князя Ярослава. Это былъ первый митрополитъ изъ русскихъ, а не грековъ. Слово его, какъ можно догадываться, было произнесено между 1037 и 1050 гг., такъ что оно, повидимому, было составлено Иларіономъ тогда, когда онъ былъ еще священникомъ.- Слово это начинается указаніемъ на искупленіе рода человѣческаго Іисусомъ Христомъ, а распространеніе христіанской вѣры; во второй же части находится похвала князю Владиміру и говорится о принятіи рукописи христіанства. Въ этой второй части въ образной рѣчи ораторъ изливаетъ восторженное чувство человѣка, увѣреннаго въ истинѣ христіанской вѣры и въ значеніи ея для жизни; его чувство проникнуто также радостнымъ сознаніемъ національнаго могущества: онъ говоритъ о подвигахъ князей, начиная отъ стараго Игоря и славнаго Святослава и переходитъ къ Владиміру. Всякій народъ, всякая страна говорилъ онъ, имѣетъ кого славить такъ и мы прославимъ нашего апостола Владиміра. Оказывается по слову Иларіона что Владиміръ принялъ Христіанство безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій, а будучи самъ увѣренъ въ истинахъ св. вѣры. Проповѣдникъ восхваляетъ его Христіанскія добродѣтели, обращается къ нему съ воззваніемъ, что дѣло его не погибло, что оно усердно продолжается достойнымъ его преемникомъ Георгіемъ (т. е. Ярославомъ) Слово заканчивается всеобщею молитвою отъ лица русской земли, въ которой испрашивается Божіе милосердіе къ народу еще не окрѣпшему въ истинахъ христіанской вѣры.

Рѣчь эта могла быть произнесена даже не въ Церкви, а въ избранномъ кружкѣ слушателей, можетъ быть - предъ княжескимъ семействомъ. Не смотря на то, что въ нашей литературѣ существуютъ разнообразные и противорѣчивые отзывы о древнихъ писателяхъ, всѣ, однако, согласны въ томъ, что Иларіонъ представляетъ собою замѣчательное явленіе. Это - ораторъ, имѣющій громадный талантъ. Профессоръ Голубинскій (авторъ "Исторіи русской церкви"), очень строгій къ нашимъ древнимъ писателямъ сравниваетъ это поученіе съ нашими торжественными академическими рѣчами и говоритъ, что если-бы оно было переведено на современный языкъ, то не всякій догадался, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ древняго періода, а не словомъ карамзиновской эпохи. Языкъ слова образный, но ясный и правильный, о символизмѣ и аллегоріи въ этомъ словѣ я далѣе скажу, когда буду говорить о Кириллѣ Туровскомъ.

Не удивительно, что такое замѣчательное произведеніе нашло себѣ подражателей: эти подражанія находимъ въ Волынской лѣтописи (13 вѣка) гдѣ лѣтописецъ прославляетъ Владиміра Васильковича. Иларіону подражалъ даже сербскій писатель XIII в. Доментіанъ въ житіи жупана Немани Менѣе извѣстенъ игуменъ Моисей произнесшій (1200г.) тоже замѣчательную рѣчь по поводу передѣлокъ въ Михайло-Выдубицкомъ монастырѣ.

Очень большою популярностью у насъ на Руси пользовались слова Кирилла Туровскаго, который жилъ во второй половинѣ XII в. До насъ дошла краткая біографія этого святаго, гдѣ разсказывается, что нѣкоторое время онъ подвизался на столпѣ (это особый видъ подвижничества). Отъ него остался цѣлый рядъ словъ, какъ напр., въ вербное воскресенье на Пасху и т.д. Нравоученій въ нихъ почти не найдемъ; нѣтъ также указаній и на современныя обстоятельства. Особенности стиля также рѣчей какъ Иларіона и Кирилла Т. заключаются прежде всего въ тропофигуральныхъ выраженіяхъ. У нихъ нерѣдко попадаются такія выраженія,

какъ "нынѣ днесь": нынѣ солнце восходитъ"," днесь Іс. Хс. бесѣдуетъ" и т. д. Эти выраженія способствовали неправильному пониманію у нашего народа праздниковъ; праздники казались ему не воспоминаніемъ о событіяхъ а воспроизведеніемъ этихъ событій. Съ другой стороны, эти же проповѣдники любили антитезы, т. е. противоположенія. У Иларіона ихъ очень много; я приведу два изъ нихъ: "прежде говоритъ онъ, законъ, нынѣ - благодать" (т. е. ветхій и новый завѣтъ); "прежде - тѣнь, нынѣ истина"; цѣлый рядъ такихъ выраженій можетъ даже утомить слушателей. - Далѣе мы встрѣчаемся съ олицетвореніями и драматизмомъ изложенія. Такъ, мы находимъ, что благодать обращается къ Богу какъ живое лицо (у Иларіона); является языческая церковь, является Христосъ бесѣдующій съ Ѳомою, является царица дней недѣля (у Кирилла); - Но особенно любили эти проповѣдники символизмъ, символическія толкованія. Такимъ образомъ они толковали Свящ. Писаніе, обряды церковные, толковали даже и явленія природы. Символицизмъ въ толкованіи св. писанія заключался въ такъ назыв. прообразахъ. Такъ, въ словѣ Иларіона мы найдемъ прообразы христіанской церкви въ такихъ сравненіяхъ: ветхій завѣтъ и христіанство, Агарь и Сарра, Манассія и Ефремъ (какъ извѣстно, Манассія и Ефремъ благословенны не по старшинству, а такимъ образомъ, что младшій получилъ преимущество предъ старшимъ); символически же объяснялись церковныя одежды и обряды; я приведу одно мѣсто изъ Кирилла Туровскаго, очень интересно въ бытовомъ отношеніи; тамъ говорится о такъ наз. гуменцѣ (по латински tonsura); какъ извѣстно, католическія священники сбриваютъ часть волосъ на головѣ; этотъ обычай существовалъ у насъ въ старину; по крайней мѣрѣ, о немъ упоминается у Кирилла Т.: имъ же и объясняется, почему завелся этотъ обычай: когда израильтяне выходили изъ Египта то они успѣли только замѣсить тѣсто, но не успѣли испечь; поэтому они взяли маленькія лепешки и положили на головы, чтобы само солнце допекло ихъ; разсказывая эту вещь, Кириллъ прибавляетъ, что монахи тѣ же израильтяне, которые странствуютъ къ землѣ обѣтованной. Символическія толкованія природы употреблялись въ такой, напр., формѣ: христіанство это-весна, или: сама весна радуется воскресенію Христа и т. п.

Другимъ проповѣдникомъ того же направленія является митр. Климентъ Смолятичъ (поученія его недавно отысканы), второй русскій по происхожденію митрополитъ.

Среди этихъ поученій написанныхъ духовными лицами, выдѣляется одно поученіе, написанное свѣтскимъ, именно - Владиміромъ Мономахомъ. Это поученіе находится пока въ одномъ спискѣ - въ Лаврентьевской лѣтописи, послѣ 1096 г. Это поученіе, собственно говоря, представляетъ собою соединеніе трехъ частей: во 1-хъ, поученіе къ сыновьямъ, во 2-хъ, письмо къ кн. Олегу Святославичу и въ 3-хъ молитва. Самое поученіе можетъ быть разбито также на три части, хотя планъ въ немъ далеко не выдержанъ. Въ первой части говорится о Божьей мудрости и милости, во второй - объ обязанностяхъ князя и въ третьей содержится разсказъ о собственной жизни Мономаха.

Нѣкоторое время спорили о времени появленія этого поученія. Дѣло въ томъ, что въ началѣ его находится выраженіе "сидя на саняхъ"; толковали, что это значитъ "приближаясь къ смерти". Это толкованіе конечно, имѣетъ за собою основаніе, потому что, дѣйствительно, предъ смертью людей, желающихъ сказать послѣднее слово, клали на нѣкоторое подобіе саней (такъ, напр., въ сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ). Но трудно допустить, что Владиміръ М. писалъ это поученіе, зная, что скоро умретъ; и въ самомъ поученіи есть нѣсколько указаній, что дѣло происходило не предъ смертью. Тамъ есть такое выраженіе: "можетъ быть, кто-ниб., прочитавши мое поученіе, что я сказалъ неудачнаго, сидя на саняхъ въ далекомъ пути"...- такъ что, дѣло идетъ не о смерти. Далѣе - поводъ написанія: встрѣтились послы братьевъ.

На поученіе имѣли вліяніе цѣлый рядъ другихъ произведеній, преж-

де всего апокрифическія: завѣты 12 патріарховъ, завѣщаніе отца сыну и цѣлый рядъ поученій отца къ сыну, каково одно находящееся въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г. Форма этого поученія была довольно удобна для автора, такъ какъ онъ могъ не стѣсняться строгимъ планомъ; вотъ почему, вѣроятно, и Владиміръ Мономахъ избралъ эту же форму. Помимо этихъ двухъ источниковъ оказалось вліяніе Василія Вел. и Іоанна Златоуста.

Поводомъ къ написанію была встрѣча съ послами братьевъ, которые приглашали идти на Ростиславичей. Владиміръ М. отказался и, взявши псалтирь, нашелъ тамъ слова: "вскую печалуешися душе моя, вскую смущаеши мя" и т. д. Этотъ обычай развертывать въ трудныхъ случаяхъ псалтирь встрѣчается не въ первый разъ въ литературѣ; очевидно, псалтирь была книжкой утѣшенія и тамъ искали рѣшенія по данному вопросу (напр., Михаилъ Черниговскій, извѣстный своимъ мученичествомъ въ ордѣ, тоже прибѣгалъ къ псалтири).

Въ этомъ поученіи мы не найдемъ полной картины княжеской жизни, не найдемъ того, что впослѣдствіи подробно раскрыто въ Домостроѣ (XУI в.): въ Домостроѣ каждый шагъ былъ предвидѣнъ. Въ этомъ поученіи Владиміра М. говорится о молитвѣ, о противостояніи лѣности и т.д. По мнѣнію Владиміра М., для того чтобы угодить Богу не требуется отъ христіанъ ничего особеннаго, не нужно уединяться отъ свѣта, какъ это дѣлали нѣкоторые. Очевидно, въ это время довольно часто уходили изъ міра; по мнѣнію Владиміра М., можно и въ мірѣ дѣлать добро. Рекомендуетъ онъ, между прочимъ,-что очень интересно,-изученіе языковъ; по его мнѣнію, это очень полезное занятіе, и въ примѣръ приводитъ своего отца который сидя дома изучилъ пять языковъ.

Обязанности дѣтей раздѣляются на два отдѣла: на общехристіанскія и княжескія. Общехристіанскія состоятъ въ покаяніи, слезахъ и молитвѣ. Что касается покаянія, то оно понятно; понятно наставленіе и о молитвѣ; но слезы - при чемъ здѣсь слезы? Оказывается, что это было извѣстнаго рода аскетическое упражненіе. Аскетизмъ состоялъ въ извѣстномъ созерцательномъ настроеніи извѣстныхъ обрядахъ и вотъ, между прочимъ,- въ слезахъ. Были даже такіе угодники Божіи, которые проявляли особенное усердіе въ отношеніи этихъ слезъ, особенно специализировались въ этомъ. Въ одномъ изъ патериковъ разсказывается объ одномъ святомъ, который даже собиралъ свои слезы, для того чтобы представить впослѣдствіи на судъ Божій и когда онъ умеръ то оказалось, что имѣли значеніе тѣ слезы, которыхъ онъ не собиралъ, а тѣ въ сосудѣ оказались не нужными. Такимъ обр., слезы были извѣстнаго рода аскетическимъ упражненіемъ. Особенно рекомендуетъ Владиміръ своимъ сыновьямъ молитву, а также поддержку сирыхъ убогихъ и слабыхъ людей.

Говоря объ обязанностяхъ князя, онъ касается князя, какъ полководца, судьи и хозяина. Какъ полководецъ князь долженъ вникать во все самъ а не полагаться на подчиненныхъ людей онъ долженъ даже самъ ставить караулы. Судъ его долженъ оправдать и поддержать свою славу и - что очень интересно - Владиміръ совѣтуетъ не убивать "ни праваго ни виноватаго", потому что это не по христіански; и этотъ взглядъ встрѣчается не только у него, но и у другихъ, напр., у перваго князя, принявшаго христіанство - св. Владиміра. Извѣстенъ лѣтописный разсказъ о томъ, какъ разбойники очень досаждали князю, какъ ихъ поймали, и какъ князь обратился къ священникамъ, что дѣлать съ пойманными; тѣ совѣтовали казнить, но онъ не согласился, потому что это - не по христіански. Въ древнѣйшемъ законодательномъ сводѣ - русской Правдѣ также нѣтъ упоминанія о смертной казни.- Князья, какъ хозяева собственнаго имущества, должны заботиться о немъ съ особеннымъ стараніемъ, входить во всѣ мелочи въ домѣ, напр., заботиться даже объ обѣдѣ, "да не посмѣются приходящіи ни вамъ, ни дому вашему."

Другой разрядъ нравоучительной литературы, кромѣ поученій, представляютъ сборники житій, каковы: минеи, патерики и прологи. Минеи

это такіе сборники, въ которыхъ находится подъ каждымъ днемъ мѣсяца жизнеописаніе, по крайней мѣрѣ, одного святаго. Патерики предотавляють собою сборники житій святыхъ извѣстной мѣстности; такъ, напр., существовалъ патерикъ египетскій, составленный Палладіемъ, патерикъ Синайскій и др. Наконецъ, прологи представляли собою сборники житій, рядомъ съ которыми приводились соотвѣтствующія поученія. И минеи, и патерики, и прологи были извѣстны на Руси, и, между прочимъ, патерикъ вызвалъ подражаніе, результатомъ котораго былъ замѣчательный сборникъ - такъ называемый Кіево-Печерскій Патерикъ. Составленъ онъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ его теперь, не ранѣе начала XIII вѣка. Онъ состоитъ изъ ряда статей; изъ статей Симона еп. Владимірскаго, и статей монаха Поликарпа, изъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ лѣтописей и изъ житія Өеодосія, написаннаго Несторомъ. Поводъ, по которому явилось первое изъ названныхъ сочиненій, слѣдующій. Поликарпъ, инокъ Печерскаго монастыря, побывавши у родственника своего еп. Симона во Владимірѣ и вернувшись назадъ, нашелъ, что его недостаточно оцѣнили, что ему не мѣшало бы быть епископомъ; и съ этими жалобами онъ обратился къ Симону. Въ отвѣтъ на это Симонъ написалъ, что очень не хорошо такъ думать, что его жизнь для спасенія въ монастырѣ должна быть поставлена выше всякихъ почестей, и что самъ Симонъ предпочелъ бы эту жизнь нынѣшней своей, и затѣмъ, какъ бы въ примѣръ, онъ изложилъ въ отвѣтномъ посланіи Поликарпу нѣсколько житій угодниковъ печерскихъ, а также сказаніе о началѣ печерской церкви. Это первая часть и начало патерика. Поликарпъ, повидимому, почувствовалъ свою неправоту и самъ дополнилъ сочиненіе Симона сказаніемъ о нѣкоторыхъ друг. подвижникахъ и адресовалъ свой трудъ Акиндину, архимандриту Печерскому; сюда же вошли потомъ нѣкоторые отрывки изъ лѣтописей и житіе Өеодосія.

Я дамъ только общую характеристику этого памятника, не касаясь подробностей житій. Печерскій монастырь представлялъ собою первый нашъ замѣчательный монастырь и потому описаніе жизни внутренней монастырской интересно въ историческомъ отношеніи. Какъ тамъ обстояло дѣло съ исполненіемъ строгихъ монастырскихъ уставовъ, съ аскетизмомъ? Оказывается изъ Патерика, что духовный, внутренній аскетизмъ привился тамъ съ большимъ трудомъ. Люди, попадавшіе туда, были большею частью мало-образованные; для нихъ нипочемъ были такіе труды, какъ рубить дрова и носить воду; но разъ дѣло касалось трудовъ аскетическихъ, то тутъ они должны были очень многое упускать. Они никакъ не могли преодолѣть двухъ вещей - поста и бдѣнія, т.е., ночнаго бодрствованія для молитвы. Өеодосій Печерскій пошелъ въ этомъ отношеніи даже на уступки: онъ позволилъ дѣлать дневной отдыхъ; въ полденъ печерскій монастырь закрывался и тамъ иноки отдыхали, чтобы ночью во время встать и молиться. Но крѣпкое стояніе ночное, не смотря на это послабленіе, выдерживали немногіе. До насъ дошелъ одинъ разсказъ объ одномъ святомъ, именно - Матоеѣ прозорливомъ: въ этомъ разсказѣ говорится, какъ Матоей однажды наблюдалъ братію, какъ мало - по - малу иноки начинаютъ дремать и спать въ церкви; когда-же онъ присмотрѣлся внимательнѣе, то увидѣлъ, что по церкви ходитъ бѣсъ въ одеждѣ ляха (поляка) и бросаетъ цвѣты, и какому иноку броситъ, тотъ и заснетъ. Такимъ обр., сказалось, что это бѣсъ мѣшалъ подвигамъ иноковъ; и даже самъ Матоей не выдержалъ, и бывали случаи, что, возвращаясь изъ церкви, гдѣ-ниб. на дорогѣ засыпалъ.

Кіево - Печерскій Патерикъ. Лѣтопись.

Мм. гг. Предметомъ моей сегодняшней бесѣды съ вами, и послѣдней, будетъ вопросъ о русской лѣтописи. Но я еще не кончилъ характеристику патерика Печерскаго. И такъ, я припомню Вамъ, что, судя по

этому патерику, аскетическая жизнь у нас въ Печерскомъ монастырѣ стояла не на особенно высокой степени; противниками этого аскетизма являлась нечистая сила, именно - бѣсы. Они являлись инокамъ во время ихъ аскетическихъ упражненій иногда даже въ видѣ сказочнаго дракона и даже являлись самому преподобному Ѳеодосію игумену Печерскому. По мнѣнію послѣдняго, для того чтобы избавиться отъ нихъ необходима храбрость; и вотъ разъ онъ самъ прогналъ такого бѣса, явившагося къ нему въ видѣ собаки. Эти бѣсы, мѣшающіе подвигамъ иноковъ, есть такъ сказать, отголосокъ, остатокъ отъ древнихъ боговъ русскихъ. Они иногда являются то очень простоватыми, съ которыми нѣкоторые иноки могутъ обращаться какъ имъ угодно, напр., могутъ заставить молотить хлѣбъ или таскать дрова, - то являются очень умными бѣсами; они, напр., научили одного подвижника разнымъ языкамъ. Это двойственное представленіе нечистой силы явилось, конечно, вслѣдствіе двухъ вліяній - вліянія своего и заноснаго. Заносное вліяніе сказывается въ представленіи нечистой силы, какъ силы обладающей значительными знаніями, но пользущейся ими не для хорошихъ цѣлей.

Судя по патерику, умственная жизнь иноковъ Печерской лавры стояла тоже не на высокой степени. Очень немногіе люди интересовались литературой: во главѣ ихъ стоялъ, конечно, преп. Ѳеодосій и Несторъ. Сравнительно немногіе знали св. Писаніе, такъ что тотъ инокъ, который зналъ псалтирь, вызывалъ всеобщее удивленіе. Уставъ соблюдался не строго. Особенно не соблюдался обѣтъ нестяжанія, и трудно было уничтожить частную собственность, какъ къ этому не стремился преп. Ѳеодосій. Но послѣ его смерти эти отдѣльныя нарушенія устава дѣлаются все болѣе и болѣе частыми; бывали случаи что бѣднаго монаха никто не хотѣлъ хоронить; точно также и попасть бѣдняку въ монастырь было трудно.

Эти черты, характеризующія жизнь не съ особенно хорошей стороны, взяты изъ самаго патерика, памятника довольно объективнаго; здѣсь нѣтъ самовосхваленія, здѣсь изложена жизнь какъ она есть, и отсутствіе этой тенденціи составляетъ большую заслугу составителей патерика. Конечно, здѣсь указываются дѣятели достойные уваженія съ точки зрѣнія аскетизма, но не умалчиваются и темныя стороны. Тѣ житія, которыя вошли въ Печерскій патерикъ, представляютъ значительный историческій интересъ въ виду простоты содержанія и изложенія.

Другія житія, дошедшія до насъ отъ до-монгольскаго періода, не отличаются этими достоинствами. Такъ, напр., житіе кн. Владиміра и житіе Бориса и Глѣба, написанное монахомъ Іаковымъ, представляетъ собственно не житіе, а похвальное слово или панегирикъ. Интересенъ этотъ памятникъ также съ исторической стороны; здѣсь нѣтъ ни слова о тѣхъ знаменитыхъ посольствахъ ради изученія вѣры разныхъ народовъ, о которыхъ говоритъ лѣтопись, и которыхъ никогда на самомъ дѣлѣ не было; здѣсь говорится, что Владиміръ принялъ христіанство подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Ольгою и съ друг. умными людьми. Въ словѣ о Борисѣ и Глѣбѣ того же Іакова является новая черта - драматизмъ изложенія: дѣйствующія лица говорятъ очень длинныя рѣчи и т. п.

Нѣсколько иного характера сочиненія преп. Нестора, между прочимъ, - житіе Ѳеодосія. Это житіе, собственно говоря, не историческій памятникъ, а поучительное произведеніе; нужно замѣтить, что наши житія подражаютъ житіямъ греческимъ, которыя тоже имѣли въ виду не столько изложеніе фактовъ, сколько поученіе читателей. Сложился даже особый типъ этихъ житій, и цѣлый рядъ выраженій, которыя постоянно встрѣчаются въ одномъ и томъ же житіи. Но такія житія менѣе всего заботятся объ исторической точности и полнотѣ; даже собственныя имена по большей части выбрасываются и выходятъ другіе дѣятели, другіе мужи; указывается, что такой-то святой съ дѣтства чувствуетъ наклонность къ аскетизму, влеченію въ монастырь и т. д. И это говорится относительно всѣхъ святыхъ. Житіе Ѳеодосія, замѣчу между прочимъ, написано Несторомъ подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, житія

Саввы Освященнаго.

Покончивши со всѣми памятниками поучительной литературы, я перехожу къ лѣтописи. Что такое лѣтопись? Вамъ указывалось здѣсь, что лѣтописъ есть погодное изложеніе событій, относительно которыхъ авторъ нисколько не заботился, что поставить ихъ въ причинной связи; единственная связь, имъ признаваемая, есть хронологическая.-Наши лѣтописи ведутъ свое начало очень издавна. Несомнѣнно,что въ тотъ лѣтописный сводъ, который дошелъ до насъ подъ именемъ лѣтописи Нестора, вошли очень старыя записи, составившіяся гораздо раньше, чѣмъ у насъ появилось христіанство, объявленное Владиміромъ. Такъ, напр., договоры русскихъ съ греками вошли въ лѣтопись. Несомнѣнно, что нѣкоторые факты изъ самаго древняго періода, которые занесены въ нашу лѣтопись съ довольно большою подробностью, настолько незначительны, что не могли сохраниться въ памяти народной, и вотъ почему нужно предполагать, что, разъ они попали въ лѣтопись, они были записаны и отмѣчены раньше: кромѣ того, можно доказать, что составитель свода лѣтописнаго пользовался такими свидѣтельствами, которыя трудно было ему примирить, или онъ самъ не хотѣлъ ихъ примирить. Такъ напр., подъ 915 г. содержится извѣстіе,что тогда Печенѣги въ первый разъ напали на Русь; между тѣмъ, подъ 968 годомъ опять содержится извѣстіе, что именно въ этотъ годъ Печенѣги въ первый разъ напали на Русь. Появленіе такихъ двухъ извѣстій можно только тѣмъ объяснить, что они были въ двухъ различныхъ записяхъ, и только лѣтописецъ не желалъ ихъ примирить, или не вдумалая въ ихъ противорѣчіе и такимъ образомъ поставилъ ихъ въ одномъ произведеніи.

Какъ же велось лѣтописное счисленіе въ этихъ старыхъ записяхъ? Какъ мы знаемъ, русскіе, принявшіе христіанство, вели счисленіе отъ сотворенія міра; какъ же велось оно раньше? Раньше счисленіе велось несомнѣнно, по княженіямъ, говорилось, что въ лѣто такое-то княженія такого-то случилось извѣстное событіе. Примѣръ такого именно погоднаго описанія событій по княженіямъ находится у Іакова въ его похвалѣ Владиміру: изложеніе событій при Владимірѣ именно такое. Первоначальная лѣтопись самой древней поры Россіи до насъ не сохранилась въ томъ видѣ,въ какомъ она вышла изъ рукъ составителей. Прежде чѣмъ перейти къ характеристики лѣтописи, я скажу въ двухъ словахъ что нужно разумѣть подъ лѣтописью, лѣтописнымъ сводомъ, сборникомъ и спискомъ.

Лѣтопись есть погодная запись, сдѣланная современникомъ, слѣдовательно - обнимающая не особенно долгій промежутокъ времени. Если рядъ этихъ записей соединить вмѣстѣ, то составится лѣтописный сводъ; такой сводъ представляетъ собою наша первоначальная лѣтопись, говорящая о призваніи князя и заканчивающаяся приблизительно началомъ XII в. Это - лѣтописный сводъ - сводъ нѣсколькихъ лѣтописныхъ записей. Если нѣсколько такихъ сводовъ собрать въ одну книгу, то составится лѣтописный сборникъ. Такимъ сборникомъ будетъ извѣстная у насъ Лаврентьевская лѣтопись (конца XIУ в.); тамъ находится первоначальная лѣтопись и послѣ нея сводъ лѣтописей, составленныхъ на сѣверѣ (такъ наз. Суздальская).Другой сборникъ - Игнатьевскій представляетъ собою лѣтописные своды Кіевскій и Волынскій.- Наконецъ, отдѣльные списки, которые входятъ въ лѣтописные своды, составляютъ такъ наз. лѣтописные списки.

Кто былъ первый авторъ первоначальной лѣтописи? На этотъ вопросъ до сихъ поръ, до послѣдняго времени съ полной положительностью отвѣчали, что Несторъ; сравнительно недавно стали сомнѣваться въ этомъ. Относительно Нестора былъ цѣлый рядъ указаній. Напр., въ Патерикѣ Печерскомъ указывается два раза, что существовалъ лѣтописецъ Несторъ. Въ одномъ спискѣ, правда позднемъ, тоже стоитъ, что это - списокъ черноризца Печерскаго монастыря Нестора. Но оказывается, что въ лѣтописи есть цѣлый рядъ противорѣчій фактамъ, изложеннымъ въ сочиненіяхъ несомнѣнно принадлежащихъ Нестору, напр.,въ житіи Ѳеодосія

Тамъ говорится, что онъ, Несторъ, пришелъ въ монастырь, когда Θеодосія уже не было въ живыхъ; а въ лѣтописи говорится, что авторъ пришелъ въ монастырь при жизни Θеодосія и отъ него принялъ постриженіе. Вотъ почему невозможно признать Нестора авторомъ лѣтописи.

Но въ лѣтописи есть указанія на автора. Одно указаніе то, въ которомъ говорится, что лѣтописецъ пришелъ къ Θеодосію и тотъ его постригъ. Другое указаніе слѣдующее: подъ 1096 г. содержится извѣстіе о нашествіи половцевъ и говорится отъ лица современника, который самъ былъ въ монастырѣ и испыталъ тотъ переполохъ, который тогда происходилъ. А подъ 1065 годомъ разсказывается, что лѣтописецъ самъ принималъ маленькое участіе въ одномъ событіи, не будучи монахомъ. Такимъ образомъ, монахомъ сдѣлался онъ послѣ 1065 года, а послѣ 1110 года по Лаврентьевскому списку значится, что игуменъ Сильвестръ "написалъ эти книги, надѣясь отъ Бога получить милость, при князѣ Владимірѣ (Мономахѣ) въ лѣто 6624" (т.е. въ 1116 году отъ Р. Х.). Такимъ обр., мы имѣемъ полное указаніе на то, кто былъ авторъ первоначальной лѣтописи или первоначальнаго свода: этотъ Сильвестръ взялъ лѣтопись первоначальную кіевскую и довелъ ее до своего времени, до того года, гдѣ находится указаніе, что этотъ Сильвестръ умеръ. Так. обр., авторъ первоначальнаго лѣтописнаго свода былъ Сильвестръ игуменъ Михайло-Выдубицкаго монастыря, современникъ Владиміра Мономаха и уважаемый имъ человѣкъ. Этимъ можно объяснить, почему въ лѣтопись попало поученіе Владиміра Мономаха: оно сохранилось только тамъ и, вѣроятно, сохранилось благодаря хорошимъ отношеніямъ между княземъ и Сильвестромъ.

Взявшись за трудъ сводный, лѣтописецъ имѣлъ предъ собою греческіе хронографы - Георгія Амартолы и Іоанна Малалы; онъ пользовался ими какъ источниками, но формы ихъ не принялъ. Хронографъ немного выше лѣтописи; тамъ нѣтъ указаній связи между событіями, тамъ та же хронологическая связь безъ причинной; но распредѣленіе фактовъ идетъ не по годамъ, а по царствованіямъ. Таковъ составъ хронографа. Наша лѣтопись есть погодное положеніе событій, и, конечно, эта форма лѣтописнаго повѣствованія самая простая. Она, несомнѣнно, началась съ самыхъ маленькихъ коротенькихъ записей, и только потомъ изъ нихъ составлялись большія. Эта черновая работа сводчика иногда очень замѣтна, такъ, напр., въ лѣтописи попадается такая вещь: идетъ указаніе 5-6-ти годовъ и параллельно съ ними указаніе событій; и потомъ 5-6 годовъ такихъ, въ которые ничего не случилось; между тѣмъ самые года записаны; очевидно, хотѣлось отмѣтить подъ этими годами какія-ниб. событія, только не хватало матерьяла; года такъ и остались, а переписчикъ не выбросилъ ихъ. Иногда попадаются интересныя замѣчанія: въ такомъ-то году "ничего не было", или "тишина была", ничего важнаго, никакой войны не было. Это показываетъ, какъ велась лѣтопись.

Заглавіе нашей первоначальной лѣтописи такое: "Се повѣсть временныхъ лѣтъ откуда пошла есть русская земля, кто первѣе въ Кіевѣ нача княжите и откуда земля стала есть". "Времянныхъ лѣтъ" это, собственно говоря, плеоназмъ: время и годъ - одно и то же. Собственно говоря, начало лѣтописи по годамъ идетъ съ 852 г. До этого же года идетъ вступленіе, гдѣ говорится о разселеніи народовъ послѣ Ноя и его сыновей, объ ихъ поселеніяхъ, о поселеніяхъ славянъ и, наконецъ, переходитъ къ русскимъ славянамъ. Онъ описываетъ ихъ обряды, обычаи и останавливается на 852 г. Онъ говоритъ, что 852 г. можетъ быть названъ началомъ Руси; въ этомъ году воцарился греческій императоръ Михаилъ, и съ того же года начала "прозываться русская земля" (такъ выражается онъ); "а объ этомъ мы узнали отъ греческихъ лѣтописцевъ" (греческіе лѣтописцы сообщаютъ о нашествіи русскихъ на Царьградъ около этого времени). Такимъ обр., хронологія русская подведена подъ греческую: лѣтописецъ нашелъ въ греческихъ источникахъ такія-то указанія и принялъ ихъ въ своей лѣтописи. Далѣе, можно доказать, что лѣтописный сводъ составленъ тогда же, когда написана приведен-

ная запись Сильвестра. Въ лѣтописи идетъ перечисленіе, что отъ Михаила царя до Олега прошло столько-то лѣтъ и т.д. и оканчивается 1113 годомъ (годомъ вступленія на престолъ Владиміра Мономаха); послѣ этого идетъ погодное распредѣленіе событій, начиная съ призванія князей.- Так. обр., несомнѣнно, что нашъ первоначальный лѣтописный сводъ составленъ въ началѣ XII в.

Лѣтописные своды велись у насъ издавна и въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, въ посланіи Симона къ Поликарпу указывается, что былъ старый лѣтописецъ Ростовскій; остался отрывокъ лѣтописи Волынской (Ипатьевскій сборникъ - очень замѣчательный); лѣтопись велась, конечно, въ Кіевѣ, Суздалѣ, Новгородѣ и др. мѣстахъ.

Источниками для лѣтописца служили эти отдѣльныя записи и прежде всего - оффиціальные документы, которыми онъ могъ пользоваться, конечно, только при хорошихъ отношеніяхъ съ княземъ. Такими оффиціальными документами и были, напр., договоры съ греками; договоры эти не могли быть въ рукахъ частныхъ лицъ.- Потомъ въ лѣтопись вошелъ, кромѣ этихъ записей, цѣлый рядъ отдѣльныхъ сказаній; т. е., нужно допустить, что существовали отдѣльныя повѣсти о фактахъ русской жизни, повѣсти болѣе или менѣе пространныя, болѣе или менѣе интересныя, и лѣтописецъ постарался воспользоваться ими. Такими отдѣльными сказаніями можно назвать начало лѣтописи, о походахъ Олега о смерти его, о смерти Игоря, о мести Ольги, о крещеніи Ольги, о житіи Владиміра, о житіи Бориса и Глѣба, о началѣ Печерскаго монастыря о нападеніи половцевъ и нѣк. др. Эти отдѣльныя событія гораздо длиннѣе маленькихъ фактовъ, отмѣченныхъ лѣтописцемъ. Авторъ одного изъ такихъ сказаній даже названъ тамъ. Это - нѣкто Василій, авторъ сказанія объ ослѣпленія Василька. Нѣкоторыя сказанія о Печерскомъ монастырѣ (ихъ нѣсколько) принадлежатъ, по всей вѣроятности, Нестору Печерскому.

Кромѣ этихъ отдѣльныхъ записей и сказаній лѣтописецъ воспользовался также народными сказаніями. Народъ сохранялъ память о бывшихъ событіяхъ и эту память передавалъ въ легендахъ и разсказахъ; эти-то остатки народнаго эпоса вошли въ лѣтопись. Такова легенда о св. Андреѣ. Въ лѣтописи разсказывается, что св. Андрей былъ въ Россіи, и разсказывается довольно наивно, приблизительно въ такихъ выраженіяхъ: Андрей проповѣдывалъ христіанство въ Синопѣ; оттуда онъ увидѣлъ устье Днѣпра, заинтересовался какъ тамъ люди живутъ и рѣшился обратить ихъ въ христіанство, а оттуда онъ намѣренъ былъ вернуться въ Римъ. Онъ побывалъ въ Кіевѣ, поставилъ крестъ на высокой горѣ (тамъ теперь Андреевскій соборъ), предсказалъ, что это будетъ большой городъ, въ немъ будетъ множество церквей и будетъ въ немъ процвѣтать христіанская вѣра. Потомъ онъ побывалъ въ Новгородѣ; здѣсь идетъ шутливый разсказъ о томъ, какъ ап. Андрей увидѣлъ бани и очень удивился, какъ люди, никѣмъ не принуждаемые, могутъ сами себя мучить Затѣмъ, преданіе легендарное объ Обрахъ. Обры (можетъ быть это Авары - такой народъ былъ) оказываются врагами славянъ; они желали проникнуть въ Византію. Часть ихъ отряда гдѣ-то и когда-то была разбита и вотъ осталась пословица: "погибоша, аки Обре", т.е. погибли, какъ Обры. - Третій легендарный разсказъ - о призваніи князей. Историческая его достовѣрность очень не высока. Что русскіе имѣли связь съ варягами, и что варяги покоряли Русь-это несомнѣнно. Но этотъ разсказъ носитъ характеръ патріотическій: разсказывается, какъ варяги собирали дань и вотъ русскіе прогнали варяговъ, но между собою не ужились, и потому призвали варяговъ, но призвали добровольно, а не по принужденію. Интересно, что преданія о такихъ же призваніяхъ князей сохранились и у друг. народовъ. У Видукинда говорится, что подобное было у бриттовъ и разсказывается объ этомъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ лѣтописи: наша земля велика и обильна и вотъ приходите княжить. Легендарный разсказъ о смерти Олега всѣмъ вамъ извѣстенъ, и я не буду его передавать. Такой же разсказъ о

змѣѣ, выползшей изъ черепа и ужалившей героя, находится въ нѣкоторыхъ скандинавскихъ сагахъ. Разсказъ объ осадѣ Ольгой Коростеня (какъ она выпустила голубей и привязала къ нимъ зажигательные снаряды), подобный разсказъ тоже находится, напр., у Саксона грамматика. Интересны сказанія, въ которыхъ изображается князь Владиміръ. Какъ извѣстно, до сихъ поръ сохранились пѣсни объ этомъ князѣ и его богатыряхъ. Объ одномъ богатырѣ кн. Владиміра разсказывается въ лѣтописи по поводу нападенія печенѣговъ. Печенѣги напали около Переяславля на русскихъ и вызвали на единоборство богатыря, когда русскіе замялись, то Владиміру сообщили, что нѣкій Янъ Усмошвецъ обладаетъ страшной силой; произведено было испытаніе въ которомъ Янъ Усмошвецъ вырвалъ кусокъ мяса у разъяреннаго быка и потомъ убилъ печенѣжскаго богатыря; "тамъ, прибавляетъ лѣтописецъ, основанъ Переяславль, такъ какъ русскій богатырь взялъ, перенялъ славу другаго богатыря". Это, конечно, невѣрно, такъ какъ Переяславль былъ раньше. Интересны и другія сказанія - о ласковости кн. Владиміра. Оказывается, что онъ очень ласково принималъ всѣхъ, особенно дружину. Однажды дружина его возроптала и стала говорить, что не хочетъ ѣсть деревянными ложками а только серебряными; ихъ желаніе было исполнено княземъ, который сказалъ, что съ храброй дружиной онъ добудетъ серебра.

Иностранными источниками лѣтописи были византійскіе хронографы книги Св. Писанія, которыми лѣтописецъ пользовался, когда писалъ о разселеніи народовъ, затѣмъ - палея (о ветхозавѣтныхъ событіяхъ) и, наконецъ, нѣкоторыя апокрифическія, вродѣ слова Меѳодія патарскаго. Это слово, ложно приписываемое этому святителю, говоритъ о разныхъ народахъ, которыхъ изгналъ Александръ Македонскій; когда лѣтописецъ говоритъ объ юграхъ, обитавшихъ, можетъ быть, близко нынѣшней Сибири, то высказываетъ догадку, не тѣ ли это народы, о которыхъ говоритъ Меѳодій патарскій.

Въ виду такой многочисленности источниковъ (оффиціальн. документовъ, маленькихъ отдѣльныхъ сказаній и народныхъ преданій) нельзя ожидать, чтобы лѣтопись представляла единство языка, единство стиля. Цѣль автора была собрать какъ можно больше свѣдѣній историческихъ, какъ можно больше матерьяла и объединить только этотъ матерьялъ въ хронологическомъ порядкѣ. Будучи лицомъ духовнымъ, онъ долженъ былъ проявить церковное міровоззрѣніе. Онъ смотритъ на всѣ событія съ точки зрѣнія критсіанина, при чемъ смотритъ такъ, что всѣ хорошія событія произошли отъ Бога, а всѣ злыя отъ діавола. Онъ выражается, напр., такъ: "вложи Господь мысль добру князю", или наоборотъ: "вложи діаволъ мысль злу"; и такія выраженія постоянно употребляются. Но это церковное міросозерцаніе не можетъ быть названо очень сильнымъ. Дѣло въ томъ, что лѣтописецъ сознавалъ, что онъ пишетъ книгу не для поученія; вотъ почему онъ довольно спокойно относится къ такимъ фактамъ, къ которымъ не могли бы такъ отнестись проповѣдники: онъ довольно объективно разсказываетъ о языческихъ обычаяхъ у славянскихъ народовъ и пр.

Очень сильно у него національное самосознаніе. Это національное самолюбіе, которое я указывалъ у перваго паломника Даніила, у Иларіона и др. писателей, очень цѣнно для насъ. Разсказывая событія прошлаго, лѣтописецъ указываетъ на связь, существовавшую между княземъ, дружиной и вѣчемъ. И вотъ, указывая эту связь, лѣтописецъ дѣлаетъ такія цѣнныя замѣчанія, что князь можетъ много если дѣйствуетъ въ согласіи съ народомъ, съ вѣчемъ и т.п. Очень цѣнится лѣтописцемъ единство Руси; у него часто отвѣчается выраженіе "русская земля"; и съ точки зрѣнія отношеніи русскихъ князей къ этому единству онъ и судитъ ихъ. Я укажу на маленькую подробность, на связь лѣтописнаго сказанія съ народнымъ, хотя эта связь признана далеко не всѣми. Дошла до насъ одна былина о Вольгѣ Святославичѣ; этотъ богатырь объѣзжаетъ землю съ дружиной собираетъ подать; встрѣчается онъ съ Микулой Селяниновичемъ (представителемъ, такъ сказать, земледѣльческой Руси). Вотъ въ этой былинѣ о Вольгѣ

Лист II Лит. Юделевич. А. Ляцкий

который съ дружиной объѣзжаетъ подвѣдомственныя ему города, и видятъ отголосокъ старыхъ сказаній объ Игорѣ; Игорь, какъ извѣстно такимъ же образомъ собиралъ дань съ древлянъ и тамъ погибъ отъ своего корыстолюбія, эта связь князя съ дружиной проводится и въ лѣтописи, князь изображається ласковымъ, который постоянно угощаетъ и ничего не жалѣетъ для своей дружины.

Цѣнна наша лѣтопись, между прочимъ, и тѣмъ, что написано она языкомъ почти народнымъ, т.е., русскимъ (съ примѣсью славянизма), или языкомъ сдѣлавшемся навсегда литературнымъ языкомъ у русскихъ. Это объясняется тѣмъ, что христіянство мы приняли отъ грековъ: западные народы, принявшіе христіянство отъ Рима, имѣютъ лѣтописи цѣнныя въ историческомъ отношеніи, заслуживающія уваженія съ точки зрѣнія національнаго самосознанія, но написанныя на латинскомъ языкѣ; наша же лѣтопись написана на языкѣ русскомъ, и это отчасти составляетъ нашу національную гордость.

Лѣтописецъ относится къ историческимъ извѣстіямъ съ нѣкоторой критикой. Онъ не всегда вѣритъ всякому показанію, иногда не довѣряетъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже является какъ-бы изслѣдователемъ, ему необходимы нѣкоторыя сопоставленія,- хотя бы при вопросѣ о началѣ русской земли,- необходимо сопоставленіе греческой исторіи съ русской. Такимъ обр., онъ имѣетъ маленькую критику; онъ немного выше простаго писателя, который заноситъ факты только въ хронологической связи. Это критическое отношеніе необходимо было уже въ виду того разнообразія источниковъ, которыми онъ пользовался. Мало того въ лѣтописи есть стройное міросозерцаніе и планъ; вотъ почему эта лѣтопись вызывала справедливое удивленіе, и теперь вызываетъ, не только русскихъ, но и иностранцевъ. Извѣстный изслѣдователь лѣтописи Шлецеръ всегда ставилъ высоко "своего Нестора" (какъ онъ выражался).

Лѣтописцы были духовными лицами, потому что эти лица были болѣе образованными въ это время и потому что имъ были болѣе доступны важныя свѣдѣнія о тогдашнихъ событіяхъ. Князья нерѣдко совѣтовались съ ними, и духовныя лица нерѣдко вмѣшивались въ управленіе, указывали князьямъ отступленіе ихъ отъ христіан. нравственности и пр. Такимъ обр., въ лѣтописи отразилась эта связь между княземъ и духовенствомъ.

Важна наша лѣтопись со стороны довольно большаго объективизма. Лѣтописецъ излагаетъ событія, большею частью не стараясь принять ту или другую сторону. Но я разумѣю нашего первоначальнаго лѣтописца, а не болѣе поздняго, т.е. , лѣтописца, явившагося уже въ московскій періодъ.

Оканчивая характеристику лѣтописи, я приведу слова нашего знаменитаго поэта, которыми онъ характеризуетъ Пимена въ своей драмѣ "Борисъ Годуновъ"; лѣтописецъ смотритъ на свой трудъ, какъ на "долгъ завѣщанный отъ Бога" и вотъ онъ говоритъ:

"Когда - нибудь монахъ трудолюбивый
"Найдетъ мой трудъ усердный, безъимянный,
"Зажжетъ онъ, какъ я, свою лампаду
"И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
"Правдивыя сказанья перепишетъ,
"Да вѣдаютъ потомки православныхъ
"Земли родной минувшую судьбу;
" Своихъ царей великихъ вспоминаютъ
"За ихъ труды, за славу, за добро,-
"А за грѣхи, за темныя дѣянья,-
"Спасителя смиренно умоляютъ."

Древняя беллетристическая литература.

Мм. Гг. До сихъ поръ вамъ были сообщены свѣдѣнія, касающіеся главнымъ образомъ тѣхъ памятниковъ литературы, которые удовлетворяли запросамъ любознательности и знакомили древне-русскаго читателя,съ цивилизованнымъ міромъ, вводили его въ рядъ другихъ европейскихъ народовъ. Такова напримѣръ была лѣтопись, сообщавшая старому русскому читателю о томъ, что такое была Византія, что такое иные народы, частью баснословные (напр., запертые въ горахъ Александромъ Македонскимъ) Гогъ и Магогъ, андроны, аримасцы, частью - народы дѣйствительно существовавшіе и только мало извѣстные тогда какъ Руси южной, такъ даже Византіи.- На ряду съ этой литературой была и другая,сколько помните. Это - поучительная литература, выросшая изъ тѣхъ началъ, которыми питались вся византійская литература. Это были литературныя произведенія, являвшіеся какъ-бы повтореніемъ или подражаніемъ словамъ отцовъ церкв.. Іоанна Златоуста, Василія Вел. Григорія Богослова и др. - Эти обѣ группы удовлетворяли запросамъ любознательности и давали извѣстнаго рода поученіе.

Но на ряду съ этой литературой существовала и другая, болѣе интересная для насъ, и, пожалуй, въ высокой сте . занимательная для старыхъ читателей. Эта литература заключалась въ переводныхъ повѣстяхъ и такихъ произведеніяхъ, которыя мы назовемъ, примѣняясь къ современнымъ понятіямъ, - беллетристикой. Древне-русская беллетристика слагалась изъ двухъ отдѣловъ - переводнаго и оригинальнаго. Что касается переводной литературы,то это были повѣсти, романы византійскаго происхожденія и притомъ самаго разнообразнаго характера. Я остановлюсь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, которыя послужатъ для сравненія съ оригинальными произведеніями русской литературы.

Къ числу древнѣйшихъ повѣстей относится извѣстная (поэма X в., написанная неизвѣстнымъ византійскимъ авторомъ, "сказаніе о Дигенѣ Акритѣ или въ русскомъ переводѣ "сказаніе о прекрасномъ Девгеніи". (Дошедши въ позднихъ стихахъ). Вотъ вкратцѣ содержаніе этой повѣсти. Въ Малой Азіи, по сосѣдству съ сарацинами, живетъ одна благочестивая вдова (авторъ подробно останавливается на описаніи ея дома, образа жизни и пр); у нея прекрасная дочь и нѣсколько сыновей. Въ одинъ прекрасный день дочь эту похищаетъ эмиръ-начальникъ вождь арабовъ, (который въ русскомъ сокращенномъ переводѣ названъ царемъ Аниромъ); сыновья вдовы бросаются вслѣдъ за похитителемъ, подступаютъ къ его замку, берутъ его приступомъ и допрашиваютъ плѣненнаго эмира, куда онъ дѣвалъ ихъ сестру. Эмиръ приводитъ ихъ на поляну, гдѣ разбросаны мертвыя тѣла и говоритъ: ищите вашу сестру здѣсь,потому что дѣвушки, которыхъ я похищаю, находятъ здѣсь свою смерть. Братья ищутъ среди этихъ трупповъ сестру, но не находятъ. Тщетно молятся они солнцу: "свѣтлое, пресвѣтлое солнце", говорятъ они, освѣщающее всю вселенную и озаряющее ее своимъ свѣтомъ благотворнымъ и благодѣтельнымъ; укажи нашу сестру, гдѣ мы найдемъ среди труповъ, либо голову, либо руку". Но имъ не удается отыскать сестры; тогда они подступаютъ къ Эмиру съ угрозой лишить его жизни немедленно же, если онъ не укажетъ ихъ сестру; и вотъ онъ открываетъ ихъ спрятанную сестру. Братья предлагаютъ ей вернуться назадъ, но она отказывается, потому что полюбила эмира. Братья примиряются съ непрошеннымъ зятемъ;и вотъ отъ брака эмира съ гречанкой рождается Дигенисъ (т.е. двоеродный - происходящій отъ двухъ родовъ). Этотъ Дигенисъ, подобно героямъ народнаго эпоса,проявляетъ необыкновенныя качества. Одиннадцати лѣтъ онъ побѣждаетъ толпы сарацинъ, и всю жизнь проводитъ въ борьбѣ съ этими сарацинами, отъ которыхъ частью происходитъ. Этотъ-то защитникъ границъ византійской имперіи былъ воспѣтъ въ поэмѣ "сказаніе о Дигенисѣ Акритѣ".

Если мы вспомнимъ изъ народнаго эпоса, кто является тамъ героемъ и что служитъ главной его темой, то мы найдемъ полное тоже-

ство между идеальными героями этого эпоса и разсказанной повѣсти. Главный герой въ эпосѣ - богатырь, защищающій родину отъ враговъ, главная тема борьба со степенью. Единственно, что, когда русскимъ приходилось вести постоянныя войны съ половцами, подобное чтеніе было и занимательно и поучительно; оно подбадривало ихъ духъ, давало имъ нѣчто знакомое, а мы знаемъ, что успѣхъ литературнаго произведенія объясняется его способностью вызвать именно сродныя читателямъ представленія, чувства, настроенія.

Другое замѣчательное переводное произведеніе старой литературы до-монгольскаго періода это сказаніе или повѣсть о царѣ Синагрипѣ о его царедворцѣ премудромъ Акирѣ и племянникѣ его Анаданѣ. Это произведеніе не является уже чисто эпическимъ повѣствованіемъ; оно приближается къ образцамъ древне-русской поучительной литературы. Древне-русская поучительная литература, какъ уже извѣстно, сложилась подъ вліяніемъ византійскимъ; здѣсь же въ этой повѣсти сказалось другое вліяніе, шедшее изъ далекаго востока. Это не что иное, какъ повѣсть, составленная на образецъ всѣмъ извѣстныхъ сказокъ изъ сборника "Тысяча и одна ночь". Вотъ содержаніе въ краткихъ чертахъ. У нѣкаего царя Синагрипа, который упражняется во всевозможныхъ добродѣтеляхъ, есть придворный мужъ Акиръ, праведный, премудрый, всегда подающій ему добрые совѣты. Ему завидуетъ племянникъ его Анаданъ и всячески старается подорвать довѣріе царя къ дядѣ. Это ему наконецъ, удается: по наговору Анадана Акира заключаетъ въ темницу. Но тутъ царство Синагрипа постигаетъ тяжелое испытаніе: египетскій царь съ громаднымъ войскомъ отправляется противъ Синагрипа, побѣждаетъ его и ставитъ такое условіе: если онъ не вышлетъ мудреца, который отгадаетъ всѣ предложенныя загадки, то долженъ будетъ платить тяжелую дань. Царь Синагрипъ обращается къ Анадану, но тщетно: глупый племянникъ не можетъ замѣнить дяди; практическая ловкость племянника сказывается здѣсь безсильною; не смотря на умѣніе вести сплетни, онъ сказывается неспособнымъ дать мудрый совѣтъ. Тогда-то выводятъ изъ заключенія Акира; онъ отправляется въ Египетъ вступаетъ въ бесѣду съ египетскими мудрецами, побѣждаетъ ихъ и выигрываетъ дѣло своего царя. По его возвращеніи ему предлагается сдѣлать съ племянникомъ что только пожелаетъ - казнить смертью, или предать вѣчному заключенію. Но Акиръ прощаетъ его и даетъ ему цѣлый рядъ наставленій, какъ жить съ людьми, каковы обязанности всякаго человѣка и въ частности, царедворца.- Такова вторая повѣсть, которая дѣйствовала на воображеніе и занимала стариннаго русскаго читателя.

Изъ другихъ повѣстей я назову только повѣсть о Троянскомъ плѣненіи: это - краткій пересказъ гомеровской Иліады; разсказы объ Александрѣ Македонскомъ (это такъ назыв. Александрія), гдѣ Александръ является не языческимъ героемъ, а благочестивымъ воиномъ, который побѣждаетъ дикіе народы на краю земли, чтобы проповѣдывать имъ слово Божіе. Такимъ образомъ, получилось житіе, или религіозная повѣсть.

Выборъ названныхъ памятниковъ особенно если сюда еще присоединить переводъ Исторіи Іудеевъ Іосифа Флавія съ его прекраснымъ разсказомъ о плѣненіи Іерусалима, указываетъ на то видное мѣсто, какое занимали въ древне-русской литературѣ "воинскія повѣсти". Это объяснитъ намъ отчасти и появленіе нѣкоторыхъ оригинальныхъ памятниковъ русской старинной литературы.

Посмотримъ, каковы были оригинальные памятники этой эпохи. Къ сожалѣнію оригинальная литература была бѣднѣе переводной, и настолько была бѣднѣе, что изъ тьмы далекихъ временъ донеслись до насъ очень не многочисленные памятники. Но за то, если численность этихъ памятниковъ ничтожна, то литературное достоинство ихъ такъ велико, что произведенія эти могутъ служить какъ бы украшеніемъ всей русской литературы. Я имѣю въ виду, "Слово о полку Игоревѣ".

Его литературая судьба была странна, странна какъ ни одного

другого памятника. Въ 1795 г. оно найдено было гр. Мусинымъ-Пушкинымъ при пѣкупкѣ рукописей изъ одного монастыря; сначала графъ не обратилъ на него особеннаго вниманія; но познакомившись съ содержаніемъ, онъ заинтересовался имъ; и вотъ въ 1897 г. появляется въ заграничной газетѣ сообщеніе, что открыто замѣчательное произведеніе, могущее стать въ рядъ съ поэмами Оссіана. Сенсація была громадная. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, когда будетъ напечатано это эпическое произведеніе. И вотъ въ 1800 г. сдѣлано было первое изданіе"слова о полку Игоревѣ". Когда знаменитый историкъ Шлецеръ подтвердилъ его подлинность, то публика, какъ и комментаторы, занялась его переводомъ. Еще одна странность: чѣмъ далѣе будемъ пускаться вглубь временъ, тѣмъ меньше, мы находимъ у комментаторовъ затрудненій въ толкованіи "слова"; въ 1800 г., напр., почти никто изъ издателей не затруднялся неясностію мѣстъ въ словѣ о полку Игоревѣ; и чѣмъ ближе мы подходимъ къ нашему времени, тѣмъ болѣе и болѣе оказывается неизвѣстныхъ, непонятныхъ мѣстъ; но взамѣнъ того, мѣста, бывшія прежде темными критикамъ, теперь понятны. Это происходитъ отъ того, что изученіе исторіи языка и самой древней литературы значительно подвинулось. Но, съ другой стороны, теперь уже ни у кого изъ изслѣдователей не хватитъ храбрости быстро рѣшать и объяснять трудныя мѣста, и, разрубивъ гордіевъ узелъ, переводить мѣста безнадежно испорченныя.

"Слово" нѣсколько разъ было переведено и прозой и стихами; но къ сожалѣнію, переводы въ стихотворной формѣ не отличаются ни близостью къ подлиннику, ни изяществомъ.

Содержаніе слова слѣдующее. Авторъ-пѣвецъ прежде всего обращается въ глубину своей памяти и спрашиваетъ себя: какъ ему воспѣть походъ сѣверскаго князя Игоря (бывшій въ 1185 г). Воспѣть ли его по тѣмъ даннымъ, которыя онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ или какъ онъ выражается "по былинамъ сего времени",или воспѣть " по замышленію" Бояна? (Боянъ - вѣщій пѣвецъ, который когда-то существовалъ можетъ быть, память о немъ была жива во времена, когда сложилось "слово о полку Игоревѣ"). Тотъ не затруднялся въ творчествѣ; мысль его летала, какъ векша по вѣтвямъ дерева, какъ сѣрый волкъ по землѣ, сизый орелъ подъ облаками; онъ только опускалъ свои руки на гусли,и струны сами пѣли пѣсни подъ его перстами. Онъ начиналъ пѣснь различно; онъ предлагалъ такъ начинать пѣсни: "не буря занесла соколовъ, чрезъ поля широкія галицкія стада бѣжать къ Дону великому"; или такъ: "кони ржать за Сулою, звонитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новѣградѣ". Но пѣвецъ отвергаетъ всѣ эти риторическія вступленія и начинаетъ просто, сразу вводя читателя въ кругъ тѣхъ поэтическихъ образцовъ, которыми наполнено слово: "стоятъ знамена въ Путивлѣ: Игорь ждетъ милаго брата Всеволода, и говоритъ ему: буй-туръ (буйный, дикій быкъ) Всеволодъ! Одинъ братъ, одинъ свѣтъ, свѣтлый ты Игорь; оба мы Святославичи; у насъ сердца закалены въ стали и напитаны храбростью. Сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы. Мои куряне опытные воины; они повиты подъ трубами, взлелѣяны подъ шлемами, вскормлены остріемъ копья. Знаютъ они путь, знаютъ овраги; у нихъ готовы луки, наполнены колчаны, наточены сабли, и они мчатся по чистому полю какъ волки; ища себѣ чести, а князю славы." Но здѣсь пѣвецъ останавливается, какое-то событіе смутило героевъ: Игорь князь взглянулъ на небо и увидѣлъ что солнца нѣтъ, и все его войско покрыто тьмою: зловѣщее предзнаменованіе! (Мы знаемъ, какъ и теперь крестьянскіе люди боятся затменія, видя въ немъ предвѣстіе конца свѣта). Но храбраго Игоря не смущаетъ это:" лучше быть убитымъ, чѣмъ въ плѣну; сядемъ, братья, на борзыхъ коней, полюбуемся на Синій Донъ; хочу преломить копье на полѣ половецкомъ, хочу или испить шеломомъ Дону либо сложить съ вами голову. И вотъ вступилъ Игорь въ золотое стремя и поѣхалъ по чистому полю". Но не къ добру былъ начатъ этотъ походъ. Все что

встрѣчалось ему на пути, предрекало опасность. филинъ кличетъ вверху древа, ночь стонетъ грозою", не говоря уже объ упомянутомъ затменіи: "орлы клектомъ озываютъ звѣрей на кости, лисицы лаютъ на красные щиты " О русская земля! ты уже за холмомъ скрылась",восклицаетъ пѣвецъ Долгая ночь наступаетъ; мерцаетъ заря, загорѣлся свѣтъ поля покрылись туманомъ; уснуло пѣніе соловьевъ. А русскіе выстроились уже на полѣ половецкомъ и покрыли его своими щитами. Раньше выступленіе ихъ противъ непріятеля послужило на пользу: они прогнали половецкіе полки и пріобрѣли большую добычу, такъ что одеждами мосты мостили по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ.

Но вслѣдъ за этимъ послѣдовала крупная неудача. "Идутъ тучи черныя съ моря хотятъ закрыть четыре солнца", говоритъ поэтъ, образно указывая на четырехъ князей, тучи эти - половецкія войска, которыя разобьютъ ихъ. "Вѣтры съ моря вѣютъ стрѣлами на войско Игоря, земля стонетъ, рѣки мутно текутъ, поля покрыты пылью. Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря и со всѣхъ сторонъ и окружили полки желѣзнымъ кольцомъ, а русскіе преградили имъ путь красными щитами. Ярый туръ Всеволодъ! ты стоишь на полѣ битвы, бросаешь стрѣлы на враговъ, гремишь мечемъ о шлемы и куда вскочишь, сверкая золотымъ шлемомъ, тамъ лежатъ половицкія головы; шлемы аварскіе разбиты твоими ударами;" а онъ забылъ все, престолъ отеческій, милую жену и все что было ему дорого, все забылъ въ этомъ упоеніи битвы. "Черна земля подъ копытами, она усѣяна костьми, полита кровью, и этотъ посѣвъ взошелъ печалью по русской землѣ".-Почему? А вотъ и отвѣтъ: "что шумъ шумитъ,что звенитъ рано предъ зарею?Это Игорь поварачиваетъ полки назадъ;ему жаль брата Всеволода.Бились день,бились два,а въ третій день пали воины Игоря. Здѣсь разлучились два брата на берегу быстрой Каялы; здѣсь кроваваго вина не хватило; они напоили сватовъ и сами легли за землю русскую. Трава никнетъ отъ жалости, дерево съ печалью клонится къ землѣ. Наступили печальныя времена. Уже враги, которые доселѣ дремали, со всѣхъ сторонъ несутся съ побѣдою на русскую землю и готовится набѣгъ съ опустошеніями. Далеко залетѣлъ соколъ, гоняя птицу,-къ самому морю". Далѣе пѣвецъ изображаетъ ту печаль, которая распространилась по русской землѣ:"возстоналъ Кіевъ отъ печали и Черниговъ отъ горя; обильная печаль протекла по русской землѣ; все разлилось струями при одной мысли о пораженіи Игоря.

Между тѣмъ, въ Кіевѣ и нѣмцы, и венеціанцы, и греки, и моравяне поютъ хвалу великому князю Святославу, который не за долго предъ тѣмъ побѣдилъ половцевъ; бранятъ,смѣются надъ Игоремъ, который неосмотрительно залетѣлъ въ половецкую землю и погибъ тамъ.

А Святославу снится мрачный, тяжелый сонъ. "Въ Кіевѣ на горахъ говоритъ онъ боярамъ, вы меня одѣвали чернымъ плащемъ, вы поили меня синимъ виномъ, смѣшаннымъ съ горемъ, вы сыпали на меня жемчугъ" (жемчугъ до сихъ поръ имѣетъ значеніе печали, слезъ); " всю ночь каркали вороны. И отвѣчали бояре: вотъ причина этому; уже, князь, печаль полонила тебя; два сокола слетѣли съ отцовскаго стола; они пошли искать градъ Тмутаракань (при Азовскомъ морѣ), любо имъ испить шлемомъ Дону, но уже соколинныя крылья подрѣзаны саблями поганыхъ и они сами опутаны желѣзными оковами. Три дня было темно, два солнца померкло и вмѣстѣ съ ними два молодые мѣсяца Олегъ и Святославъ. Тогда великій князь изронилъ слово со слезами смѣшанное: о мои племянники Игорь и Всеволодъ! вы рано начали безпокоить половецкую землю, а себѣ славы искать; но безъ чести вы пали, потому что безчестно начали это дѣло" (князь Игорь хотѣлъ потихоньку совершить набѣгъ, забрать добычу и вернуться домой съ нею, не раздѣляя ее ни съ кѣмъ). И вотъ Святославъ обращается ко всѣмъ русскимъ князьямъ своего времени; онъ обращается, между прочимъ, къ галицкому Осмомыслу Ярославу такъ изображая его могущество; "ты высоко сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ, ты подперъ угорскія горы своими желѣзными полками, заградилъ королю путь, затворилъ Дунаю

ворота; ты отворяешь Кіеву ворота и стрѣляешь салтаны за морями; отомсти Кончану за землю русскую, за раны Игоревы! Смѣлые Рюрикъ и Давидъ, вы съ храброю дружиной какъ туры мечетесь по половецкому полю, ища равнаго въ храбрости. Вы, Романъ и Мстиславъ! васъ храбрая мысль носитъ на подвиги"! Онъ хвалитъ ихъ войска и призываетъ Ольговичей и др. князей, чтобы они сошлись и отомстили за раны Игоревы и поруганіе русской земли. "О, стонать русской землѣ, заключаетъ пѣвецъ слова, вспомянувши первую годину и первыхъ князей, а всѣ земли были соединены подъ одной твердой властью."

Одновременно съ Святославомъ печалится о судьбѣ Игоря жена его. "На городской стѣнѣ слышится голосъ Ярославны. Рано, невидимо ни кукушкой по Дунаю, смочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, оботру князю кровавыя раны на мужественномъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, говоря: о вѣтеръ-вѣтрило! зачѣмъ такъ сильно дуешь, къ чему несешь на своихъ легкихъ крыльяхъ стрѣлы половецкія на войска моего милаго? Развѣ мало тебѣ вверху подъ облоками вѣять, лелѣя корабли на синемъ морѣ? Зачѣмъ развѣялъ ты по степи мое счастье?

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, говоря: О, Днѣпръ славутичъ! ты пробилъ каменныя горы сквозь землю половецкую, ты лелѣялъ на себѣ корабли Святослава; возлелѣй, господине, и суда моего милаго, чтобы я не посылала къ нему слезъ къ синему морю. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, обращаясь къ солнцу: свѣтлое-пресвѣтлое солнце! ты всѣмъ свѣтло и всѣхъ ласкаешь: зачѣмъ ты простерло свои жгучіе лучи на войска моего милаго, въ безводномъ полѣ изсушило ихъ муки и заткнуло ихъ колчаны?"

И вотъ какъ бы въ отвѣтъ на эти молитвы ко всѣмъ свѣтиламъ, которымъ покланялись древніе славяне и древніе русскіе, судьба Игоря перемѣняется. "Заволновалось море въ полночь, идутъ туманные столбы, и Игорю Богъ кажетъ путь изъ земли половецкой въ землю русскую, къ престолу отеческому. Вечерняя заря погасла; Игорь кажется спящимъ, но въ умѣ измѣряетъ разстояніе отъ Великаго Дона до малаго Донца. Засвисталъ Овлуръ за рѣкой (слуга его) и даетъ знакъ слушать. Игорь вскочилъ какъ горностай въ тростникѣ и бѣлымъ гоголемъ бросился въ воду; Онъ вскочилъ на коня и полетѣлъ соколомъ подъ туманомъ, избивая гусей и лебедей. И Донецъ, встрѣтивъ князя, сказалъ ему: князь Игорь! не мало тебѣ величія, кончаку нелюбія, а русской землѣ веселья. Князь отвѣтилъ ему: не мало и тебѣ величія, лелѣявшему князя на своихъ волнахъ.

Не сороки застрекотали; вслѣдъ за Игоремъ ѣдетъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда вороны не каркали, галки замолкли, сороки не трещали, только ползали по кустамъ, чтобы не мѣшать кн. Игорю въ его бѣгствѣ и говоритъ Гзакъ Кончаку: "если соколъ улетѣлъ въ гнѣздо, то разстрѣляемъ соколенка (молодого князя Владиміра) золоченными стрѣлами." И говоритъ Кончакъ Гзаку: "если соколъ улетѣлъ въ гнѣздо, то сокольца мы опутаемъ красною дѣвицей." И отвѣчаетъ Гзакъ Кончаку: если мы опутаемъ его красною дѣвицей, то не будемъ намъ ни сокольца, ни красной дѣвицы; напротивъ, они будутъ насъ бить на полѣ половецкомъ

Но уже дѣвицы поютъ по Дунаю, и голоса ихъ раздаются чрезъ море до Кіева. А Игорь ѣдетъ къ святой Богородицѣ Пирогощей вознести благодарность за избавленіе. Страны рады, грады веселы Пѣвецъ кончаетъ свое слово такъ: "пѣвши пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ пѣти слава: Игорю Святославичу, буй туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу; здравы князья и дружина, поборающіе за христіанъ поганые полки. Князьямъ слава, а дружинѣ. Аминь."

Вотъ подробный пересказъ, слова о полку Игоревѣ. Теперь остановимся на нѣкоторыхъ мѣстахъ его. Въ одномъ мѣстѣ авторъ вспоминаетъ о томъ, что нѣкій Троянъ подобно кн. Всеславу, о которомъ так-

же говорится здѣсь въ размышленіи пѣвца о томъ, какъ князья жили и боролись между собою, - этотъ Троянъ отличался способностью быть оборотнемъ (это древнѣйшее миѳическое существо, разсказъ о которомъ у сербовъ, напр. существуетъ до сихъ поръ). Затѣмъ, вѣтры называются Стрибожьими внуками; русскіе воины называются: "сила Дажьбожа внука". Ярославна обращается къ солнцу, какъ къ живому существу, обращается она также къ вѣтру и Днѣпру. Что все это значитъ? Замѣтимъ что въ этомъ словѣ нѣтъ ни одного другого намека на христіанское міросозерцаніе автора, кромѣ единственнаго случая- упоминанія о полуднѣ Игоря на поклоненіе Богородицѣ за избавленіе.-Такимъ образомъ, слово о полку Игоревѣ по отсутствію религіозно-поучительной морали стоитъ какъ рѣзкая противоположность всей русской литературѣ, которая существовала у насъ въ до-монгольскій періодъ.

Нѣкоторыя мѣста, однако мы можемъ сопоставить (напр. самое вступленіе, гдѣ онъ предлагаетъ воспѣть по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояна) съ подобными оборотами въ проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго. Затѣмъ, еще отдѣльныя выраженія, отдѣльные обороты рѣчи слова о полку Игоревѣ, мы находимъ въ "исторіи іудеевъ" Іосифа Флавія. Нѣкоторыя мѣста, какъ обращеніе къ "свѣтлому, пресвѣтлому солнцу въ высшей степени сходны съ такими же мѣстами въ византійской поэмѣ, о которой упомянуто выше.

Отсюда выводы. Пѣвецъ былъ не духовнаго званія; иначе, еслибы онъ былъ духовнымъ, онъ не ограничился бы только мимолетнымъ упоминаніемъ о Богородицѣ; онъ остановился бы на религіозныхъ вопросахъ гораздо долѣе и постарался бы, какъ авторъ лѣтописи объяснить пораженіе Игоря-божьимъ наказаніемъ. Это былъ человѣкъ свѣтскій. Мало того онъ былъ не лишенъ тонкаго пониманія народности: Это не былъ человѣкъ, оторвавшійся отъ народной среды и ушедшій въ келью или интересы княжескаго и высшаго класса; многіе обороты и фразы свидѣтельствуютъ о томъ что грамота и религіозная литература не погасили въ немъ свѣжаго народнаго духа. Съ другой стороны, сходство съ рѣчью Кирилла Туровскаго съ переводомъ Іосифа Флавія, съ повѣстью о Дигенисѣ Акритѣ, показываетъ, что это былъ человѣкъ начитанный. Начинаетъ онъ свою пѣснь обращеніемъ къ Бояну, очевидно въ то время существовала извѣстная письменная градація. Это обращеніе весьма сходно съ обращеніемъ другихъ эпическихъ произведеній, какъ Иліады (обращеніе къ музѣ), Одиссеи и др., Очевидно, что авторъ не только начитанный, но и литературно-образованный человѣкъ.
Стиль его краткій, сжатый и выразительный. Отдѣльные образы отличаются удивительной оцѣльностью. Напр., когда говорится о Ярославнѣ, то кто не представитъ себѣ ея горькаго плача по своемъ миломъ на городской стѣнѣ. Ея плачь въ высшей степени сходенъ съ тѣмъ, что до сихъ поръ сохранилось въ губерніяхъ Олонецкой, Вологодской и Архангельской у такъ наз., "вопленницъ", которыя заработываютъ себѣ хлѣбъ именно этими причитаньями. Да достаточно прослушать, какъ женщина причитаетъ на могилѣ мужа, чтобы замѣтить поразительное сходство съ плачемъ Ярославны конечно не въ подробностяхъ, который у каждаго вѣка - свои.

Авторъ слова былъ человѣкъ свѣтскимъ и вѣроятно интереснымъ дружинникомъ. Какъ онъ хорошо знаетъ военное дѣло, какъ онъ подробно и обстоятельно описываетъ эти княжескія усобицы и распри, на которыхъ я не останавливался, потому что они мало интересны въ литературномъ отношеніи. Но основная мысль его, главное, что его интересуетъ не война, - а именно то раззореніе, то печальное положеніе, въ которомъ находится Русь вслѣдствіе того, что князья ссорятся между собою; "и начаша князи", говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, "за малое - се великое молвити, и ссориться, и другъ на друга крамолу ковать;" и такимъ образомъ вся русская земля раздѣлилась на враждебные станы, наполненные войсками, готовыми вступить въ походъ и разорить землю. Это больше всего сокрушаетъ пѣвца; ему приходитъ мысль о единой русской землѣ, о такой землѣ, которая когда-то былъ

при старомъ Владимірѣ Мономахѣ, когда отдѣльные князья не смѣли вступить въ распри, когда одинъ Владиміръ однимъ словомъ прекращалъ споры въ крайнемъ случаѣ, созывалъ съѣзды. Идея единой русской земли проникаетъ все слово, хотя она проводится и не съ такой выпуклостью и картинностью, не такъ занимаетъ пѣвца, какъ именно та мысль, что русская земля печалится и тоскуетъ благодаря княжескимъ усобицамъ.

Былъ ли авторъ Слова участникомъ похода или писалъ о немъ по наслышкѣ? Судя по образности, живости разсказа можно было бы принять за истину первое предположеніе. Но по сличеніи Слова съ данными, лѣтописей приходится признать, что вѣрнѣе, авторъ составилъ свое Слово по свѣжимъ слухамъ, донесеннымъ на Русь, послѣ пораженія, купцами. Къ такому заключенію приводитъ разсмотрѣніе первой части Слова, описывающей отправленіе въ походъ, гдѣ есть ошибки въ обозначеніи мѣстностей.

Не разъ въ литературѣ возникалъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли "Слово о полку Игоревѣ" было написано въ XII вѣкѣ. Первое сомнѣніе было высказано тотчасъ же по появленіи слова въ печати. Такъ какъ рукопись его сгорѣла въ 1812 году, то, разумѣется, о подлинности слова приходится судить не по рукописи, а по тѣмъ остаткамъ, которые сохранилъ Карамзинъ въ выпискахъ. Первые издатели они допустили массу ошибокъ; напр., вмѣсто $\overset{ч}{ре}$ "рече"-сказалъ, они невѣрно раскрывая титло писали "речь"; порой встрѣчаются въ старомъ изданіи и болѣе крупныя ошибки вслѣдствіи неумѣнія 1-хъ издателей прочесть старый текстъ, вѣроятно скорописный ХУ-ХУІ в. Такъ непонятное мѣсто "свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличешь"... фантастически переводимое въ старину "поднялся свистъ въ ихъ логовищахъ" объясняется изъ данныхъ палеографіи, т. е. науки изучающей древнее письмо, такъ: въ словѣ въ стазби опущено надъ и буква с и все мѣсто читается съ инымъ раздѣленіемъ: "свистъ звѣринъ вьста (т. е. поднялся); $\overset{с}{зби}$ (т. е. взбился, встрепенулся) дивъ (филинъ), кличетъ вверху древа и т. д.

Впрочемъ и до сего времени не разъяснено, что такое значитъ мѣсто "утръ же воззни стрикусы," и нѣк. др.

Это-частные вопросы, но они повели писателей къ заподазриванію подлинности слова. Мы знаемъ, что въ 20-хъ, 30-хъ годахъ особеннымъ расположеніемъ среди большой публики пользовалась т.н. скептическая школа историковъ, представителемъ которой былъ Каченовскій. Между прочимъ, она особенно рьяно заподазривала подлинность слова о полку Игоревѣ. Но изысканія знатоковъ древней литературы подтвердили подлинность этого слова. Подлинность эта подтверждается оборотами рѣчи многихъ памятниковъ, изъ которыхъ для примѣра я назову одинъ Апостолъ XIУ в. Тамъ говорится, что написалъ такой-то и тогда были "времена тяжелыя и Дажь-божьихъ внуковъ жизнь сократишеся"; -выраженіе, буквально взятое изъ "Слова о полку Игоревѣ". Очевидно, что если въ XIУ в. писецъ бралъ на память такое выраженіе, то ранѣе онъ пользовался уже этимъ "словомъ". Точно также въ другихъ памятникахъ можно указать и другія сходныя мѣста.

Но всего убѣдительнѣе доказываетъ подлинность "слова" составленное въ началѣ ХУ в. "сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ", извѣстное въ нѣсколькихъ различныхъ редакціяхъ. Ближе всего къ слову о полку Игоревѣ стоитъ та редакція, которая называется "Задонщиной". Эта Задонщина описываетъ подвиги Дмитрія Донскаго на Куликовскомъ полѣ, причемъ самая манера описанія есть та же манера пѣвца слова о полку Игоревѣ, только "Сказаніе" приспособлено къ новымъ лицамъ и мѣстамъ. Тамъ, конечно, такъ же плачутся, но не Ярославна, а жена Дмитрія и всѣ бояре. Но въ плачѣ ихъ уже замѣчается цѣлый рядъ подновленій; такъ что никоимъ образомъ нельзя подумать, что сначала была Задонщина, а потомъ Мусинъ- Пушкинъ по ней составилъ "слово о полку Игоревѣ". Въ Задонщинѣ встрѣчаются и курьезы: объясняющіеся тѣмъ, что авторъ XIУ вѣка плохо понималъ "слово": "О, русская земля ! ты уже скрылась за холмомъ" читается въ "словѣ о полку Игоревѣ"; но въ XIУ-ХУ в. уже плохо понималась древняя рѣчь и слово "шеломя" (холмъ) полу-

чило слѣдующій переводъ: "когда русская земля за Соломономъ побывала Вѣщій Боянъ превратился въ "вѣщаннаго боярина, горазнаго гульца въ Кіевѣ" и т. п. Все это доказываетъ, древность "Слова о полку Игоревѣ", - и его вліяніе на созданіе позднѣйшихъ эпическихъ произведеній старинной литературы.

Теперь мы обратимся къ тому памятнику древне-русской литературы, которая является какъ бы подражаніемъ разобраннаго уже нами и охарактеризованнаго сказанія о премудромъ Акирѣ.

Въ этомъ сказаніи Акиръ даетъ цѣлый рядъ наставленій племяннику эти наставленія выражены въ формѣ краткихъ пословицъ. Пословицы были одной изъ любимѣйшихъ формъ византійской литературы. И вотъ, отъ того же XII в. дошло до насъ въ 2-хъ редакціяхъ, произведеніе оригинальное по мысли и по формѣ; это такъ наз. "моленіе" Даніила Заточника. Поскольку Слово о полку Игоревѣ проникнуто паѳосомъ и идеей единства цѣлой страны, постольку "моленіе" Даніила Заточника, не смотря на то горе, которое авторъ изображаетъ тамъ, въ сущности есть явленіе юмористическое. Здѣсь нѣкто жалуется князю на свои несчастія и проситъ освободить отъ заключенія; но самая суть этого произведенія, конечно, не въ жалобѣ и моленіи, а въ той формѣ, которой онъ пользуется.- Вотъ вкратцѣ то, что мы знаемъ объ этомъ моленіи.

Авторъ предлагаетъ вначалѣ, "вострубить въ златокованныя трубы, бить въ серебрянныя органы ума своего". Читатель въ недоумѣніи, что-то скажетъ далѣе авторъ. И вотъ авторъ говоритъ, что языкъ его, какъ трость книжника - скорописца, моментально опишетъ все, что случилось съ нимъ, чтобы это дошло до вѣдѣнія князя. Онъ не боится похуленія княжескаго; онъ какъ проклятая смоковница и какъ воронъ на нырищѣ, онъ какъ трава увядающая; безъ княжескаго взора. "Но, не смотри на меня, говоритъ онъ князю, какъ волкъ на ягненка, а какъ мать на младенца". Далѣе онъ разсказываетъ о своемъ горестномъ положеніи: "друзья отверглись отъ меня, и я нахожусь какъ птица въ тенетахъ. Избавь меня князь, отъ нищеты"; я какъ древо, стоящее при пути, которое всякій попираетъ. Золото искушается огнемъ, а человѣкъ несчастіемъ; я теперь испыталъ всѣвозможныя несчастія." Далѣе онъ начинаетъ поучать князя: не будь скупъ, будь мудрымъ и слушайся хорошихъ совѣтовъ, твои же совѣтники дурные, наводящіе тебя на зло. Таковъ смыслъ всѣхъ настовленій его.

Затѣмъ онъ переходитъ къ разсужденіямъ о томъ, какъ важенъ для человѣка умъ; пустой человѣкъ, но богатый, это, въ сущности, то же что шелковая наволочка набитая сѣномъ и т. д. Затѣмъ говоритъ о злыхъ женахъ; и наконецъ извиняется, что можетъ быть князь разсердился на него и проситъ въ концѣ концовъ милости и снисхожденія.

Это безсвязное произведеніе, однако богатое пословицами, интересно тѣмъ, что представляетъ собою образникъ, въ формѣ посланія до нѣкоторой степени юмористическаго произведенія. Воспользовавшись своимъ печальнымъ положеніемъ заключеннаго, авторъ смѣло говоритъ правду и высыпаетъ цѣлый рядъ остротъ, которыя заимствовалъ, частью изъ народныхъ пословицъ, частью изъ "Пчелы" - переводнаго сборника изреченій различныхъ мудрецовъ.- Таково это произведеніе. Читатели разумѣется, читали его съ большимъ удовольствіемъ, особенно потому, что тутъ цѣлый рядъ выходокъ противъ лицъ власть имѣющихъ, напр., бойся тіуна (судьи); тіунъ какъ огонь, а слуги его какъ искра; къ нимъ нельзя подойти и т. д.

Давши просторъ воззрѣніямъ своего вѣка на женщину и своимъ собственнымъ, авторъ нападаетъ на женщинъ, говоря, что жена - сосудъ діавольскій, гостинница бѣсовская, и не щадитъ красокъ и усердія своего, рисуя отвратительную картину испорченной женщины.

Таковы были произведенія до монгольскаго періода; съ одной стороны, имѣвшія характеръ религіозный возвышавшія и питавшія умъ и сердце читателей, съ другой стороны - поучительныя произведенія въ забавной формѣ, которыя давали цѣлый рядъ мѣткихъ изреченій и мудрыхъ совѣтовъ.

Сегодня, м.м. г.г., я по необходимости долженъ буду прочесть довольно скучную лекцію о пособіяхъ, которыми можно пользоваться при изученіи исторіи русской литературы.

Я возвращусь немного къ тому, что я говорилъ въ свои послѣднія лекціи по теоріи словесности о разныхъ пріемахъ и методахъ изученія литературы, для того чтобы, напомнивши вамъ объ этомъ, указать, что собственно въ этомъ отношеніи одѣлано у насъ для изученія русской литературы. Я указалъ, что существуютъ пріемы изученія литературы эстетическаго пріема является наиболѣе важнымъ пріемъ филологическій основывающійся на филологическомъ изученіи литературныхъ памятниковъ. Филологическое изученіе состоитъ въ сопостановленіи разныхъ текстовъ въ которыхъ дошли до насъ тѣ или другіе памятники.

Изученіе внѣшней стороны памятниковъ представляется важнымъ,для того чтобы прослѣдить извѣстную преемственность, извѣстную послѣдовательность въ развитіи литературныхъ формъ. Въ литературѣ всякая форма имѣетъ извѣстное развитіе (какъ я уже указывалъ раньше въ теоритическомъ обзорѣ), имѣетъ развитіе большею частью такое, что сперва оно является въ видѣ свободнаго проявленія духовной дѣятельности человѣка затѣмъ, постепенно оно устанавливается въ извѣстныя опредѣленныя рамки, выработывается нѣкоторый шаблонъ, и, наконецъ, отъ этого шаблона, отъ этого чисто теоритическаго построенія литературной формы, совершается возвратъ къ свободнымъ формамъ. Такое изученіе формъ есть одна изъ первыхъ заданъ филологической критики.

Изученіе литературы какого ниб. народа должно намъ предоставить сущность духовной жизни этого народа въ теченіе его исторіи. Духовная жизнь народная складывается подъ вліяніемъ весьма различныхъ обстоятельствъ и для изученія ея нужно изслѣдовать эти обстоятельства, которыя вліяютъ на складъ народнаго характера, выработываютъ такъ сказать, его духовную физіономію. Тутъ можно провести нѣкоторію параллель, дать нѣкоторое сравненіе съ тѣмъ, что мы имѣемъ въ физикѣ, въ физикѣ существуютъ законы дѣйствія силы. Если нѣсколько силъ дѣйствуютъ на одинъ предметъ, то предметъ долженъ подчиняться вліянію этихъ силъ и двигаться подъ вліяніемъ такой силы, которая называется равнодѣйствующею этихъ силъ. Въ литературѣ совершается то же самое. Народъ подвергается различнымъ духовнымъ вліяніямъ со стороны друг. народовъ; этотъ народъ имѣетъ извѣстную собственную оригинальную физіономію; и вотъ при изученіи литературныхъ фактовъ нужно изслѣдовать эти отдѣльныя силы дѣйствовавшія на народъ, и опредѣлить какова могла быть его оригинальная физіономія въ самомъ началѣ его духовнаго развитія; и опредѣливши всѣ эти силы, мы, наконецъ, можемъ перейти къ опредѣленію равнодѣйствующей, т.е. представить, по какому направленію шло вообще духовное развитіе народа. Вотъ это есть одна изъ важнѣйшихъ задачъ исторіи литературы; это есть идеалъ, къ которому мы должны стремиться.

Какъ всякій вообще идеалъ, онъ, конечно, трудно достижимъ; и потому, въ тѣхъ работахъ по исторіи литературы, которыя до сихъ поръ у насъ существуютъ, мы встрѣчаемся только съ отдѣльными попытками подойти къ этому идеалу съ той или другой стороны.

Я вамъ уже указывалъ, что прежде всякихъ общихъ построеній намъ нужно запастись матеріаломъ, нужно добыть факты провѣренные, очищенные отъ всякой посторонней примѣси. Нужно, значитъ, имѣть въ своемъ распоряженіи вполнѣ достовѣрный матеріалъ; и уже исходя изъ этого достовѣрнаго матеріала можно строить какія ниб. общія,заключенія,можно думать о томъ,чтобы какъ ниб. добыть общія представленія о развитіи литературы о сложеніи этой духовной личности, о выработкѣ той равнодѣйствующей, о которой я сказалъ.Слѣдовательно, первая задача,которая является при изученіи литературы это опредѣленіе тѣхъ фактовъ,съ которыми историкъ имѣетъ дѣло, и первая работа историко-литературная есть работа т. наз. библіографическая. Здѣсь нужно внѣшнимъ образомъ по-

знакомиться съ матеріаломъ, изучить тѣ книги, тѣ памятники литературные, съ которыми мы имѣемъ дѣло. Такая библіографическая работа началась у насъ въ Россіи въ прошломъ столѣтіи.

Въ концѣ прошлаго столѣтія былъ у насъ чрезвычайно замѣчательный литературный дѣятель Николай Ивановичъ Новиковъ. Новиковъ первый составилъ словарь русскихъ писателей. Словарь его не есть работа чисто библіографическаго характера. Онъ въ своемъ словарѣ расположилъ писателей въ алфавитномъ порядкѣ, сообщилъ тѣ свѣдѣнія біографическія, которыя мы имѣемъ объ этихъ писателяхъ и указалъ, какое сочиненіе принадлежитъ каждому изъ писателей; при этомъ онъ далъ относительно каждаго изъ писателей, упомянутыхъ въ его словарѣ, небольшую оцѣнку.- Конечно, оцѣнки Новикова были большею частью субъективныя; онъ руководился тѣми вкусами, которые господствовали въ его время. Затѣмъ, нужно сказать, что его указанія относительно сочиненій, принадлежащихъ тому или другому писателю, далеко не всегда были вполнѣ достовѣрны, потому что матеріалъ въ то время еще былъ недоступенъ иногда тому человѣку, которому приходится начинать дѣло; всегда была возможность ошибаться; ошибаются люди и въ дальнѣйшемъ движеніи, но начинающему поневолѣ приходится ошибаться болѣе другихъ. И потому, тѣ ошибки, которыя встрѣчаются у Новикова, конечно, не должны ставиться ему въ вину: важна его огромная заслуга, что онъ обратилъ вниманіе на историческое изученіе писателей и первый далъ пріемъ, которому должно слѣдовать.

Затѣмъ, послѣ Новикова является довольно много друг. писателей, дѣйствующихъ въ томъ же самомъ библіографическомъ направленіи. На всѣхъ останавливаться не буду; я укажу только на двухъ замѣчательныхъ духовныхъ лицъ, которые тоже дали словари (какъ новиковскій), но гораздо болѣе разработанные. Это, въ 1-хъ, кіевскій митрополитъ Евгеній Болховитиновъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ занялся изученіемъ преимущественно древней русской литературой (хотя онъ изучалъ литературу и ХУIII в.), и вотъ онъ выпустилъ два фундаментальныхъ словаря - словарь писателей свѣтскихъ и словарь писателей духовнаго чина. Въ этихъ трудахъ писатели, такъ же какъ у Новикова, расположены въ алфавитномъ порядкѣ.Но уже важно то,что Евгеній изучаетъ писателей не только по трудамъ, которые дошли до насъ въ печатномъ видѣ, но изучаетъ ихъ по рукописнымъ сочиненіямъ. Здѣсь,конечно, Евгенію приходилось бороться со многими трудностями, напр., матеріалъ бывалъ трудно доступенъ и пр.; но рѣдкое трудолюбіе его все это побѣждало. Затѣмъ, благодаря невыработанности пріемовъ, являлись иногда такіе писатели, какихъ никогда и не существовало. Мы въ то время еще основательно и читать не умѣли старыхъ рукописей. Я укажу вамъ одинъ примѣръ ошибки, которая встрѣчается у митрополита Евгенія. Думали, что у насъ былъ писатель Теище. Объ этомъ Теищѣ сообщалось, что онъ написалъ нѣкоторое сочиненіе. Но оказалось, что этого Теище никогда не существовало; и ошибка произошла отъ того, что въ древней рукописи нашли "Савватиеще"; такъ какъ писецъ раздѣлилъ нечаянно это слово на двѣ половины, то и появился писатель Савва Теище - какой-то нѣмецъ; а между тѣмъ это слово есть увеличительное имя отъ Савватій, подобно тому какъ Иванище отъ Иванъ и пр.; этимъ библіографы были введены въ нѣкоторое заблужденіе. Затѣмъ, были нѣкоторыя другія ошибки, происходившія, конечно, отъ неумѣнія обращаться съ историко-литературнымъ матеріаломъ.

Но не смотря на это, Евгеній Болховитиновъ въ своихъ трудахъ обнаружилъ чрезвычайно много критическаго такта. У него мы встрѣчаемъ о писателяхъ обыкновенно маленькія замѣтки, иногда замѣтки въ страницу, въ полстраницы, и на этой страницѣ онъ сообщаетъ о писателѣ такія свѣдѣнія, которыя, какъ мы ясно видимъ, могли быть добыты послѣ довольно большаго числа изысканій и трудовъ. Работа м. Евгенія была въ свое время чрезвычайно плодотворною; она сообщила чрезвычайно большое количество новыхъ свѣдѣній русскому обществу.

Затѣмъ, какъ нѣкоторое дополненіе къ трудамъ м. Евгенія, я укажу на два словоря: это - словарь духовныхъ писателей, принадлежащій черниговскому архіепископу Филарету: тоже работа чрезвычайно полезная и такая, въ которую вошли многіе писатели, не упомянутые м. Евгеніемъ.

Затѣмъ, упомяну о словарѣ С.А.Венгерова (критико-біографическій словарь русскихъ писателей). Это обширная работа, предпринятая лѣтъ 15 тому назадъ. Къ сожалѣнію, работа задумана въ слишкомъ широкихъ рамкахъ, такъ что вышедшіе 5 томовъ заключаютъ въ себѣ писателей на буквы А и Б. Теперь алфавитный порядокъ нѣсколько нарушенъ. Относительно трудовъ г. Венгерова нужно сказать, что они отличаются замѣчательной точностью, въ нихъ есть множество очень цѣнныхъ указаній. Обыкновенно дается біографія того писателя, о которомъ говорится, затѣмъ, кромѣ біографіи, перечисляются его сочиненія, характеризуются эти сочиненія, указывается общее направленіе того или другаго писателя и постоянно указывается, чрезвычайно точно и обильно указывается все то, что объ этомъ писателѣ существуетъ въ нашей литературѣ. Поэтому, для занятій научныхъ, для изученія какого-ниб. отдѣльнаго писателя, словарь Венгерова является пособіемъ положительно незамѣнимымъ. Затѣмъ, нужно сказать, что если у него есть недостатокъ, то такимъ недостаткомъ является то, что его словарь не только біографическій, но и критико-біографическій; т. е.,Венгеровъ даетъ постоянно оцѣнки писателей, но эти оцѣнки иногда бываютъ слишкомъ субъективнаго характера; съ нѣкоторыми изъ взглядовъ г. Венгерова согласиться представляется труднымъ; и это составляетъ слабую сторону словаря, но эта слабая сторона выкупается огромными достоинствами, которыя имѣетъ эта книга.

Вотъ что нужно сказать о библіографическомъ изученіи литературы.

Затѣмъ, собственно историческое изученіе, обработка того матеріала, который былъ подготовленъ, начинается въ 40-хъ годахъ. Въ 40-хъ годахъ былъ въ Московскомъ университетѣ проф. Шевыревъ, имѣвшій довольно большое вліяніе на московское общество и оказавшій большія услуги своими учеными трудами. Имъ прочитанъ довольно большой курсъ исторіи русской словесности: въ этомъ курсѣ исторія была доведена имъ до ХУI в. Ему первому принадлежитъ заслуга опредѣленія тѣхъ вліяній, подъ которыми развивалась древне-русская литература. Шевыревъ указалъ на значеніе христіанства для развитія древне-русской жизни; онъ указалъ какъ христіанство облагораживало нравы нашихъ предковъ,какое вліяніе имѣли византійцы; при этомъ нужно сказать, что вліяніе Византіи въ сочиненіяхъ Шевырева представлялось уже въ слишкомъ свѣтлыхъ краскахъ; онъ почти не замѣтилъ того, что вліяніе Византіи было иногда довольно вредно для русской литературы. Затѣмъ, нужно замѣтить, что къ достоинствамъ его труда относится его языкъ. Трудъ его написанъ языкомъ легкимъ, вполнѣ литературнымъ; такъ что эта книга произвела въ свое время чрезвычайно благотворное вліяніе на общество, и явилась однимъ изъ средствъ ознакомленія русскаго общества со своимъ прошлымъ духовнымъ развитіемъ.

Конечно, есть и недостатки. Недостатокъ историческій я указалъ, затѣмъ недостатокъ изложенія. Шевыревъ принадлежитъ къ старой школѣ ученыхъ, и потому у него есть стремленіе иногда слишкомъ прикрашиват факты риторическимъ изложеніемъ. Онъ не ограничивается ознакомленіемъ своихъ читателей съ тѣми или другими сторонами жизни, а стремится постоянно представить эти стороны жизни художественно. Но вѣдь для художественнаго представленія нужно имѣть и талантъ художника; талантъ художника состоитъ въ способности давать живое представленіе въ области того, о чемъ говорится; а между тѣмъ, если этого таланта художника нѣтъ, то ученый очень часто рискуетъ расплыться въ словахъ, ничего не значущихъ фразахъ; и вотъ такая расплывчивость замѣчается иногда у Шевырева; такъ что трудъ его для современнаго читателя представляется не интереснымъ и даже скучнымъ; но все таки его трудъ въ свое время имѣлъ весьма важное значеніе и не совсѣмъ лишенъ его и те-

поръ.

Затѣмъ, вслѣдъ за Шевыревымъ въ Московскомъ университетѣ является другой замѣчательный профессоръ, такой профессоръ, который имѣлъ большое вліяніе на всѣхъ послѣдующихъ представителей нашей науки, является создателемъ цѣлой школы ученой, которая изслѣдуетъ русскую литературу. Это былъ скончавшійся годъ тому назадъ Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ. Буслаевъ не ограничивается одними риторическими пріемами, какъ Шевыревъ; онъ приступилъ къ литературѣ какъ строгій ученый приступилъ къ ней во всеоружіи новыхъ методовъ, выработанныхъ въ это время на западѣ. Онъ занялся прежде всего изученіемъ русской народной словесности и затѣмъ древне-русскихъ литературныхъ памятниковъ. Народную словесность онъ изучаетъ, находясь подъ вліяніемъ взглядовъ нѣмецкаго ученаго, Якова Гримма. Гриммовская школа выходила изъ того возрѣнія, что народная словесность развивается подъ вліяніемъ миѳологическихъ представленій народа,- изъ того, что изученіе народной словесности должно заключаться главнымъ образомъ въ изученіи этой миѳологіи; поэтому Гриммъ обратилъ особенное вниманіе на миѳологію, миѳологіей занялся и Буслаевъ. Но въ увлеченіи миѳологіей были, конечно, и ошибки и слабости, впослѣдствіи оказалось, что разныя миѳологическія представленія, о которыхъ говорили ученые школы Гримма, въ сущности являлись иногда ихъ собственнымъ измышленіемъ, что древняя миѳологія остается всетаки не совсѣмъ доступной и что для изученія этой миѳологіи нужно прежде всего отнестись вполнѣ спокойно, объективно къ тѣмъ памятникамъ народнаго творчества, которые намъ доступны, и не стремиться отыскивать въ каждомъ образѣ, который есть въ народной пѣснѣ, какую-ниб. миѳологическую основу. Нужно отнестись къ этимъ памятникамъ народной словесности съ точки зрѣнія чисто исторической; и вотъ заслуга Буслаева, какъ истиннаго ученаго, состоитъ, между прочимъ въ томъ, что, явившись у насъ первымъ представителемъ Гриммовской школы, онъ первый же умѣлъ понять и ошибки этой школы. Гриммовская школа сдѣлала свое дѣло: она обратила вниманіе на народную словесность; но нужно было избавить изученіе ея отъ тѣхъ ошибокъ, которыя были неразрывно соединены съ направленіемъ гриммовской школы; и Буслаевъ съумѣлъ отрѣшиться отъ этихъ ошибокъ; онъ сталъ на чисто историческую почву какъ въ изученіи народной словесности, такъ и древне русской литературы. Въ изученіи древне-русской литературы онъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что онъ обратилъ вниманіе на такія произведенія, въ которыхъ открываются поэтическія возрѣнія народа въ древній періодъ жизни. Изученіе поэзіи въ древнихъ памятникахъ составляетъ особенно важную заслугу Буслаева. Его труды имѣли въ свое время чрезвычайно сильное вліяніе, какъ толчекъ для цѣлаго ряда послѣдующихъ ученыхъ, которые по его примѣру занялись изученіемъ какъ древней литературы такъ и словесности народной.- Буслаеву принадлежитъ два огромныхъ тома очерковъ русской словесности и искуства. Кромѣ этого, ему принадлежатъ труды по народной словесности, они собраны въ отдѣльную книгу, которая озаглавливается "народная поэзія". Затѣмъ ему принадлежитъ прекрасное изданіе памятниковъ древней литературы въ его Христоматіи она важна собственно для изученія древне-русскаго языка, но въ ней, какъ образцы для изученія древне-русскаго языка, собраны памятники древней литературы сами по себѣ интересны. Такъ что для желающихъ познакомиться съ этими памятниками Христоматія Буслаева представляетъ незамѣнимое пособіе.

Затѣмъ въ 60-хъ гг. немного позже Буслаева, появился трудъ Ореста Ѳедоровича Миллера, профессора нашего Петербургскаго Университета. Онъ выступилъ въ области изученія русской литературы съ книгой, до сихъ поръ не утратившей своего значенія,- съ Опытомъ историческаго изученія древне-русской словесности", и этотъ опытъ доведенъ только до-монгольскаго періода древне-русской литературы. Въ книгѣ Мюллера дано обозрѣніе памятниковъ народной словесности, при

чемъ точка зрѣнія его исключительно миѳологическая. - А затѣмъ, кромѣ памятниковъ народной словесности, Мюллеръ изслѣдовалъ и тѣ памятники, которыя относятся къ древнѣйшему періоду русской литературы. Здѣсь онъ сдѣлалъ весьма существенное дополненіе къ труду Шевырева въ томъ отношеніи, что выяснилъ сущность византійскаго вліянія на древне-русскую литературу, Шевыревъ обратилъ вниманіе, главнымъ образомъ, на значеніе христіанства въ древне-русской жизни; Мюллеръ особенно останавливается на тѣхъ взглядахъ, которые проникли въ нашей древней жизни подъ вліяніемъ византійскимъ. Тутъ онъ указалъ, что византійское вліяніе было иногда прямо вредно для развитія русской мысли, что изъ Византіи перешелъ къ намъ чрезмѣрно-аскетическій взглядъ на жизнь; что жизнь представляется какимъ-то темнымъ царствомъ, въ которомъ царствуетъ грѣхъ и отъ грѣха всячески нужно стремиться избавиться; поэтому, всякое веселье, всякая радость есть нѣчто незаконное; является идеалъ мрачный. Затѣмъ византійцы передали древней Руси ненависть къ латинянамъ. Объ этомъ уже говорилъ вамъ А.I. Лященко; поэтому, я распространяться не буду, укажу только, что ненависть къ латинянамъ и вообще религіозная нетерпимость, которая проявляется въ памятникахъ древне-русской литературы, была результатомъ исключительно византійскаго вліянія. - Затѣмъ, кромѣ этого византійскаго вліянія Миллеръ остановился на противоположности, которая существуетъ въ древней русской исторіи или въ исторіи древне-русской литературы, - противоположности между теченіями, какъ онъ говорилъ, дружиннымъ и земскимъ. Дѣло въ томъ, что дружина, группировавшаяся вокругъ князя, жила собственными интересами; она мало была заинтересована въ общей жизни страны. Эти общіе интересы (такъ наз. земскіе) представлялись для дружинника чѣмъ-то постороннимъ. И потому между теченіями дружинными и земскими происходитъ настоящая борьба. Дружинники стремятся отличиться, они ищутъ добычи, ищутъ славы и нисколько не думаютъ о томъ, что эта добыча и слава тяжело достаются русской землѣ. Являются такіе князья, которые могутъ считаться исключительно представителями этого дружиннаго начала, таковъ напр., Святославъ и таковы нѣкоторые другіе князья слѣдующіе за нимъ, которыхъ главная цѣль только отличиться, показать свою храбрость, свою удаль и потому страшно терпитъ русская земля благодаря тому, что интересы этого дружиннаго слоя иногда совершенно не соотвѣтствуетъ интересамъ русской земли. - Вотъ указанія этихъ то сторонъ русской жизни такъ, какъ онѣ отразились въ древней литературѣ, составляетъ весьма важную заслугу Мюллера. - Можно въ трудѣ Мюллера найти тоже довольно большое количество недостатковъ. Въ наше время этотъ трудъ представляется нѣсколько устарѣлымъ; но тѣмъ не менѣе, для того, чтобы познакомиться съ литературой русской въ извѣстномъ цѣльномъ направленіи, работа его до сихъ поръ не теряетъ своего значенія. Затѣмъ, кромѣ этого опыта обозрѣнія русской словесности Мюллеру принадлежатъ и другіе труды; къ сожалѣнію, его лекціи, читанныя въ Университетѣ, существуютъ въ литографированныхъ изданіяхъ и, значитъ, малодоступны. Есть, далѣе, его книга, посвященная новѣйшей литературѣ; это - "русскіе писатели послѣ Гоголя." За неимѣніемъ другихъ пособій, составленныхъ подобно Мюллеровскому, приходится знакомиться съ писателями позднѣйшаго періода по этой книгѣ.

Обращаясь къ другимъ трудамъ по Исторіи русской словесности, я долженъ назвать два большихъ курса: принадлежащій профессору Казанской духовной Академіи Порфирьеву и другой - Алексѣю Дмитріевичу Галахову. Исторія словесности Порфирьева вышла въ 11 томахъ и представляетъ чрезвычайно добросовѣстный подборъ матеріала и доведена до эпохи имп. Александра I; въ первомъ томѣ обзоръ народной словесности и литературы до Петра В., а во второмъ въ нѣсколькихъ частяхъ сперва петровскій періодъ, екатерининскій, и эпоха Алексан-

дра I. Трудъ его, конечно, очень цѣнный; въ немъ очень много такихъ данныхъ, которые раньше не затрогивались. Но недостатокъ этого труда - нѣкоторая безсвязность изложенія. Изучая исторію литературы Порфирьева, мы знакомимся съ біографіями писателей, съ ихъ сочиненіями, но мы не видимъ исторіи, не видимъ той самой равнодѣйствующей, о которой упомянулъ. Литература представляется въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ, такъ что трудъ Порфирьева есть, въ сущности, тотъ же самый словарь, какъ словари Евгенія, Филарета и др. но словарь, расположенный въ нѣсколько иномъ порядкѣ и составленный на основаніи болѣе лучшихъ провѣренныхъ данныхъ.

Другой трудъ принадлежитъ Галахову. Его исторія русской словесности - въ II томахъ; при чемъ второй томъ состоитъ изъ двухъ большихъ частей. Трудъ Галахова представляетъ собою попытку болѣе послѣдовательнаго разсмотрѣнія русской словесности; но, къ сожалѣнію, Галаховъ былъ человѣкъ, самъ недостаточно хорошо изучившій и изслѣдовавшій тѣ произведенія словесности, о которыхъ онъ говорилъ Недостатки его были указаны ученикомъ Буслаева Николаемъ Саввичемъ Тихонравовымъ. Эта критика на сочиненія Галахова представляется чрезвычайно ученымъ сочиненіемъ. Тихонравовъ показалъ своей критикой, что онъ настолько хорошо ознакомленъ съ памятниками русской литературы, и настолько выработалъ пріемы литературнаго изслѣдованія, что отъ него можно было бы ожидать и самостоятельной работы въ томъ духѣ, въ какомъ была Галаховская,- т.е.,цѣльной исторіи словесности. Но, къ сожалѣнію, Тихонравовъ умеръ, не оставивъ такой цѣльной исторіи. Въ настоящее время выходитъ собраніе его отдѣльныхъ статей, посвященныхъ русской литературѣ. Теперь вышло два тома, посвященныхъ ХУIII и XIX в.в., и эти два тома его я очень рекомендую вамъ; тутъ вы найдете весьма хорошо написанные статьи, посвященныя писателямъ XIУ столѣтія; особенно цѣнными являются статьи о Жуковскомъ, Карамзинѣ, Гоголѣ, Новиковѣ, Фонвизинѣ и др.

Такъ вотъ Тихонравовъ далъ критику труда Галахова и указалъ, что въ трудѣ Галахова является особенно важнымъ недостаткомъ господство устарѣлыхъ взглядовъ на народную словесность; затѣмъ, въ изученіи древне-русской литературы Галаховъ хромаетъ потому, что онъ совсѣмъ не знакомъ съ тѣми рукописями, въ которыхъ находятся памятники древне-русской литературы; такъ что у Галахова лучше та часть, которая посвящена новому періоду русской литературы, потому что съ этими сочиненіями Галаховъ былъ обстоятельно знакомъ. Въ новомъ изданіи Галаховъ рѣшился исправить эти недостатки указанные Тихонравовымъ. Онъ прибѣгъ къ не совсѣмъ удачному пріему: онъ обратился къ содѣйствію другихъ лицъ, именно- профессорамъ Миллеру, Веселовскому, Морозову и Кирпичникову, и эти профессора написали каждый отдѣльныя части его книги въ новомъ изданіи. Получился сводъ прекрасныхъ работъ по словесности, но эти работы между собою иногда совсѣмъ не объединены, потому что эти ученые принадлежали къ весьма различнымъ направленіямъ по своимъ взглядамъ, и иногда мы можемъ въ этомъ новомъ изданіи Галахова замѣтить нѣкоторыя противорѣчія между отдѣльными частями. Но все таки, не смотря на эти недостатки, книга Галахова является и до сихъ поръ цѣннымъ подспорьемъ при изученіи русской литературы.

Наконецъ, замѣчу о двухъ трудахъ, вышедшихъ въ послѣдніе годы. Это сочиненія проф. Кіевскаго Унив. Владимірова "Введеніе въ изученіе русской литературы". Тамъ мы находимъ очень хорошій обзоръ народной словесности и древней литературы. Книга только начата, но тутъ уже г. Владиміровъ примѣнилъ разные новые пріемы историко-литературнаго изученія; такъ что можно ожидать весьма фундаментальнаго труда. А затѣмъ нужно упомянуть о выходящей теперь книгѣ Алекс. Ник. Пыпина "Исторія русской литературы", которая дѣйствительно представляетъ попытку дать настоящую исторію, т. е.

опредѣлить ту равнодѣйствующую, о которой я вамъ говорилъ. Пыпинъ начинаетъ прежде всего съ изученія древняго языка. Онъ указываетъ, что нужно опредѣлить прежде всего тѣ общія культурныя условія, при которыхъ возникла русская литература, что изученіе русской литературы должно идти параллельно съ изученіемъ русской жизни. Конечно, въ трудѣ Пыпина можно указать очень много недостатковъ. Трудъ этотъ составился изъ отдѣльныхъ статей, которыя печатались въ Вѣстникѣ Европы; поэтому, замѣтно иногда не совсѣмъ удачное склеиваніе этихъ статей. Но во всякомъ случаѣ его трудъ важенъ потому, что русская литература разсматривается съ опредѣленной точки зрѣнія, что здѣсь мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ исторіей русской литературы, а не съ словаремъ, въ порядкѣ расположенномъ, какъ это бывало раньше. Затѣмъ важно, что Пыпинъ обратилъ серьезное вниманіе на періодъ московскій, т.е., XУI - XУII в. Этотъ московскій періодъ изучался прежде, въ сущности, какъ то совершенно случайно; и здѣсь вотъ - въ трудѣ Пыпина - есть извѣстная систематичность въ изученіи этого періода русской литературы. Кромѣ систематичности, нужно отмѣтить, что Пыпинъ съумѣлъ удалиться отъ исключительно эстетической точки зрѣнія на литературныя произведенія. Благодаря этой эстетической точки зрѣнія, мы можемъ впасть въ такую ошибку, которая можетъ оказаться весьма печальной для изученія литературы. Эстетики, сосредоточивая вниманіе на такъ наз. вѣчныхъ элементахъ, очень часто ограничиваются тѣмъ, что изучаютъ произведенія особенно выдающіяся по художественнымъ достоинствамъ и забываютъ, что изучать нужно не исключительно руководствуясь этими художественными достоинствами, а также и тѣмъ историческимъ вліяніемъ, которое они имѣютъ. Вѣдь иногда какая ниб. сказка о Бовѣ-королевичѣ, Еруcланѣ Лазаревичѣ и т. д. оказывается чрезвычайно важнымъ литературнымъ произведеніемъ. Вѣдь никогда не слѣдуетъ забывать, что такой сказкой живутъ многія тысячи людей, что она представляетъ для нихъ единственную духовную пищу и что, слѣдовательно, изучая развитіе этой сказки, мы знакомимся именно съ духовной жизнью этихъ людей. А между тѣмъ, съ эстетической точки зрѣнія подобная сказка представляется не интересной. Затѣмъ, съ эстетической точки зрѣнія будутъ исключены многіе памятники такіе, которые несомнѣнно имѣли вліяніе на духовное развитіе народа, но такъ какъ они не художественны, то придется ихъ выкинуть. Непослѣдовательность многихъ эстетиковъ приступавшихъ къ изученію литературы обнаруживается въ такомъ, напр., фактѣ. Древне-русская литература чрезвычайно бѣдна чисто эстетическими, художественными памятниками, и потому, чтобы заниматься древне-русской литературой, приходилось включать такіе памятники, которые совершенно не подходятъ къ этому эстетическому мѣрилу (разныя произведенія духовной литературы), и получалось у самихъ эстетиковъ противорѣчіе.- Теперь такое противорѣчіе не мыслимо у ученаго, приступающаго къ изученію литературы съ исторической точки зрѣнія, стремящагося дать картину духовной жизни народа. Такъ поступаетъ Пыпинъ, и его трудъ, поэтому, имѣетъ весьма важное значеніе.- Недостатки, конечно, должны быть и довольно много; но этотъ трудъ есть нѣкоторое указаніе для послѣдующихъ историковъ того пути, по которому слѣдуетъ идти, для того чтобы достигнуть хорошихъ результатовъ, не увлекаясь исключительно эстетической точкой зрѣнія и не вдаваясь въ сторону разсужденіями, ничего общаго не имѣющими съ наукой.

Въ заключеніе должно указать нѣкоторыя еще работы, которыя могутъ принести извѣстную пользу для самаго первоначальнаго ознакомленія съ исторіей русской литературы. Тутъ, во 1-хъ, я долженъ указать нѣкоторые гимназическіе учебники: того же Галахова учебникъ русской словесности, затѣмъ проф. Незеленова (книга, въ сущности, очень полезная); затѣмъ считаю не лишнимъ отмѣтить Петра Ник. Полеваго Исторія русской литературы, иллюстрированная разными портретами и состоящая преимущественно изъ біографическихъ обзоровъ, но

Литогр. III лит. Юделевичъ. А. Ляцкий

такихъ, что писатель поставленъ въ связь съ обществомъ, въ которомъ дѣйствуетъ.- Затѣмъ, однимъ изъ послѣднихъ трудовъ является довольно интересныя лекціи кн. Волконскаго, читанныя въ Америкѣ "Очерки исторіи русской литературы". Тамъ есть и ошибки; но какъ общій обзоръ русской литературы, начиная съ древнихъ временъ до нашего времени, книга эта очень полезная и можетъ служить руководствомъ для занятій дальнѣйшихъ, для самостоятельнаго изученія русской литературы вообще.

Теперь я перейду ко второму періоду русской литературы, который начинается съ монгольскаго ига. Прежде чѣмъ начать изложеніе литературы этого періода, я долженъ сказать нѣсколько словъ относительно дѣленія русской литературы на періоды, такъ какъ это - вопросъ, представляющій довольно много разныхъ рѣшеній; я остановлюсь на томъ дѣленіи, которое было давно предложено и которое, въ сущности, видоизмѣняется чисто формальнымъ образомъ. Это - дѣленіе литературы на періоды петровскій и до-петровскій. Допетровскій періодъ характеризуется какъ такой, когда наша литература подвергалась преимущественно византійскому вліянію и представляла собою болѣе народныхъ чертъ. Такія народныя черты въ до-петровскомъ періодѣ отыскивала преимущественно школа славянофильская Но впослѣдствіи наука выяснила, что пожалуй, народность проявилась гораздо рѣзче въ позднѣйшій послѣпетровскій періодъ, въ особенности, - въ XIX столѣтіи; но не будемъ забѣгать впередъ.- Провести такую рѣзкую границу, что одинъ періодъ представляется преимущественно народнымъ , другой ненароднымъ,-нѣтъ возможности. Разница заключается только въ различныхъ культурныхъ вліяніяхъ въ одномъ періодѣ и другомъ.

Въ древнемъ періодѣ вліяла на русскую образованность преимущественно Византія; въ новомъ періодѣ вліяетъ преимущественно Западъ. Говорю я - преимущественно и въ томъ и другомъ случаѣ, потому что если мы замѣчаемъ очень сильное византійское вліяніе въ древнемъ періодѣ, то отсюда нельзя отрицать самаго начала этого древняго періода и почти до конца этого періода съ маленькимъ, пожалуй, перерывомъ нельзя отрицать и западнаго вліянія.. Это западное вліяніе замѣтно уже въ самые первыя времена древней русской исторіи и особенно усиливается въ XУI в. и XУII. Въ XУII столѣтіи оно настолько усиливается, что совершенно подготовляетъ переходъ къ реформѣ Петра В. Такъ что присутствіе западнаго вліянія всегда было замѣтно. Но нельзя отрицать византійскаго вліянія и въ новомъ періодѣ. Тутъ перевѣсъ переходитъ на сторону Запада, но остаются нѣкоторыя византійскія традиціи, византійскія преданія у насъ въ церковномъ, въ государственномъ устройствѣ, остаются въ самой жизни. Слѣдовательно, такое смѣшеніе всякихъ вліяній продолжается втеченіи всего развитія русской литературы, только въ одномъ періодѣ перевѣшиваетъ одно вліяніе, въ другомъ - другое. Затѣмъ, по старому взгляду, до-петровскій періодъ можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько эпохъ. Съ первою эпохой вы познакомились: она продолжалась до монгольскаго ига. Въ эту эпоху литература представляетъ довольно богатое развитіе. Здѣсь мы встрѣчаемся съ большимъ числомъ памятниковъ весьма разнообразныхъ. Прежде всего, мы видимъ очень большое развитіе переводной литературы. Но рядомъ съ переводами является много произведеній прямо оригинальныхъ. Таковы изъ оригинальныхъ произведеній, указанные уже вамъ А. І. Лященкомъ, проповѣди, лѣтописи, житія святыхъ; было разобрано "Слово о полку Игоревѣ", упоминалось и моленіе Даніила Заточника. Все это памятники весьма различные по своему характеру: здѣсь есть памятники поучительнаго характера, историческаго, художественнаго. Слѣдовательно, литература развивается весьма разносторонне.

Но кромѣ количества и разнообразія матеріала въ древнѣйшей ли-

тературѣ, интересно прослѣдить, въ чемъ выразилось въ самую первую пору византійское вліяніе. Византійское вліяніе давно уже является у насъ предметомъ самыхъ разнообразныхъ толковъ. Есть такіе ученые которые совершенно отрицаютъ благотворность этого византійскаго вліянія, видятъ въ немъ нѣчто такое, что задержало духовное развитіе русской жизни; другіе же ученые, напротивъ, византійскому вліянію приписываютъ все хорошее, что у насъ было. Но, конечно, всегда правда находится между двумя крайностями.- Тутъ можно отмѣтить нѣкоторые такіе факты отдѣльные и черты отдѣльныя, которыми выразилось у насъ византійское вліяніе. Вамъ уже, насколько я помню, было намѣчено вліяніе византійцевъ по вопросу объ отношеніи къ разнаго рода иновѣрцамъ. Отношеніе къ иновѣрцамъ, въ особенности, къ западнымъ-католикамъ или латинянамъ - было у византійцевъ крайне нетерпимое. Латиняне считались нечистыми, съ ними запрещалось всякое общеніе. У византійцевъ это отношеніе враждебное даже до того доходило, что запрещалось подавать помощь человѣку другого вѣроисповѣданія, если этотъ человѣкъ находится въ крайне тяжеломъ положеніи. Затѣмъ такая нетерпимость проникаетъ къ намъ и отчасти отражается въ древней русской литературѣ; но при этомъ нужно замѣтить, что въ самыхъ древнихъ русскихъ памятникахъ полемическихъ противъ латинянъ такою нетерпимостью отличаются духовныя лица происхожденія греческаго. Русскіе по натурѣ оказываются гораздо мягче; и Ѳеодосій Печерскій, которому приписываютъ одно слово противъ латинъ, смягчаетъ эту нетерпимость, позволяетъ иногда помочь латиняну въ бѣдѣ.

Рядомъ съ этой нетерпимостью къ иновѣрцамъ стоитъ аскетизмъ, перешедшій къ намъ изъ Византіи. Аскетизмъ переходитъ къ намъ въ двухъ формахъ, которыя выработались на родинѣ его. Аскетизмъ является какъ отрѣшеніе отъ разныхъ мірскихъ благъ; но это отрѣшеніе бываетъ различнаго рода. Человѣкъ, лишая себя всякихъ земныхъ благъ, для служенія Богу видитъ одинъ изъ путей въ служеніи ближнему; онъ не раздѣляетъ мірскаго блага отъ блага заповѣданнаго ему Богомъ. Это аскетизмъ очень высокій, который мы можемъ найти въ сочиненіяхъ многихъ византійскихъ аскетовъ и проповедниковъ. Но есть другой аскетизмъ, аскетизмъ довольно эгоистическаго свойства. Тутъ человѣкъ нисколько не думаетъ объ обществѣ, въ которомъ онъ живетъ, онъ запирается отъ общества, видитъ вокругъ себя только зло и не думаетъ бороться съ этимъ зломъ. Удаляясь отъ зла, онъ думаетъ, что творитъ этимъ благо; и самое благо творитъ, чтобы получить награду на томъ свѣтѣ. Аскетизмъ, какъ вы видите,- нѣсколько эгоистическаго свойства. Такой аскетизмъ тоже развивался въ Византіи и эти два его вида были занесоны и къ намъ. Въ нашемъ патерикѣ мы находимъ много примѣровъ перваго рода хотя нельзя отрицать того, чтобы не равивался аскетизмъ и втораго рода.

Такимъ образомъ, византійское вліяніе въ этихъ двухъ фактахъ можетъ обнаружиться какъ не особенно благопріятное.- Затѣмъ, оно обнаружилось и въ литературной формѣ.

Вамъ уже извѣстны нѣкоторые проповѣдники древняго періода, произведенія которыхъ отличаются чрезвычайною искусственностью, замысловатостью изложенія. Эта замысловатость особенно видна у Кирилла Туровскаго, которэй сравнивался современниками съ великимъ отцомъ Церкви Іоанномъ Златоустымъ; она заключается въ нагроможденіи всякихъ эпитетовъ, всякихъ сравненій, всякихъ словъ такихъ, которыя украшаютъ рѣчь, нисколько не содѣйствуя ясности ея смысла. Такого рода витіеватость развилась въ византійской литературѣ особенно въ IX - X и слѣдующихъ вѣкахъ, когда въ Византіи изсякло развитіе новыхъ идей. Старыя идеи перерабатывались въ новыхъ формахъ, и въ такомъ видѣ старая наука была передана и намъ въ древнюю Русь.

Но не смотря на такія не совсѣмъ благопріятныя условія византійскаго вліянія, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что если бы къ намъ шло подобное вліяніе въ той же сферѣ съ Запада, то

оно, можетъ быть, не многимъ отличалось бы отъ византійскаго. Если мы находимъ религіозную нетерпимость у византійцевъ, то точно такую же нетерпимость, если не въ большей даже степени, вы можете найти на европейскомъ западѣ. Кромѣ нетерпимости, находимъ и аскетизмъ тамъ, особенно развившійся въ той второй формѣ, о которой я сказалъ,- аскетизмъ приводившій къ самобичеваніямъ, являвшимся иногда въ цѣлой массѣ народа; такъ что этотъ аскетизмъ тоже могъ къ намъ перейти и съ Запада. А затѣмъ, форма литературы западно-европейской находилась въ это время въ довольно сильномъ подчиненіи византійской литературѣ. Слѣдовательно, если бы литературная форма заимствована была съ Запада, а не изъ Византіи, то къ намъ пришла бы та же византійская форма, но, пожалуй, нѣсколько еще испорченная на Западѣ.

Далѣе, нужно сказать еще, что относительно византійскаго вліянія существуетъ крайне отрицательный взглядъ въ западной научной литературѣ. Теперь этотъ взглядъ значительно смягченъ, но до половины нынѣшняго столѣтія, въ особенности, въ нѣмецкой литературѣ господствовало крайне отрицательное отношеніе къ Византіи: въ Византіи видѣли страну тьмы, мрака, такую страну, которая держала въ мракѣ невѣжества всю Европу; Византію считали гнѣздомъ всякихъ пороковъ. Это мнѣніе о византійцахъ основывалось на всякихъ западно-европейскихъ средневѣковыхъ хроникахъ, изъ которыхъ приводились иногда ужасающіе факты византійскаго разврата. Но дѣло въ томъ, что въ этихъ самыхъ хроникахъ, а въ особенности, въ документахъ, не вошедшихъ въ эти хроники, приводится цѣлый рядъ фактовъ подобнаго развращенія, относящихся и къ западно-европейской жизни. А затѣмъ, довольно любопытнымъ представляется, въ чемъ з.-европейцы видѣли развращенность византійцевъ.

Я приведу нѣсколько случаевъ довольно анекдотическаго свойства этого крайняго, по мнѣнію з.-европейцевъ, разврата византійцевъ. Фактъ, бывшій въ Венеціи. Пріѣхала въ Венецію (Венеція въ тѣ времена - городъ богатый, торговый, слѣдовательно, стоявшій въ культурномъ отношеніи выше другихъ центровъ итальянскихъ) какая-то знатная византійская дама; и вотъ венеціанцы пришли въ ужасъ отъ развращенности этой дамы. Пошли по городу толки, что такого разврата никогда еще не видали. Въ чемъ же развращенность ея? Оказывается, что вся развращенность въ томъ, что она ѣла ножомъ и вилкой, а не руками.- Отсюда видно, что извѣстныя культурныя привычки, которыя въ наше время нисколько не покажутся чѣмъ-ниб. уродливымъ, тогда считались чѣмъ-то крайне безобразнымъ.

Затѣмъ, кромѣ этого примѣра, не мало было еще случаевъ, отмѣченныхъ з.-европейцами, по которымъ прямо оказывается, что привычка къ извѣстному культурному быту представляется европейцамъ чѣмъ-то уродливымъ, ненормальною изнѣженностью византійцевъ, и за это на нихъ обрушиваются всевозможныя обвиненія въ безнравственности.

Я распространился по этому поводу потому, что и до сихъ поръ намъ приходится встрѣчаться съ подобными фактами. Намъ не слѣдуетъ преувеличивать хорошаго вліянія Византіи, но не слѣдуетъ преувеличивать и вреднаго вліянія.

Затѣмъ, обращаясь къ древнѣйшему періоду русской литературы, я намѣчу еще, что кромѣ развитія этихъ литературныхъ вліяній, кромѣ разносторонняго развитія литературы, въ памятникахъ литературныхъ выразились и извѣстные идеалы. Идеалы эти являются, во 1-хъ, по существу идеалами христіанскими. Не смотря на то, что въ древнѣйшемъ періодѣ замѣчаемъ постоянное присутствіе такъ-наз. двоевѣрія - смѣшенія языческихъ понятій съ христіанскими,- однако въ нѣкоторыхъ памятникахъ того времени мы замѣчаемъ иногда замѣчательно яркое пониманіе христіанства. Затѣмъ, кромѣ этого христіанскаго идеала намѣчалось нѣкоторыми прежними изслѣдователями (въ особенности Ор. Ѳед. Миллеромъ, какъ я указывалъ въ прошлый разъ) отраженіе земскаго

идеала - служенія родной странѣ въ противоположность исключительнаго служенія дружинѣ, т.е., тѣмъ людямъ, которые стоятъ ближе всего къ князю.

Затѣмъ вторая эпоха древняго періода это уже слѣдующая за монгольскимъ нашествіемъ. И въ эту эпоху, о которой я буду подробнѣе говорить въ слѣдующей лекціи, развиваются нѣкоторыя новыя особенности въ древней культурѣ русской. Тутъ, во 1-хъ, нужно отмѣтить, что византійское вліяніе ослабляется; поддерживаются тѣ преданія, которыя были уже перенесены изъ Византіи; но собственно притоки новыхъ идей изъ Византіи почти не замѣчается, такъ какъ сношенія съ Византіей значительно ослабляется. Прежде даже говорилось, что эти сношенія совсѣмъ прекратились. Это въ настоящее время фактъ совершенно отвергнутый; но несомнѣнно, что сношенія ослабѣли. Затѣмъ, когда мы подойдемъ къ концу этого періода, то мы замѣтимъ, что въ концѣ этого періода развиваются очень ярко два явленія въ жизни русскихъ; это во 1-хъ, извѣстная грубость нравовъ и 2) невѣжество въ особенной формѣ, которую мы называемъ обыкновенно буквализмомъ.

Грубость нравовъ развивается у насъ подъ вліяніемъ преимущественно татаръ, и вотъ эта грубость нравовъ выражается особенно въ ХУІ в. Въ ХУІ в. она сказывается и въ разныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Если мы сравнимъ законы вошедшіе въ "Русскую Правду"-первый нашъ законодательный Сборникъ-, съ тѣми законами; которые вошли въ Судебникъ вел. князя Іоанна ІІІ и царя Іоанна ІУ то мы увидимъ довольно большую разницу въ отдѣлѣ о наказаніяхъ по этимъ законодательствамъ. Въ Судебникахъ значительно усиливается примѣненье смертной казни которая почти отсутствуетъ въ Русской Правдѣ Смертная казнь и тѣлесное наказаніе становятся явленіемъ прямо обычнымъ, до того обычнымъ явленіемъ была смертная казнь, что лѣтъ 10 тому назадъ одинъ нашъ ученый выставилъ даже такое положеніе, что смертная казнь въ ХУІІ в. могла считаться исправительнымъ наказаніемъ (предположеніе нѣсколько странное во всякомъ случаѣ, но оно было выставлено, чтобы указать на распространенность смертной казни.)

Затѣмъ, кромѣ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній, грубость нравовъ проявляется въ разныхъ семейныхъ отношеніяхъ. Когда мы будемъ говорить о Домостроѣ, то увидимъ, что семейныя отношенія въ Домостроѣ выражаются очень рѣзко.Тамъ говорится,что мужу должно наказывать свою жену(наказывать значитъ наставлять);и вотъ,наставляя свою жену,мужъ можетъ даже легонько плеткою ее постегать Затѣмъ,такое же наставленіе относительно воспитанія дѣтей. Воспитаніе должно идти въ страхѣ Божьемъ, воспитывать должно лозой, по Домострою,- "біяя младенцевъ";онъ не заболѣетъ, если будешь бить, а, напротивъ почувствуетъ духовное здравіе. Такъ развивалась грубость общественныхъ и домашнихъ отношеній. Когда я перейду къ Домострою, то укажу, что эта грубость не составляетъ характерной черты русскихъ людей; можно замѣтить такія же черты и на западѣ, такъ что особенно нападать на предковъ не приходится.

Затѣмъ, другая черта-невѣжество, развивающееся въ усиленіи такъ наз. буквализма. Буквализмъ есть такое отношеніе къ истинамъ вѣры, когда мы ставимъ букву гораздо выше духа ученія, выше содержанія религіозныхъ истинъ. Этотъ буквализмъ выражается въ цѣломъ рядѣ всякихъ мелочныхъ предписаній. Напр., въ томъ же самомъ Домостроѣ разсказывается, какъ нужно устроить свой домъ: домъ долженъ быть устроенъ чуть не на подобіе монастырской кельи; образа вытирать каждое утро губкой и нѣкот. друг. подробности относительно свѣчей и пр. Вся жизнь опредѣлена была до самыхъ мелочей.

Но какіе были духовные интересы, чѣмъ люди очень интересовались, изъ за чего иногда сердито спорили. Въ псковской лѣтописи (конца ХУ ст.) содержится такое извѣстіе, что въ Псковѣ появились нѣкоторые философы, которые начали пѣть вмѣсто "Господи, помилуй" "О, Господи, помилуй. Изъ того, что люди, которые поютъ "О, Господи, по-

милуй", за это называются философами, видно, какой невысокій взглядъ былъ на то, что называется философіей. Можно указать массу примѣровъ, въ которыхъ проявляется эта мелочность, этотъ буквализмъ; и этотъ самый буквализмъ со временемъ усиливается до того, что порождаетъ расколъ. Такими чертами отличается эта вторая эпоха древняго періода.

Къ концу этой второй эпохи ослабляется татарское иго и образуется довольно сильное Московское государство. Московское государство образуется постепенно; къ нему стягивались разныя другія удѣльныя княжества. Въ концѣ XУ ст. это государство уже пытается завязать сношеніе съ Западомъ. Эти сношенія съ Западомъ вносятъ нѣкоторыя новыя идеи. Сношенія съ Западомъ еще раньше существовали у новгородцевъ; Новгородъ всегда былъ такимъ культурнымъ центромъ, въ которомъ замѣчалось западное вліяніе, но оно и останавливалось въ Новгородѣ и далѣе проникало очень туго. Въ концѣ XУ ст. Новгородъ входитъ въ составъ Московскаго государства и западныя вліянія начинаютъ проникать этимъ путемъ въ другія мѣста. Съ другой стороны, московскіе государи сознаютъ важныя политическія задачи своего царства. Это царство пріобрѣтаетъ извѣстное вліяніе на Западѣ и на востокѣ, поэтому съ нимъ завязываютъ сношенія, ищутъ дружбы западные сосѣди, присылаютъ пословъ; и разъ государство является съ широкими задачами, то для выполненія этихъ задачъ нужны люди знающіе, умные; такихъ людей у себя не было; приходилось обращаться къ иноземцамъ; и вотъ въ XУI ст. усиливается наплывъ всякихъ иноземцевъ съ Запада. Эти иноземцы были люди другой вѣры и языка, совершенно другихъ нравовъ и обычаевъ; слѣдовательно, они должны были уже въ XУI стол. возбудить по отношенію къ себѣ въ русскомъ обществѣ нѣкоторое ревнивое отношеніе. Въ русскомъ обществѣ является опасеніе, что исказятся добрые нравы, что пропадетъ національность, что теперь русскіе перестанутъ быть русскими, а между тѣмъ всякая страна должна держать собственные обычаи, и только та страна имѣетъ прочность историческую, которая держится своихъ обычаевъ. Так. обр., въ XУI стол. является стремленіе обезпечить національность русскую отъ вторженія чуждыхъ элементовъ и идей; является тревожное настроеніе. Это настроеніе выражается въ литературѣ XУI в., въ нѣсколькихъ фактахъ.

Во 1-хъ, мы встрѣчаемся въ концѣ XУ и началѣ XУI в. съ довольно обостреннымъ споромъ по поводу того, какъ слѣдуетъ относиться къ еретикамъ. Еретики появились въ Новгородѣ. Они проповѣдывали несомнѣнно христіанскія идеи, но во всякомъ случаѣ шедшія въ разрѣзъ съ православной Церковью; эти еретики вносили нѣчто новое. Мы далѣе скажемъ, какъ рѣшался этотъ вопросъ. Но этимъ новымъ теченіямъ нужно было противопоставить извѣстныя выработанныя основы того, что дала прежняя русская жизнь; и вотъ является въ XУI стол. нѣсколько сводовъ старыхъ жизненныхъ правилъ. Такой сводъ домашнихъ наставленій есть Домострой.

Въ этой книгѣ собраны всякія наставленья, которыми древній русскій человѣкъ руководился въ домашней жизни по отношенію къ женѣ, дѣтямъ и т. д., а также въ религіозныхъ своихъ взглядахъ. Другимъ такимъ сводомъ можно считать переписку Іоанна Грознаго съ княземъ Курбскимъ. Въ этомъ сводѣ выразились, съ одной стороны, старые взгляды въ письмахъ Курбскаго и новые въ письмахъ Грознаго. Затѣмъ, огромный сводъ всѣхъ памятниковъ древне-русской литературы; это такъ называемыя великія Четьи-Минеи, составленныя митроп. Макаріемъ. Это, собственно,-житія святыхъ, но къ этимъ житіямъ Макарій присоединилъ что эти святые сами написали; такъ что это есть огромный сборникъ произведеній, которыми жила древняя Русь. Затѣмъ, можно указать нѣсколько другихъ сочиненій, отличающихъ характеромъ сводовъ - итоговъ русской жизни. Эти итоги подводились, потому что нужно было бороться съ западными теченіями, надвигавшимися на русскую жизнь.

Но западныя теченія только усиливаются въ XУII в.; наплывъ ино-

земцевъ въ Россію становится все сильнѣе; само правительство ихъ призываетъ, потому что домашними средствами обойтись нельзя было, является сознаніе, что старыя средства просвѣщенія непригодны и нужно обратиться къ новымъ учителямъ. Вызываются эти новые учителя, но вызываются изъ такой части русской земли, которая послѣ татарскаго ига примкнула къ Польшѣ по отдаленности отъ Московскаго государства; слѣдовательно, эта часть гораздо болѣе подвергалась западно-европейскому вліянію; отсюда-то, изъ ю.-западн. русскихъ областей вызываются эти учителя; они приготовляютъ русское общество къ тому перелому, который совершился при Петрѣ В.

Какъ раньше, такъ и послѣ Петра В. русская литература развивалась въ двухъ теченіяхъ. Одно теченіе-народное, совершенно отдѣльное отъ общаго теченія литературы Оно выражается въ расколѣ, въ простонародной литературѣ (сказкахъ, лубочныхъ картинахъ). Съ другой стороны, наша литература, начинающаяся съ Петра В., тоже можетъ быть представлена въ нѣсколькихъ эпохахъ. Я ихъ только назову. Это періоды-Ломоносовскій, Екатерининскій и Пушкинскій. Этотъ Пушкинскій періодъ, какъ обыкновенно говорится, продолжается до нашего времени, такъ какъ величайшіе писатели послѣдняго времени-Тургеневъ, Толстой, Достоевскій и др.-могутъ быть поставлены въ несомнѣнную связь съ направленіемъ Пушкина по характеру своего реализма. Но объ этомъ будетъ говорится въ будущемъ году. Теперь, послѣ характеристики русской литературы, я обращусь къ памятникамъ монгольскаго періода.

Я сказалъ, что въ монгольскій періодъ выработываются двѣ стороны грубость и буквализмъ. Но въ монгольскомъ періодѣ мы замѣчаемъ нѣкоторыя интересныя явленія въ литературномъ смыслѣ, и при томъ уже въ самую первую пору этого ига. Дѣло въ томъ, что татарское нашествіе, было, конечно, чрезвычайно крупнымъ событіемъ въ русской жизни, и оно не могло не отразиться въ разныхъ литературныхъ памятникахъ. Въ литературныхъ памятникахъ, гдѣ встрѣчается упоминаніе о нашествіи татаръ, насъ поражаетъ извѣстнаго рода покаянное настроеніе, которое охватило въ это время русскую землю. А затѣмъ, замѣчается нѣсколько странное отношеніе къ этому народу. Онъ представляется народомъ полумиѳическимъ; въ татарахъ увидали тѣхъ людей, о которыхъ говорилось въ апокрифическомъ сказаніи Меѳодія Паторскаго, будто Александръ Македонскій заперъ эти народы въ горахъ и что предъ концомъ міра эти люди должны выйти изъ горъ и покорить міръ. Въ этомъ памятникѣ говорилось: зашелъ Александръ съ восточныхъ странъ на море и увидѣлъ нечистыхъ людей отъ племени Афетова. Они мертвецовъ не погребали, а съѣдали и пр. Увидѣвъ это, Александръ убоялся, что они могутъ размножиться и оскверпять землю и изгналъ ихъ въ полуночныя страны, въ горы; и по повелѣнію Божію сошлись горы; и только не сошлись они на 12 локтей; и тутъ сдѣланы были мѣдныя ворота и помазаны синклитомъ; если захотятъ ихъ взять огнемъ или мечемъ, то это не удастся, такъ какъ свойства синклита таковы, что огонь не жжетъ и желѣзо не возьметъ. А въ послѣднія времена выйдутъ 8 племенъ изъ пустыни атривійской, и выйдутъ эти народы скверные, находящіеся въ горахъ, по повелѣнію Божію. И вотъ, лѣтописецъ, вспомнивши предсказаніе Меѳодія Паторскаго, предположилъ, что этотъ самый народъ вышелъ изъ горъ и напалъ на русскую землю. Слѣдовательно, представленіе о виновникахъ бѣдствія явилось даже, если хотите, съ нѣкоторыми поэтическими подробностями. Затѣмъ, тутъ особенно интересно то покаянное настроеніе, которое выражается въ лѣтописи. Лѣтопись объясняетъ нашествіе татаръ наказаніе, посланнымъ Богомъ за грѣхи русской земли.

Изъ литературныхъ памятниковъ начало этого періода представляетъ интересъ памятникъ поэтическій, открытый въ недавнее время, но, къ сожалѣнію, сохранившійся въ очень небольшомъ отрывкѣ. Это "Слово о погибели русской земли", открытое г. Лопаревымъ. Въ этомъ словѣ мы находимъ нѣкоторыя подробности поэтическія, которыя могутъ его сближать съ Словомъ о полку Игоревѣ. Русская земля въ приступѣ къ

этому слову восхваляется; говорится тамъ, что она всего исполнена, называется "свѣтлокрасной и красно украшенной землей русской"; изображается богатство, обиліе русской земли; къ сожалѣнію, слово обрывается на томъ мѣстѣ, гдѣ должно было слѣдовать повѣствованіе о нашествіи татаръ, о бѣдствіи, постигшемъ русскую землю.

Въ прошлый разъ я дошелъ до монгольскаго періода и указалъ, что начало его характеризуется покаяннымъ настроеніемъ. Покаянное настроеніе должно было явиться, конечно, вслѣдствіе великаго бѣдствія, постигшаго русскую землю. Это бѣдствіе представилось совершенно неожиданно для русскихъ. Оно, въ сущности, подготовлялось задолго до этого; разныя нашествія съ востока уже были довольно обычнымъ явленіемъ, Русская земля подвергалась всевозможнымъ нападеніямъ степныхъ народовъ - половцевъ, печенѣговъ и пр., уже въ теченіе 2 - 3-хъ вѣковъ, но это отдѣльныя нападенія, не имѣвшія сколько-нибудь прочныхъ результатовъ. Теперь же явился народъ, покорившій русскую землю, прошедшій ее изъ конца въ конецъ, - потому и бѣдствіе это не имѣло никакого сходства съ тѣмъ, что было раньше; и должно было поразить чрезвычайно и чувства и воображеніе всего русскаго населенія. Это должно было отразиться и въ литературѣ.

Въ литературѣ является прежде всего стремленіе объяснить причину этого бѣдствія, постигшаго русскую землю, и объясненіе, конечно, дается въ такомъ духѣ, въ какомъ давалось раньше при разныхъ другихъ бѣдствіяхъ; т.е., бѣдствіе объясняется какъ наказаніе Божіе за грѣхи Обычнымъ же и главнымъ грѣхомъ является двоевѣріе, т.е., смѣшеніе язычества съ христіянствомъ. Кромѣ этого двоевѣрія, проповѣдники этого періода указывали и другіе недостатки; особенно часто встрѣчаются нападки на такъ называемое "Рѣзоиманіе", т.е., взиманіе слишкомъ высокихъ процентовъ. Обличенія такого рода повторяются въ проповѣдяхъ и слѣдующей ближайшимъ образомъ за монгольскимъ нашестіемъ эпохи; и эти недостатки, какъ объясняютъ проповѣдники, влекутъ за собою наказаніе Божіе; это наказаніе выразилось прежде всего въ монгольскомъ нашествіи.

Изъ памятниковъ, относящихся къ этому періоду мы прежде всего упомянемъ объ одномъ поэтическомъ памятникѣ, сохранившемся до насъ только въ отрывкѣ и имѣющемъ нѣкоторое сходство и близость съ словомъ о полку Игоревѣ; это - "Слово о погибели земли русской", изданное Лопаревымъ. Это "Слово о погибели земли русской" весьма интересно для насъ, потому что оно одно изъ немногихъ поэтическихъ памятниковъ древней русской литературы; и потому, хотя оно сохранилось въ отрывкѣ, оно является очень цѣннымъ памятникомъ. Мы имѣемъ весьма мало данныхъ о томъ, какого рода была древняя русская поэзія; поэтому самый незначительный отрывокъ и, можетъ быть, весьма невысокаго художественнаго достоинства представляется для насъ очень цѣннымъ, потому что онъ намъ характеризуетъ то время.

И вотъ, разсматривая этотъ отрывокъ, изданный Лопаревымъ, мы видимъ, что въ немъ выразились очень ярко патріотическія чувства. Авторъ начинаетъ съ періода, въ которомъ характеризуетъ русскую землю вообще. Характеристика выражается преимущественно въ эпитетахъ: "о, свѣтло свѣтлая и красно украшенная земля русская! многими красотами ты обогащена: озерами многими, рѣками, колодезями, горами крутыми, холмами высокими, дубравами чистыми, полями дивными, звѣрьми различными, птицами безчисленными, городами великими, селами дивными, вертоградами монастырскими, домами церковными, боярами честными и вельможами многими". - Какъ видите, характеристика довольно не мудреная, пріемъ ея - въ перечисленіи и нагроможденіи разнаго рода эпитетовъ, такъ что художественность тутъ не особенно высока; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ здѣсь извѣстное любовное отношеніе къ

тому предмету, о которомъ говоритъ авторъ, и заключеніе характеристики особенно ярко подчеркиваетъ такое любовное отношеніе:"всего ты исполнена, земля русская! о, православная вѣра христіянская!

- Затѣмъ, изображается какъ широко раскинута русская земля, представляются границы русской земли: "отселѣ до угоръ (венгровъ), отъ угоръ до чеховъ, отъ чеховъ до ятвяговъ" и т.д. (Невольно вспоминается при этомъ болѣе позднее перечисленіе у Пушкина: "отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды";) Затѣмъ, упоминаются здѣсь князья правящіе русской землей, что сближаетъ это слово со словомъ о полку Игоревѣ.

Памятникъ обрывается на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ долженъ былъ быть для насъ наиболѣе интереснымъ, - тамъ, гдѣ должно начинаться повѣствованіе о той бѣдѣ, которая постигла русскую землю; такъ что съ выраженіемъ скорбныхъ чувствъ мы не встрѣчаемся въ этомъ памятникѣ, хотя оно должно было проявиться далѣе.

Это скорбное и печальное чувство, охватившее русскую землю особенно ярко выражается въ произведеніяхъ писателя, дѣйствовавшаго вскорѣ послѣ начала монгольскаго ига - въ произведеніяхъ еп. владимірскаго Серапіона. Произведенія Серапіона - его проповѣди, изъ которыхъ намъ извѣстны 5. Первыя три касаются главнымъ образомъ монгольскаго нашествія, и въ нихъ выражается та общая мысль, что бѣдствія постигли русскую землю за грѣхи, слѣдовательно мысль, высказывавшаяся и раньше (напр., въ поученіяхъ Ѳеодосія Печерскаго). Затѣмъ, въ одномъ изъ этихъ словъ нитересна такая картина монгольскаго нашествія. Серапіонъ говоритъ, что явился народъ дикій, народъ, не знающій жалости и что этотъ народъ произвелъ страшное опустошеніе въ русской землѣ. Это опустошеніе представляется Серапіономъ въ художественныхъ чертахъ, и потому картина нашествія, представленная въ одномъ изъ первыхъ 3-хъ словъ его, имѣетъ нѣкоторое значеніе.

Но эти слова въ литературномъ отношеніи, пожалуй, менѣе интересны для выясненія общихъ возрѣній того времени, чѣмъ два послѣднія слова. Два послѣднія слова касаются двухъ недостатковъ, двухъ суевѣрій, гоподствовавшихъ въ то время. 4-е поученіе Серапіона посвящено обычаю, существовавшему во время Серапіона, испытывать вѣдьмъ и колдуновъ - обычаю "суда Божія". Разныя формы такъ наз. суда Божія" были распространены чрезвычайно широко не только у насъ, но и въ западной Европѣ. Извѣстна напр., форма испытанія виновности подсудимаго при помощи горячей воды или раскаленнаго желѣза, которое давалось въ руку, или посредствомъ погруженія въ воду. Такой способъ погруженія въ воду лицъ заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ или вообще въ сношеніяхъ съ нечистымъ духомъ былъ чрезвычайно распространенъ и въ средніе вѣка и даже - какъ я сейчасъ покажу - нѣкоторые примѣры этого удержались до самыхъ послѣднихъ временъ не только въ Россіи въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, но даже и въ западной Европѣ. - Основаніе этого способа испытанія слѣдующее: вода есть стихія чистая, слѣдоват., она не можетъ въ себя принимать ничего такого, что заключаетъ въ себѣ какую ниб. нечистоту физическую или душевную; и если извѣстное лицо находится въ сношеніяхъ съ нечистымъ духомъ, то вода его должна непремѣнно извергнуть; поэтому, человѣка, заподозрѣннаго въ колдовствѣ, или женщину, признаваемую вѣдьмой, бросали въ воду, и если она не тонула, то это была прямая улика того, что такой человѣкъ находится въ сношеніяхъ съ нечистымъ духомъ, что это - колдунъ или в вѣдьма, и потому ихъ предавали казни. Конечно, для тѣхъ, которые не находились въ сношеніяхъ съ нечистымъ духомъ, утѣшеніе было очень скверное, потому что онъ долженъ былъ тонуть.

Противъ этого обычая испытывать такимъ образомъ возсталъ еп. Серапіонъ въ 4 и 5 поученіяхъ. Онъ приводитъ весьма простыя основанія, доказывающія неразумность этого обычая. Онъ говоритъ, что не разъ обращался къ паствѣ съ разными поученіями и даже радовался, видя какъ-бы нѣкоторое исправленіе въ своихъ слушателяхъ: но вмѣстѣ

съ тѣмъ его огорчаютъ такія печальныя явленія въ ихъ жизни, которыя никакъ не могутъ прекратиться. И вотъ такимъ печальнымъ явленіемъ представляется ему ихъ отношеніе къ колдунамъ и чародѣямъ. Вѣра въ волховъ, оказывается, въ это время усилилась, потому что рядомъ съ общественнымъ бѣдствіемъ отъ нашествія татаръ были и другія бѣдствія: эти бѣдствія могли быть въ тѣсной связи съ татарскимъ нашествіемъ: населеніе уменьшилось, слѣдовательно, обработка земли должна была упасть поэтому, явились неурожаи; явились и другія бѣдствія имѣвшія причины атмосферическія и другія. Все это могло приводить къ мысли о наказаніи Божіемъ, но рядомъ съ наказаніемъ Божіемъ искалась причина болѣе близкая. Такою причиною и явились колдуны и вѣдьмы, останавливавшіе дождь и производившіе засуху,и ихъ испытывали.Поэтому такіе случаи открытія колдуновъ учащаются, и этимъ объясняется, почему Серапіонъ счелъ нужнымъ заговорить объ этомъ. Изъ этого мы видимъ, что проповѣдникъ былъ характера общественнаго, это былъ человѣкъ, говорившій не на отвлеченную тему, но объ общихъ обязанностяхъ христіянскихъ: говорившій не потому, что ему нужно было вообще говорить, а потому, что это вызывалось требованіями жизни.

И вотъ, Серапіонъ, обращаясь къ средству отыскиванія чарадѣевъ, говоритъ, что то средство, какое примѣняетъ народъ, прямо неразумно. Онъ здѣсь проводитъ такую параллель: если какого ниб. человѣка осуждаютъ на смерть или на какое ниб. другое наказаніе, то обыкновенно стараются обставить дѣло такимъ образомъ,чтобы истина была выяснена: поэтому, прибѣгаютъ къ свидѣтельству другихъ людей и къ разнаго рода доказательствамъ достовѣрнымъ: въ данномъ же случаѣ народъ, разыскивая чародѣевъ, волхвовъ, обвиняя людей въ ужасныхъ преступленіяхъ - въ сношеніи съ нечистымъ духомъ - обращается не къ свидѣтелямъ, не къ достовѣрнымъ источникамъ, а къ водѣ - мертвой стихіи, и, такимъ образомъ, вода представляется для народа какъ-бы разумнымъ существомъ - Такимъ совершенно безхитроснымъ разсужденіемъ онъ показываетъ неразумность этого обычая.

Затѣмъ, указавши, что тутъ благодаря неосновательности такого пріема, могли быть разныя злоупотребленія, что люди злонамѣренные, имѣя въ виду какія ниб. корыстныя цѣли, или имѣя въ виду желаніе отомстить тому или другому лицу, могутъ взвести обвененіе на кого ниб и это обвиненіе будетъ подтверждаться такимъ неразумнымъ пріемомъ, - Серапіонъ обращается къ паствѣ и убѣждаетъ отстать отъ этого пагубнаго бычая и вспомнить, что онъ совершенно противенъ христіянству, я остановлюсь на этомъ словѣ Серапіона, потому что оно чрезвычайно характерно для XIII вѣка.

Дѣло въ томъ, что оно является исключительнымъ явленіемъ не только въ нашей русской литературѣ, но и западно-европейской. Въ зап. европейской литературѣ до XУI в. мы не встрѣчаемъ никакого сомнѣнія въ законности и разумности такого способа испытанія вѣдьмы и колдуновъ. До XУI столѣтія мы находимъ цѣлый рядъ такъ наз."hechsen process" процессовъ противъ вѣдьмъ. Въ этихъ процессахъ, кромѣ испытанія водой, примѣняются нѣкоторые другіе способы; и, что особенно замѣчательно, разные ученые европейскіе того времени пишутъ очень тонкіе, хитроумные трактаты, въ которыхъ доказываютъ, что вполнѣ возможно такое сношеніе людей съ нечистымъ духомъ, указываютъ на разные способы такого сношенія и на внѣшніе признаки такихъ сношеній. Такіе ученые трактаты встрѣчаются въ XУI и даже въ XУII в.. На эту тему составляются обстоятельные сборники. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи такъ наз. "maleus malexicarum" (сундукъ злодѣйствъ)Въ этомъ сундукѣ злодѣйствъ или чародѣйствъ изложены разные случаи сношенія людей съ нечистымъ духомъ. Въ XУI стол. во Франціи появляется замѣтельный философъ Малебраншъ, который возстаетъ противъ этого, доказываетъ ненужность и безсмыслицу процессовъ, но голосъ его остается почти одинокимъ; и только въ XУIII ст. мы встрѣчаемся съ болѣе серьезнымъ протестомъ во Франціи и вообще Европѣ.

Но даже до послѣдняго времени мы видимъ въ западной Европѣ отдѣльные случаи нападенія на людей, заподозрѣнныхъ въ вѣдомствѣ или колдовствѣ. Такъ напр., мы знаемъ, что въ Англіи еще въ 60-мъ году въ графствѣ Эссексъ былъ замученъ до смерти старикъ, заподозрѣнный въ томъ, что колдовствомъ останавливалъ дождь. Въ 1874 году въ Мексиканской республикѣ было сожжено оффиціально 5 человѣкъ, заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ; такъ что даже оффиціальное признаніе безсмыслія этихъ процессовъ еще не окончательно установилось до самаго недавняго времени въ зап. евр. государствахъ

Такіе же факты есть и въ русской жизни. Мы имѣемъ любопытный документъ прошлаго столѣтія - донесеніе одного управляющаго своему господину о томъ, какой казусъ произошелъ въ деревнѣ: "Ясновельможный пане - пишетъ управляющій; доношу, что съ вашего позволенія сжегъ 6 чаровницъ. Три изъ нихъ сознались, а остальныя не сознались, потому что двѣ изъ нихъ престарѣлыя, а третья тоже лѣтъ 50-ти." Тамъ же сообщается, что какой то другой господинъ сжегъ женщину и мужчину. Этотъ несчастный ни въ чемъ не сознавался, за то женщина созналась во всемъ и съ великимъ отчаяньемъ пошла на тотъ свѣтъ.- Это было въ прошломъ столѣтіи. Но не такъ еще давно - въ 1877 г. въ Новгородской губ. была сожжена крестьянка; въ 1885 г.,въ Херсонской губ. въ деревнѣ Пересадовкѣ былъ случай расправы съ 3 бабами,заподозрѣнными въ колдовствѣ; съ этими бабами была такая же расправа, такое же испытаніе, было произведено надъ ними, о которомъ упоминалъ уже Серапіонъ: женщинъ этихъ насильно купали въ водѣ, и, какъ можно судить по описанію безъ какихъ либо особыхъ цѣлей, т.е., не думая этимъ выяснить,дѣйствительно ли онѣ колдуньи но уже самое погруженіе въ воду указываетъ на старинный способъ испытанія. Затѣмъ, трехъ бабъ принуждали и умоляли, чтобы онѣ признали себя вѣдьмами, и замѣчательно, что эти женщины сами поддерживали въ крестьянахъ увѣренность, что онѣ дѣйствительно колдуньи и избѣжали печальнаго исхода (т.е. окончательной расправы) только тѣмъ, что указали разъярившимся крестьянамъ мѣсто въ которомъ онѣ скрывали дождь. Туда отправился староста и нѣсколько понятыхъ, вошелъ въ избу и въ печной трубѣ нашелъ два напильника и одинъ замокъ. Послѣ этого волненіе крестьянъ улеглось и дѣло окончилось мирно. Интересно здѣсь одна подробность, что бабы сами поддерживаютъ увѣренность въ томъ, что онѣ колдуньи, а другая, - что ихъ испытываютъ водой, какъ это было при Серапіонѣ; здѣсь мы видимъ примѣръ чрезвычайной прочности разныхъ народныхъ обычаевъ.

Серапіонъ возстаетъ противъ другаго суевѣрія, которое,пожалуй тоже держится въ нашемъ народѣ до настоящаго времени; это противъ суевѣрнаго отношенія къ лицамъ внезапно умершимъ и къ самоубійцамъ. Такихъ людей считали тяжко согрѣшившими предъ Богомъ и въ особенности представлялись подозрительными въ отношеніи нравственномъ. При всякихъ бѣдствіяхъ своихъ народъ видѣлъ виновниковъ ихъ въ этихъ и именно внезапно-умершихъ людяхъ и вотъ обращался къ такимъ крайнимъ средствамъ: умершимъ откапывали и бросали на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ: такъ что тутъ уже являлось поруганіе мертвецовъ, совершенно недопустимое съ точки зрѣнія православной церкви. Серапіонъ возстаетъ и противъ этого суевѣрія

У насъ теперь отношеніе къ внезапно умершимъ уже не проявляется въ такой рѣзкой формѣ но и теперь человѣкъ внезапно умершій считается наказаннымъ за грѣхи; по народному представленію, только тяжкій грѣхъ влечетъ за собою такое наказаніе (т.е. внезапную смерть), при которомъ человѣкъ лишается возможности покаяться въ грѣхахъ,такой человѣкъ считается недостойнымъ даже быть оплаканнымъ.

Противъ такого отношенія къ внезапно умершимъ возстаетъ Серапіонъ, и возстаетъ также съ точки зрѣнія христіанской и логической: онъ указываетъ на неразумность такого отношенія.

Такой проповѣдникъ (именно - Серапіонъ) является для насъ интереснымъ во 1-хъ потому, что по формѣ своихъ поученій отличается

чрезвычайной прростотой изложенія, а затѣмъ, въ его сочиненіяхъ мы видимъ весьма развитое христіянское сознаніе. Это развитое христіанское сознаніе показываетъ, что Серапіонъ опередилъ свой вѣкъ на нѣсколько столѣтій; затѣмъ, мы можемъ сказать,что по сознанію неразумности тѣхъ обычаевъ, о которыхъ пишетъ, онъ дѣйствительно стоитъ впереди европейскихъ ученыхъ и мудрецовъ, которые весьма обстоятельно разсуждали о всякихъ сношеніяхъ съ нечистымъ духомъ еще 3-4 столѣтія послѣ Серапіона.

По сравненію со своими предшественниками,особенно такими краснорѣчивыми какъ Иларіонъ и Кириллъ Туровскій,Серапіонъ представляется интереснымъ тѣмъ,что онъ касается прямо темы жизненной: всѣ его проповѣди посвящены вопросамъ общественнымъ; онѣ не являются чѣмъ то отвлеченнымъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ современнымъ обстоятельствамъ.

Заговоривши о суевѣріяхъ,мы должны остановиться еще на одномъ памятникѣ послѣ монгольскаго нашествія,этотъ памятникъ изображаетъ намъ чрезвычайно ярко то двоевѣріе,которое существовало въ русскомъ народѣ.Памятникъ этотъ принадлежитъ какому то "Христолюбцу".Въ немъ указывается,что въ народѣ чрезвычайно много остатковъ язычества,напр. языческіе праздники;указывается,что христіяне вѣруютъ въ Перуна,въ Хорса,въ вилы.Всѣ эти имена представляются для насъ не совсѣмъ понятными;вилы напр.,мы встрѣчаемъ у сербовъ;это нѣчто въ родѣ русалокъ; такъ что здѣсь мы встрѣчаемся,повидимому,съ именемъ,подъ которымъ стоятъ два одинаковыя народныя представленія.Но рядомъ съ вилами въ этомъ памятникѣ упоминаются и русалки;русалокъ,по словамъ "Христолюбца" 30 сестреницъ(30 сестеръ-русалокъ напоминаютъ теперешнее представленіе, встрѣчающееся въ разныхъ мѣстахъ,а 30-ти"трясонницахъ", которыя насылаютъ разнаго рода лихорадки). Христолюбецъ указываетъ еще разнаго рода боговъ и богинь; онъ говоритъ, напр, что люди "молятся огню и зовутъ огонь Сварожичемъ. Если у кого ниб. бываетъ пиръ, то кладутъ ведро и чаши и пьютъ, веселящеся о своихъ идолѣхъ". Такіе люди, по словамъ Христолюбца уподоблются жидамъ и еретикамъ.

Въ этомъ обличеніи Христолюбца замѣчательно то, что такими суевѣреями, какъ оказывается, были заражены не только простые люди, но даже" попове и книжницы, которые тоже творятъ; такъ что не только невѣжи, но и вѣжи пьютъ и ѣдятъ моленное", т.е., такіе припасы, которые благословлены языческими богами; и такія злыя дѣянія этихъ поповъ и книжниковъ, конечно, должны были совращать и простыхъ людей.

Этотъ памятникъ характеризуетъ намъ уровень умственнаго состоянія того времени. Мы видимъ, что двоевѣріе настолько было сильно,что даже тѣ люди, которые должны были противъ него бороться были повинны въ томъ, что готовы вкусить и выпить "моленнаго".

На этихъ памятникахъ первой поры монгольскаго нашествія мы останавливаться не будемъ больше. Теперь я скажу вообще о развитіи литературы въ это время и остановлюсь на нѣкоторыхъ памятникахъ, относящихся къ монгольскому періоду. Я укажу на сочиненіе "о земномъ раѣ". Это сочиненіе относится къ XIУ в. и принадлежитъ новгородскому еписк. Василію. Оно написано по тому поводу, что явились какіе то люди, которые стали говорить, будто земнаго рая никогда не существовало,а что существуетъ только мысленный рай. Новг. архіепископъ Василій опровергаетъ это мнѣніе о мысленномъ раѣ и говоритъ, что если рай признать мысленнымъ, если говорить, что существуютъ такіе предметы, которые только мысленны, то вѣдь тогда очень многое можно признать мысленнымъ Затѣмъ, кромѣ такихъ чисто-логическихъ замѣчаній ссылается на разныхъ отцовъ церкви и говоритъ, что рай по словамъ, напр., св. Макарія, находится на землѣ, что этотъ св. Макарій жилъ за 20 верстъ отъ рая; затѣмъ приводитъ свидѣтельства Іоанна Златоуста и наконецъ разсказываетъ о такомъ фактѣ: трое новгородцевъ пошли отыскивать рай; двое взошли на одну гору и при этомъ почувствовали такое блаженное состо-

яніе, что не возвратились уже назадъ изъ рая на землю: тогда съ земли отправился 3-ій; но люди, оставшіеся на землѣ привязали къ его поясу веревку и когда онъ хотѣлъ войти въ рай, то его стощили съ горы внизъ, но онъ оказался уже мертвымъ, - и такимъ обр. никакихъ обстоятельныхъ свѣдѣній о раѣ не получили. Василій въ подтвержденіе достовѣрности этого разсказа ссылается на внуковъ этихъ новгородцевъ.

Этотъ разсказъ арх. Василія представляется интереснымъ, если сопоставить его съ подобными разсказыми въ нѣмецкой литературѣ. Академикъ Веселевскій нашелъ въ нѣмецкихъ сказаніяхъ нѣчто весьма аналогичное сказанію Василія. Въ нѣмецкихъ сказаніяхъ тоже трое отправляются отыскивать земной рай и первые двое остаются въ раю, какъ и наши новгородцы; чтобы узнать что-ниб. о раѣ былъ посланъ на гору и третій; у Василія новгородцы привязали веревку къ поясу, а у нѣмцевъ была привязана веревка къ ногѣ. Когда онъ взашелъ на гору и захотѣлъ тамъ остаться, то его стащили за ногу съ горы.

Въ нашемъ разсказѣ новгородецъ умираетъ наконецъ же онѣмѣлъ, такъ что ничего не могъ отвѣчать. Есть, конечно, нѣкоторыя черты различія, но и сходство несомнѣнно, и въ самомъ различіи можно находить сходство, хотя бы въ томъ фактѣ, что нѣмецъ онѣмѣлъ, а новгородецъ умеръ: то и другое было слѣдствіемъ восторга, охватившаго человѣка въ раѣ

Кромѣ сказанія о земномъ раѣ, мы имѣемъ еще нѣкоторыя сказанія, представляющія тоже любопытныя черты; но на нихъ останавливаться не будемъ.

Въ монгольскій періодъ развивается особенно литература житій, А.I.Лященко указывалъ, по всей вѣроятности, основныя черты патерика, т.е., довольно безыскуственную постройку житій святыхъ. Тамъ извѣстны такія черты, которыя указываютъ на
житій съ житіями святыхъ восточной церкви; но тамъ еще нѣтъ той реторики, которая является въ житіяхъ русскихъ монгольскаго періода. Относительно русскихъ житій святыхъ существуетъ прекрасная книга профес.Моск. унив. Ключевскаго " Житія святыхъ какъ историческій источникъ"; тамъ можно найти, какъ развивалась постройка житій, какъ изъ простаго разсказа о жизни святаго постепенно вырабатываются разныя запутанныя и сложныя формы, служащія къ прославленію святаго. Какъ создатели такихъ формъ извѣстны Епифаній мудрый, митр. Кипріанъ и Пахомій Логоѳетъ. Встрѣчаясь съ именами Пахомія и Кипріана, мы должны вспомнить объ ихъ національности, и такъ какъ они были сербы, то отсюда мы видимъ, что въ это время усиливается благодаря имъ южно-славянское вліяніе на русскую литературу. Это вліяніе конечно, было значительно и раньше; раньше книги проникли къ намъ чрезъ южныхъ славянъ, и такимъ обр. къ намъ заносились особенности языка и воззрѣній славянъ: богомильская ересь проникла несомнѣнно въ цѣломъ рядѣ апокрифовъ; теперь же, благодаря Пахомію и Кипріану это вліяніе вырождается въ формахъ языка.

Въ прошлый разъ я говорилъ относительно вліянія вообще монгольскаго нашествія на русскую литературу и отраженія этого событія въ памятникахъ первой поры; въ этихъ памятникахъ, какъ я указывалъ, главную черту составляетъ покаянное настроеніе. Это покаянное настроеніе держится въ теченіе всего дальнѣйшаго монгольскаго періода, но оно нѣсколько видоизмѣняется. Къ покаянному настроенію, т. е. къ желанію исправиться, устранить тѣ ненормальности въ общественной жизни, которыя привели русскую землю къ этому страшному бѣдствію, присоединяются еще нѣкоторыя другія черты: спустя столѣтіе послѣ монгольскаго нашествія является надежда избавиться отъ этого бѣдствія. Эта надежда является благодаря тому, что образуется сильное московское княжество. Московское княжество очень рано начинаетъ обращать общее вниманіе всей русской земли, потому что московскіе князья оказались совсѣмъ непохожими на тѣхъ князей, которые дѣйствовали въ удѣльный періодъ: они оказались людьми практическими. Удѣльные князья были больше частью удальцы, изъ которыхъ каждый дѣйствовалъ на свой страхъ, каждый думалъ отличиться на войнѣ, прославиться подвигами, а объ общихъ интересахъ эти князья почти не думали. Московскіе же князья оказались людьми нѣсколько иного строя; это были люди практическіе: для нихъ удаль не представляла почти никакого интереса, они очень хорошо поняли, что отличиться храбростью есть нѣчто выдающееся, но оно не представляетъ собою чего либо прочнаго, а между тѣмъ у нихъ явилась такая цѣль, такая задача, которая исключительно личной храбростью достигнута быть не могла; они поняли, что подготовиться къ борьбѣ съ татарами, съ этимъ сильнымъ врагомъ, можно только очень упорнымъ, продолжительнымъ трудомъ, и что при этомъ иногда придется имъ прибѣгать къ такимъ средствамъ, которыя не совсѣмъ даже позволительны съ нравственной точки зрѣнія. Тутъ нужно было имѣть извѣстныя и личныя качества, которыя ихъ могли располагать къ такимъ средствамъ. И присматриваясь къ этимъ московскимъ князьямъ, мы замѣчаемъ, дѣйствительно, что практичность очень часто перевѣшиваетъ въ нихъ соображенія нравственнаго свойства. Историкъ Карамзинъ, характеризуя Іоанна III, наиболѣе типичнаго изъ московскихъ князей-собирателей, говоритъ: рѣдкіе основатели монархіи отличаются нѣжной чувствительностью. Это на языкѣ Карамзина, иногда пріукрашенномъ, въ сущности означаетъ очень простую вещь, что у этихъ основателей русской монархіи разсчетъ постоянно перевѣшивалъ нравственныя соображенія.

Но историческихъ дѣятелей не всегда справедливо судить исключительно съ нравственной точки зрѣнія: къ нимъ должна быть примѣняема преимущественно точка зрѣнія историческая. А историческая точка зрѣнія справдываетъ многія дѣйствія московскихъ князей тѣмъ, что эти дѣйствія были вызваны необходимостью, что они прямо вызывались тою цѣлью, которую они поставили себѣ. Я въ этомъ случаѣ не хочу поддерживать той мысли, что цѣль оправдываетъ средства; цѣль не можетъ оправдать незаконныхъ и скверныхъ средствъ; но эта цѣль нѣсколько измѣняетъ нашъ взглядъ на упомянутыхъ историческихъ дѣятелей, нѣсколько смягчаетъ къ нимъ наше отношеніе. Если мы, напр., видимъ, что эти дѣятели иногда не стѣснялись соображеніями высшаго нравственнаго порядка и что нарушенія нравственнаго принципа вызывались нарушеніемъ его съ другой противной стороны, то къ нимъ, конечно, мы относились нѣсколько мягче. Такъ мы будемъ смотрѣть и на московскихъ князей. Они сдѣлали, дѣйствительно, великое дѣло: они стали собирать русскую землю. Они принялись за дѣло самымъ скромнымъ образомъ, безъ всякаго удальства; примѣровъ отличій, храбрости, подвиговъ мы даже не видимъ. Мы можемъ скорѣе сказать, что въ ихъ дѣйствіяхъ проявляется по внѣшности даже какая то трусость, робость; они избѣгаютъ какихъ либо прямыхъ, открытыхъ столкновеній съ татарами, избѣгаютъ иногда, правда по робости, а чаще изъ того что они понимаютъ невозможность борьбы съ татарами; они знаютъ, что хотя и будутъ бороться, но татары сло-

мять ихъ силу, и эта попытка бороться навлечетъ еще большее бѣдствіе Поэтому, сперва идетъ очень тихая работа, не маловажно, что въ этой тихой работѣ помогаетъ имъ московское населеніе.

Я могу рекомендовать вамъ очень интересный опытъ рѣшенія вопроса о русскомъ самодержавіи въ статьѣ извѣстнаго историка-археолога И. Е. Забѣлина "О происхожденіи русскаго самодержавія" Историч. Вѣстн. 1880 г. Въ этой статьѣ онъ разбираетъ нѣсколько теорій, существовавшихъ до него, о томъ, какъ сложилось русское самодержавіе. Существовала такая теорія, что самодержавіе есть форма правленія, заимствованная отъ татаръ, что татарскій деспотизмъ есть тотъ первообразъ, который далъ московскимъ князьямъ мысль сосредоточить въ своихъ рукахъ неограниченную власть. Эта теорія отчасти поддерживалась умершимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ весьма даровитымъ историкомъ Ник. Ив. Костомаровымъ. Есть другая теорія-Иконникова, по которой наше самодержавіе произошло будто-бы подъ вліяніемъ разныхъ византійскихъ преданій, что идея неограниченной власти византійскаго царя перешла въ Россію и была усвоена нашими великими князьями. Но обѣ эти теоріи и византійская (Иконникова) и татарская (Костомарова), какъ доказалъ Забѣлинъ, оказываются слабыми. Вѣди если мы будемъ говорить о вліяніи татаръ или византійцевъ, то мы возьмемъ только одну сторону вопроса: мы установимъ фактъ, что было такое вліяніе на князей. Но князья никакъ не могли бы пріобрѣсти себѣ такой могущественной власти, какую они пріобрѣли, если-бы имъ не сочувствовало и не содѣйствовало само населеніе; но населеніе не подпадало ни тому ни другому вліянію. Съ этой стороны обѣ теоріи оказываются слабыми, и Забѣлинъ въ своей статьѣ показалъ, что источникъ самодержавія совсѣмъ другой. Князья сознали, что имъ нужна сильная власть, но это же самое сознано и народомъ. На сѣверѣ Россіи всегда существовалъ патріархальный строй жизни. Домовладыка былъ лицомъ полноправнымъ и неограниченнымъ въ своемъ домѣ. Эта патріархальная черта прявляется не только въ семьяхъ, но и въ цѣлыхъ общинахъ сельскихъ и городскихъ. На сѣверѣ этотъ патріархальный строй существовалъ всегда, и особенно былъ силенъ онъ тамъ, гдѣ началось московское самодержавіе. Слѣдовательно, понятіе самодержавія не представлялось московскому населенію чѣмъ либо новымъ, и государственное устройство на началахъ самодержавія возбуждало въ народѣ сочувствіе - Если примемъ эту теорію, то можемъ удовлетворительно рѣшить тѣ вопросы, на которые ни татарская, ни византійская теоріи не даютъ отвѣта. Мы не имѣемъ никакихъ точныхъ данныхъ, для того чтобы высказаться за эту теорію со всею рѣшительностью, но она представляется, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе правдоподобною, чѣмъ другія. Въ ней нѣтъ того недостатка, который указанъ въ первыхъ двухъ теоріяхъ; она показываетъ, какъ эта идея самодержавія развилась съ той и другой стороны: какъ она явилась сверху и могла найти сочувствіе внизу-въ самомъ населеніи.

Благодаря идеѣ объединенія Руси, кое-что новое начинаетъ появляться и въ литературѣ: мы видимъ, что въ литературѣ иногда раздается призывъ къ тому, чтобы русскіе люди занялись дѣломъ, чтобы они объединились, вспомнили, что у нихъ есть врагъ и что нужно готовиться къ борьбѣ съ нимъ.

Такіе призывы идутъ больше всего отъ духовенства. Духовныя лица призываютъ великихъ князей на борьбу. Отдѣльные іерархи, а иногда и цѣлые соборы посылаютъ посланіе князьямъ. Изъ избранныхъ посланій особенно интереснымъ литературнымъ памятникомъ является то, которое было отправлено къ Іоанну III, когда онъ рѣшилъ освободиться отъ монгольскаго ига. Іоаннъ III, какъ извѣстно, долгое время колебался, даже и тогда, когда русскіе войска, движущіеся противъ татаръ, остановились при рѣкѣ Угрѣ. На Угру къ Іоанну III духовенство послало обширное посланіе, и въ немъ оно объяснило, что всѣ колебанія Іоанна совершенно не основательны, и что онъ долженъ дѣйствовать энергично.

Іоаннъ отговаривался тѣмъ, что онъ не рѣшается нарушить клятву, данную когда то, на вѣрность татарскому хану. Духовенство отвѣчало, что оно разрѣшаетъ отъ этой клятвы, потому что эта клятва была вынуждена и, слѣдовательно, незаконна, затѣмъ, оно указывало на бѣдствія народныя, которыя проистекаютъ отъ того, что русская земля находится въ постоянномъ угнетеніи.

Тутъ мы видимъ въ этомъ посланіи духовенства образецъ чрезвычайно яркой публицистики. Вѣдь это не есть какое ниб. чисто-духовное поученіе;это поученіе, касающееся дѣлъ общественныхъ и какъ такое, оно есть прямо произведеніе публицистическаго характера.

Разсматривая разныя поученія этого періода, принадлежащія епископамъ и другимъ духовнымъ лицамъ, мы замѣчаемъ, что поученія этого времени, по формѣ очень мало, въ сущности, отличаясь отъ предыдущихъ поученій до-монгольскаго періода(витіеватыхъ, обильныхъ внѣшними украшеніями), по существу представляютъ, однако, явленіе жизненное. Духовенство постоянно говоритъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя наблюдаются въ общественной жизни и указываютъ на ту или другую ненормальность въ общественной жизни, указываютъ, напр., на неправосудіе,на слишкомъ высокія пошлины, которыя взимаются въ судахъ, на притѣсненія помѣщиками крестьянъ; всѣ эти стороны жизни вызываютъ довольно рѣзкія обличенія отъ духовенства. Поэтому, и литература духовная - вполнѣ жизненное явленіе; она не есть что либо отвлеченное, какъ это было у Кирилла еп. Туровскаго и у др. проповѣдниковъ. Значитъ, въ этой литературѣ мы встрѣчаемся съ явленіемъ жизненнымъ по содержанію; по внѣшности же она является тѣмъ же самымъ витіеватымъ, украшеннымъ произведеніемъ, какъ это было въ до-монгольскій періодъ.

Такою же витіеватостью отличаются и весьма распространенныя въ это время житія святыхъ. Житія святыхъ въ это время получаютъ новый и особенный стиль. Въ это время усиливается южно-славянское вліяніе. Является нѣсколько писателей по происхожденію изъ южно-славянскихъ земель. Таковы были м. Кипріанъ и Пахомій Сербинъ, или Пахомій Логоѳетъ Эти писатели еще болѣе усиливаютъ въ литературѣ того времени витіеватые пріемы изложенія; они придаютъ извѣстную шаблонность тѣмъ житіямъ, которыя въ это время слагаются. Я приведу для образца отрывокъ изъ житія, откуда можно видѣть, насколько искусственны были пріемы этой литературы.

Напр., въ житіи Стефана Пермскаго мы находимъ такой плачь пермяковъ. Пермяки жалуются на то, что мощи Стефана перенесены въ Москву и обращаются къ нему такимъ образомъ: "О, преподобный нашъ, о, святый епископъ Стефанъ! Если и преставился ты отъ насъ тѣломъ, то не отступай отъ насъ духомъ; если далеко твой умъ, то молитва твоя всегда съ нами, если мощи твои далеко, то благословеніе твое близъ насъ" и т. д.; такъ что здѣсь только цѣлый рядъ повтореній: если, если, если.... Это-пріемъ, разсчитывающій на то, что одно условіе должно усиливать другое. Весьма часто бываетъ, что послѣдующее условное предложеніе не усиливается предыдущимъ, но такъ какъ такого построенія требовала извѣстная мода, то это казалось необходимымъ.

Къ этому же періоду (XIУ-XУ вѣка) относится еще нѣсколько произведеній, составляющихъ особую группу, интересны онѣ тѣмъ, что рисуютъ намъ состояніе просвѣщенія того времени, рисуютъ взгляды русскихъ людей на иностранцевъ и вообще-міросозерцаніе людей того времени. Съ этой точки зрѣнія интересны путешествія русскихъ людей въ чужія страны. Изъ нихъ можно упомянуть два путешествія еп. Авраамія, путешествіе Симеона Суздальскаго на западъ, связанныя съ Ферраро-Флорентійскимъ соборомъ, и, затѣмъ, Аѳанасія Никитина въ Индію.

"Путешествіе", Авраамія интересно потому что оно сообщаетъ о тѣхъ мистеріяхъ, которыя онъ видѣлъ на Западѣ. Въ "путешествіи" есть интересныя описанія мистерій. Онъ видѣлъ ихъ во Флоренціи. Одна такая мистерія изображала Благовѣщеніе. Сцена раздѣлялась на два яруса. Въ верхнемъ ярусѣ находился благообразный старецъ въ царскомъ одѣяніи;

этотъ старецъ имѣлъ "подобіе отчее" (т. е. изображалъ Бога Отца). Вокругъ престола были разставлены отроки ("должнымъ образомъ разставлены"). Во второмъ ярусѣ у изголовья постели сидѣлъ лѣпообразный отрокъ изображающій Богородицу; тутъ же на помостѣ стояли четыре старца, державшіе свитки: они читали, откуда долженъ произойти Спаситель. Споръ между старцами окончился тѣмъ, что послышался, какъ выражается Авраамій, "тюфячный громъ", т. е. искусственный громъ. Затѣмъ, сверху сходитъ отрокъ чисто-образный и кудрявый въ бѣлой ризѣ и съ вѣтвью въ рукахъ; этотъ отрокъ тихимъ голосомъ поетъ. Онъ изображаетъ арханг. Гавріила и ведетъ бесѣду съ Богородицею почти такъ же, какъ объ этомъ говорится въ евангеліи и потомъ поднимается кверху. Силы Божіи хвалятъ Бога, сверху падаетъ огонь и восхожденіе ангела сопровождается громомъ. Затѣмъ, какъ выражается Авраамій, затворились "запоны" (вѣроятно, занавѣсъ) и "скрылось чудное и хитрое видѣніе."

Эти мистеріи очень понравились Авраамію; у себя на родинѣ онъ не видѣлъ ничего подобнаго, и ему это "чудное и хитрое видѣніе" представляется очень любопытнымъ и поучительнымъ, и онъ, пожалуй, не прочь, чтобы явилось нѣчто подобное у него дома. Затѣмъ, въ описаніи Авраамія мы видимъ прямо сочувствіе художественнымъ интересомъ, такъ что съ этой точки зрѣнія его описаніе представляется довольно интереснымъ.

Путешествіе Симеона Суздальскаго представляетъ еще болѣе интересныхъ чертъ при изображеніи зап. европ. жизни, благодаря тѣмъ наивнымъ подробностямъ, которыя онъ вноситъ въ описаніе. Описаніе начинается прежде всего съ г. Юрьева, который тогда еще не назывался Дерптомъ. "Городъ Юрьевъ великъ и каменнъ; палаты въ немъ созданы вельми чудно; намъ же, не видѣвшимъ таковымъ, приходится дивиться; и церкви въ немъ многія и монастыри великіе". Уже самый первый городъ, находящійся внѣ границъ русской земли, обращаетъ вниманіе Симеона тѣмъ, что въ немъ гораздо большее количество каменныхъ палатъ, представляющихъ для него нѣчто новое и весьма любопытное. Затѣмъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше растетъ его изумленіе. Его особенно удивляетъ городъ Любекъ. "Пріѣхалъ я въ Любекъ, видѣлъ градъ вельми чуденъ", пишетъ онъ. Потомъ послѣ Любека поражаетъ его и мѣстность. Человѣку равнины, привыкшему къ однообразному пейзажу русскому, представляется нѣчто другое: онъ видитъ горы, сады, "палаты вельми чудныя"; все его поражаетъ и интересуетъ. Затѣмъ, его удивляетъ устройство водопроводовъ. Этотъ продуктъ цивилизаціи былъ совершенно невѣдомъ въ Россіи; поэтому, онъ считаетъ необходимымъ отмѣтить, что воды текутъ по улицамъ въ трубахъ, а иныя бьютъ столбы. Затѣмъ говоритъ онъ, что есть въ городѣ такіе чудесные люди, изъ которыхъ бьетъ вода. Это-фонтанъ, который его очень заинтересовалъ. Все это его сильно поражаетъ. Въ Италіи онъ интересуется, съ одной стороны, дѣлами церковными-тѣми вопросами, ради которыхъ созванъ Ферраро-Флорентійскій соборъ, съ другой стороны, онъ дѣлаетъ наблюденія надъ жизнью итальянцевъ: его поражаютъ особенности этой жизни. Ферраро-Флорентійскій соборъ былъ созванъ для объединенія церквей восточной и западной; это объединеніе не удалось, но митрополитъ Исидоръ, представитель русской церкви, согласился на унію. Симеонъ Суздальскій, описывающій этотъ соборъ, явно порицаетъ московскаго митрополита Исидора и особенно хвалитъ тѣхъ людей, которые являлись защитниками греческаго православія и не желали соединенія съ латинской церковью. Такимъ человѣкомъ былъ епископъ Ефесскій Маркъ. Поэтому всѣ симпатіи Симеона находятся на сторонѣ Марка Ефесскаго. Онъ считаетъ его столпомъ церкви, описываетъ, какъ онъ говорилъ, какъ защищалъ свою вѣру, какъ возбуждалъ общее сочувствіе. Но при изображеніи церковныхъ дѣлъ не забываетъ онъ сообщить нѣкоторыя подробности о тѣхъ земляхъ, которыя онъ посѣщаетъ. Въ Италіи онъ интересуется природой: "видѣли мы кедры и кипарисы; кедры - какъ русская наша сосна, кипа-

А. Ляцкий

Лист IV лит. Югославия.

рисъ корою какъ липа и хвоей какъ ель, кудрявея, мягкая, шишки похожи на сосновыя" Во Флоренціи онъ осматриваетъ шелкомотальню, наблюдаетъ, какъ приготовляются шелковыя матеріи: "въ томъ же городѣ, говоритъ онъ, видѣлъ, какъ шелкъ мотаютъ". Находимъ у него даже описанія памятниковъ искусствъ; при этомъ замѣчаемъ такое же художественное сочувствіе, какое видимъ и у Авраамія при изображеніи имъ мистеріи Благовѣщенія. У Симеона иногда проглядываетъ какъ будто пониманіе искусства. Интересно затѣмъ посѣщенія Феррары и Флоренціи: при описаніи ихъ Симеонъ приводитъ много такихъ подробностей, которыя характеризуютъ и самого Симеона и состояніе тогдашняго русскаго просвѣщенія. Мы видимъ, что для Симеона представлялось чрезвычайнымъ, необыкновеннымъ, то, что на Западѣ было самымъ обычнымъ явленіемъ. Симеонъ, конечно, былъ однимъ изъ передовыхъ русскихъ людей, иначе его не взялъ бы тотъ епископъ, который былъ отправленъ на соборъ. Онъ былъ при епископѣ въ родѣ секретаря; и если для такого человѣка предметы обычныя въ западной жизни казались чудесами, то, конечно, для заурядныхъ людей культура западная должна казаться совершенно необыкновенной, и изъ этого мы видимъ насколько сильно въ это время было разобщеніе между русской землей и Западомъ, то разобщеніе, которое раньше монгольскаго ига мы не можемъ предположить вполнѣ увѣренно: тогда существовало довольно тѣсное общеніе, предпринимались частыя путешествія на Западъ.

Теперь нужно сказать нѣсколько словъ о путешествіи на востокъ Аѳанасія Никитина. Оно было предпринято съ торговыми цѣлями; Аѳанасій Никитинъ намѣревался завести торговыя сношенія, но былъ ограбленъ бессерменскими купцами, и этой то неудачей объясняется отчасти то желчное настроеніе, которое иногда выражается въ сочиненіи Аѳанасія Никитина; этимъ объясняется его нерасположеніе къ мусульманамъ. У Аѳанасія Никитина есть такія черточки, которыя характеризуютъ степень его образованія. Онъ говоритъ, что старается быть безпристрастнымъ, что онъ добивался вѣрныхъ свѣдѣній. Онъ обратилъ вниманіе на обезьянъ, которыхъ называетъ маленькими мамонами (мамонъ, по всей вѣроятности, есть испорченное персидское "маймунъ"), и сообщаетъ объ этихъ мамонахъ, какъ они живутъ. Мамоны представляются ему особымъ народомъ, у которыхъ есть даже царь. Онъ говоритъ, что "мамоны ходятъ въ нощи, и маютъ куръ (т. е. похищаютъ куръ), живутъ въ горѣ, въ камени. Есть у нихъ князь, да ходитъ онъ со своей ратью, а кто обидитъ мамона, онъ жалуется своему князю; и тогда мамоны, пришедши въ городъ, дворы разоряютъ и людей бьютъ; а рати у нихъ много, и языкъ у нихъ свой. Дѣтей у нихъ много, а который ребенокъ ни въ отца ни въ матерь народится, того они бросаютъ по дорогамъ, и индостанцы берутъ ихъ и иныхъ учатъ всякому рукодѣлію". Но кромѣ такого сообщенія объ обезьянномъ царѣ, онъ сообщаетъ иногда также любопытныя подробности о жизни индусовъ. Онъ говоритъ, что въ Индіи есть 84 различныхъ вѣры. Можно думать, что подъ этими вѣрами Аѳанасій Никитинъ подразумѣваетъ разныя секты браминскія и буддійскія, и которыхъ тамъ, дѣйствительно, очень много. Аѳанасій посѣтилъ храмъ Будды; Будду онъ называетъ Бутомъ и говоритъ, что въ этомъ храмѣ, который называется "бухановъ", Бутъ вельми великъ, хвостъ поднятъ чрезъ шею, копье какъ у Юстиніана, а въ лѣвой рукѣ у него копье, а на немъ нѣтъ ничего (т. е. онъ изображенъ нагимъ). (Эта нагота представляется ему очень неприличной, и, отмѣчая, что индусы очень часто ходятъ нагими, онъ относится къ этому съ неодобреніемъ). Затѣмъ, стоитъ предъ нимъ (Бутомъ) волъ очень великій, а вырѣзанъ изъ камня, индусы цѣлуютъ его копыта и сыплютъ цвѣты. Затѣмъ Никитинъ сообщаетъ свѣдѣнія о томъ, какъ питаются индусы: "не ѣдятъ ни коего мяса, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, а свиней весьма много у нихъ. Ѣдятъ два раза въ день, ночью не ѣдятъ; пища у нихъ плоха. Такимъ образомъ, онъ сообщаетъ

интересныя подробности бытоваго свойства, сообщаетъ нѣкоторыя подробности фактическія. Но рядомъ съ этими подробностями фактическими, которыя онъ могъ наблюдать въ самой странѣ, онъ приводитъ такіе легендарные разсказы, какъ, напр., объ обезьяниомъ царѣ. Такое отсутствіе критическаго отношенія къ разнаго рода баснямъ, ему сообщеннымъ, очень характеризуетъ нашего путешественника, отличающагося вобще добросовѣстностью. Онъ, какъ и самъ повторяетъ нѣсколько разъ, стремиться изображать жизнь, какъ онъ ее знаетъ, безъ всякихъ прикрасъ, безъ искусственныхъ измышленій. Но онъ самъ никогда не можетъ отнестись критически; это отсутствіе критическаго отношенія есть даже одна изъ характерныхъ чертъ нашего образованія, хотя нельзя сказать, чтобы эта черта была свойственна исключительно русскимъ путешественникамъ. Если мы сравнимъ это путешествіе съ нѣкоторыми западными путешествіями на востокъ и Индостанъ, то мы увидимъ, что западные путешественники, не смотря на сравнительно высокую степень образованія, тоже передаютъ невѣроятныя сказки и легенды и дѣлаютъ это такъ же, какъ это передаетъ Аѳанасій. Такъ что въ этомъ отношеніи путешествіе Аѳанасія можетъ быть сближено съ западными путешествіями. Но у тѣхъ всетаки встрѣчаются попытки отнестись критически, тогда какъ у русскихъ замѣчается полное отсутствіе критики, и это отсутствіе составляетъ отличительную черту просвѣщенія того времени; и съ такимъ отсутствіемъ критики русская литература подходитъ къ XYI вѣку. Въ это время являются разныя новыя теченія, такія теченія, которыя вносятъ это самое критическое отношеніе въ русскую жизнь, и которыя вызываютъ нѣкоторую тревогу со стороны русскихъ людей. Являются партіи, возбуждаются споры, которые представляютъ не малый интересъ по тѣмъ идеямъ, какія высказаны съ той и другой стороны.

Въ прошлый разъ я сказалъ, что къ концу монгольскаго періода въ русской умственной жизни, начинаютъ сказываться новыя вѣянія. Эти новыя вѣянія выражаются прежде всего въ религіозныхъ движеніяхъ. Эти религіозныя движенія, въ которыхъ можно усматривать нѣчто новое, были двѣ ереси: сперва ересь стригольниковъ, явившаяся во Псковѣ въ XIУ в., а затѣмъ, къ концу XУ в. явилась въ Новгородѣ ересь жидовствующихъ. Между этими ересями, несомнѣнно, существуетъ внутренняя связь. Въ прежнія времена историки церкви отвергали такую связь и утверждали, что сущность ереси стригольниковъ намъ почти совсѣмъ неизвѣстна, что мы знаемъ опредѣленно лишь о томъ, что такое была эресь жидовствующихъ. Но позднѣйшія изслѣдованія доказали, что между этими двумя религіозными теченіями существуетъ несомнѣнная связь что и въ томъ и въ другомъ движеніи выразился такъ назыв. раціонализмъ религіозный, т.е. желаніе объяснить истины вѣры при помощи разума, желаніе отвергнуть въ религіозныхъ представленіяхъ все то, что кажется непонятнымъ, не согласнымъ съ разумомъ. Такое стремленіе къ раціонализму могло явиться, какъ доказано послѣдними изслѣдованіями, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ западнымъ. Еще въ 50-60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія профессоръ Моск. Универс. Тихонравовъ, о которомъ я уже говорилъ раньше, указывалъ, что въ ереси стригольниковъ можно видѣть отраженіе движенія такъ называемыхъ нѣмецкихъ братьевъ. Эта ересь нѣмецкихъ братьевъ явилась на Западѣ въ половинѣ XIУ стол. послѣ ужаснаго бѣдствія, постигшаго всю Европу - такъ назыв. черной смерти. Это была болѣзнь въ родѣ чумы, истребившая массу народа, сильно подѣйствовавшая на народное воображеніе и вызвавшая усиленное религіозное движеніе въ Европѣ. Въ это время (въ половинѣ XIУ в.), благодаря этому бѣдствію, въ Европѣ является цѣлый рядъ мелкихъ религіозныхъ обществъ, въ которыхъ бродитъ мысль или о кончинѣ міра, предстоящей очень скоро, или о томъ, что людямъ необходимо исправиться, или что нужно какое ниб. возрожденіе вѣры, или о томъ, что для исправленія людей потребны какія то внѣшнія средства; является усиленное стремленіе къ самобичеванію, образуется общество, называвшееся флагеллантами: они предавались такому именно самобичеванію. Ересь нѣмецкихъ братьевъ состояла въ томъ, что они отвергали церковную іерархію, говорили, что всякій человѣкъ можетъ совершать таинства и обряды и нѣтъ никакой необходимости въ людяхъ особенныхъ - священникахъ и діаконахъ для сообщенія благодати, что ученіе Христа можетъ распространяться всѣми, понимающими св. Писаніе. Затѣмъ, эти еретики нѣмецкіе отвергали причастіе и нѣкоторыя др. таинства, и въ этомъ отношеніи оказываются схожими съ нашими псковскими стригольниками. Въ прежнее время, благодаря тѣмъ извѣстіямъ, которыя намъ оставлены проповѣдниками XIУ-XУ вв., самое названіе объяснялось, какъ происходящее отъ ремесла перваго начальника русской ереси: нѣкто Карпъ былъ стригольникъ (цырульникъ), и отъ этого его послѣдователи назывались стригольниками ; но, какъ показано въ новѣйшее время проф. Успенскимъ, такое названіе нельзя объяснять такъ узко; вѣдь большею частью секта получаетъ названіе не отъ занятія отдѣльнаго лица, а по тому признаку, который объединяетъ всѣхъ людей въ одну секту: вѣроятно, при принятіи въ эту секту былъ обычай стриженія. Въ этомъ стриженіи или обрѣзаніи можно видѣть такую черту, которая связываетъ нашу ересь съ другой, шедшей изъ Византіи въ прежнія времена, съ такъ-наз. богомильской ересью; но можно также усмотрѣть связь между богомильской ересью и нѣкоторыми западными сектами. Итакъ, въ сектѣ стригольниковъ выразилось кое-что, заимствованное отчасти изъ Византіи и отчасти съ Запада.

Затѣмъ, если разсмотрѣть тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя имѣемъ объ ученіи этой секты, то увидимъ, что тамъ отрицается церковная іерархія; говорится, что всякій человѣкъ можетъ быть учителемъ можетъ распространять евангеліе и вообще ученіе, находящееся въ св. Писаніи, отвергается причащеніе, отвергается видимый храмъ, необхо-

димость молитвы, заранѣе составленной, говорится что молитва можетъ быть совершенно свободная. Эти всѣ черты сближаютъ ересь стригольниковъ съ нѣмецкими еретическими ученіями; но послѣдній пунктъ этой ереси, отмѣченный нами, сближаетъ ее съ ересью богомильскою. Дѣло въ томъ, что у богомиловъ одной изъ важныхъ сторонъ ученія было представленіе о двойственности всего мірозданія, т.е. что въ мірѣ существуетъ постоянная борьба между добромъ и зломъ, борьба двухъ началъ - добраго и злого; и зло, существующее въ мірѣ, почти такъ же сильно, какъ и управляющее міромъ добро. Этотъ такъ называемый дуализмъ выражается и въ ереси стригольниковъ. Стригольники тоже говорили, что злое начало (діаволъ,- какъ иначе называютъ) тоже очень сильно. Наконецъ, стригольники отрицали воскресеніе мертвыхъ.

Относительно того, какъ поступили со стриголвниками, наши свѣдѣнія не особенно точны и подробны. Мы знаемъ, что населеніе отнеслось къ нимъ враждебно, что ихъ преслѣдовали. Противъ нихъ возстало духовенство, но духовенство не требовало противъ нихъ какихъ либо суровыхъ мѣръ. Противъ стригольниковъ писалъ митрополитъ Фотій, который относился сравнительно мягко; онъ говорилъ, что стригольники еретики, что еретиковъ слѣдуетъ отлучать отъ церкви, но чтобы ихъ физически преслѣдовать, подвергать казнямъ, - объ этомъ у Фотія нѣтъ никакихъ упоминаній.

Не смотря на эту борьбу, которая существовала съ этой ересью, она, тѣмъ не менѣе, не исчезла; она осталась въ Псковѣ и очень рано перешла въ Новгородъ. Что она прежде всего явилась въ Псковѣ и Новгородѣ, это тоже фактъ очень важный, свидѣтельствующій въ пользу предположенія о происхожденіи ереси съ Запада: Псковъ и Новгородъ были крайними пунктами на Западѣ и такими городами чрезъ которые происходили постоянныя сношенія съ Западомъ; тутъ были нѣмецкіе купцы и, слѣдовательно, иностранцы могли заносить сюда то или другое ученіе, появлявшееся у нихъ на родинѣ. Затѣмъ, Новгородъ имѣлъ близкія связи съ Литвой и Польшей и относился къ нимъ дружественнѣе чѣмъ къ Москвѣ.

Всѣ эти обстоятельства должны были поддержать въ Новгородѣ постоянное броженіе, и послѣдующая ересь, являющаяся уже въ концѣ ХУ стол. (въ 60-70-хъ годахъ), конечно, не можетъ считаться какимъ ниб. совершенно новымъ явленіемъ. Она по своимъ внутреннимъ чертамъ, по тому что въ ней отрицается, имѣетъ сходство съ ересью стригольниковъ и потому мы можемъ вполнѣ основательно предположить, что эта ересь есть только дальнѣйшее развитіе прежней ереси.

Ересь жидовствующихъ развилась въ Новгородѣ такимъ образомъ. Въ 1460 году въ Новгородѣ пріѣхалъ литовскій князь Михаилъ Александровичъ; онъ былъ призванъ новгородцами для защиты противъ московскаго князя Іоанна III, который въ это время покушался уже на свободу новгородцевъ. Михаилъ привезъ въ Новгородъ нѣсколько евреевъ, и между ними находился еврей Схарія. Онъ былъ человѣкъ ученый для своего времени, и его ученость производила особенное впечатлѣніе въ это время на нашихъ русскихъ людей, потому что это былъ человѣкъ ученый въ извѣстномъ направленіи. Это былъ чернокнижникъ, человѣкъ, который, какъ называетъ его самый главный его врагъ преп. Іосифъ Волоцкій, былъ "діаволовъ сосудъ и наученъ всякому злодѣйскому изобрѣтенію: чародѣйству и чернокнижію, звѣздозаконію и астрологіи". Астрологія и всякія гаданія въ это время на западѣ были дѣломъ совершенно обычнымъ. Это былъ своего рода средневѣковый ученый, изучившій алхимію, астрологію, такой ученый, который для русскихъ несъ науку новую. Этотъ Схарія рядомъ сосвоимъ звѣздозаконіемъ и чернокнижіемъ сталъ проповѣдовать тотъ самый раціонализмъ который и раньше доносился до насъ. Онъ преспьстилъ попа Діонисія, попъ Діонисій совратилъ Алексѣя, и далѣе идетъ цѣлый рядъ людей, обвинявшихся въ жидовствѣ. Впослѣдствіи, когда Новгородъ присоединяется къ Москвѣ, ересь жидовствующихъ появляется и здѣсь. Великій князь Иванъ Васи-

львовичъ, увидѣвши поповъ Діонисія и Алексѣя, которые оставались тайными еретиками, и замѣтивъ, что это люди выдающіеся въ обществѣ, перевозитъ ихъ въ Москву. Въ Москвѣ ересь быстро распространяется и даже проникаетъ во дворецъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ послѣдователей Схаріи является царскій дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ. Затѣмъ, чрезъ него, по сказаніямъ того времени, еретичеству подпадаетъ невѣстка великаго князя княгиня Елена: она становится главною защитницею еретиковъ. Слѣдуетъ упомянуть также митрополита Зосиму -тоже еретика. Такимъ образомъ, еретическое движеніе приняло большіе размѣры и пользовалось авторитетной поддержкой. Каковы были эти люди, принимавшіе участіе въ еретическомъ движеніи, мы вполнѣ точныхъ свѣдѣніи не имѣемъ Мы должны основываться большею частью на показаніяхъ враговъ этого движенія, потому что отъ самихъ жидовствующихъ сочиненій почти никакихъ не осталось; мы должны основываться на показаніяхъ новгородскаго архіепископа Геннадія, Іосифа Волколомскаго и еще нѣсколькихъ людей, которые не были расположены къ ереси, но которые относились къ еретикамъ нѣсколько мягче, чѣмъ Геннадій и Іосифъ.

Мнѣ поневолѣ придется кратко изложить исторію этой ереси, поэтому, я могу рекомендовать нѣкоторыя пособія для лучшаго ознакомленія съ этимъ движеніемъ. Можно указать, прежде всего, на старую книгу бывшаго пррфессора, теперь попечителя Харьковскаго округа, г. Хрущова "о сочиненіяхъ Іосифа Санина". Это очень добросовѣстное изслѣдованіе о сочиненіяхъ этого противника еретиковъ, и въ немъ можно найти цѣлый рядъ совершенно новыхъ свѣдѣній и о сочиненіяхъ Іосифа и о томъ, какое значеніе имѣли всѣ эти движенія того времени. Нѣсколько лѣтъ спустя написано сочиненіе очень важное по выводамъ и имѣющее самое непосредственное отношеніе къ разбираемому вопросу; это книга проф. Казанскаго Унив. Архангельскаго: "Нилъ Сарскій и Василіанъ Патрикѣевъ". Въ этомъ сочиненіи указаны тѣ сравнительно мягкія отношенія, то направленіе болѣе мягкое, которое въ это время существовало въ русской литературѣ и охарактеризована и та сторона, которая требовала суровыхъ мѣръ по отношенію къ еретикамъ. Наконецъ, о сущности ереси имѣется довольно хорошая статья, принадлежащая Панову, "о ереси жидовствующихъ", написанная въ 80 годахъ и помѣщенная въ журналѣ министерства народ. просвѣщенія. Затѣмъ, нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой ереси можете найти въ общихъ трудахъ Шевырева, Миллера, Пыпина, Порфирьева; лучше всего изложено у Шевырева и Пыпина. Довольно хорошія свѣдѣнія сообщаются въ "исторіи русской церкви, митр. Макарія въ VI томѣ; но нужно сказать, что точка зрѣнія митр. Макарія приближается по его сочувствіямъ къ точкѣ зрѣнія партіи іосифлянской т.е. тѣхъ людей, которые раздѣляли взгляды Іосифа Волоколомскаго. Теперь обратимся къ самой ереси.

Изъ того, какъ представляютъ дѣло обличители ереси, можно думать, что эта ересь не представляла какого ниб. цѣльнаго ученія, что въ ней нѣтъ опредѣленной догматической системы; а что въ ней былъ рядъ отрицательныхъ взглядовъ, рядъ такихъ заключеній, которыя были раньше въ ереси стригольниковъ. Они отвергали ученіе о св. Тройцѣ, учили совершенно неправильно объ Іисусѣ Христѣ говорили, что Сынъ Божій еще не родился, а когда родится, то будетъ Сыномъ Божіимъ не по существу, не настоящимъ Сыномъ Божіимъ, а Сыномъ Божіимъ по благодати; затѣмъ, отвергали христіанскія таинства, нападали на церковь, отвергали почитаніе святыхъ иконъ, отвергали обряды, возставали противъ монашества; причемъ интересно, что, возставая противъ монашества, они говорили довольно много объ общемъ недостаткѣ многихъ тогдашнихъ русскихъ монастырей - о стремленіи къ стяжательности. Тогда, дѣйствительно, русскіе монашествующіе отличались этимъ грѣхомъ: они стремились пріобрѣтать имѣнія и имѣнія населенныя. Противъ этого возставали не только жидовствующіе, но и православные писатели, какъ, напр., преп. Нилъ Сорскій.

Кромѣ этого, обличители жидовствующихъ говорятъ о чародѣйствѣ

и чернокнижiи, которое развитъ у жидовствующихъ (Это чернокнижiе, конечно, идетъ отъ еврея Схарiи); говорятъ еще, что жидовствующiе учили какой-то странной наукѣ астрономiи (здѣсь, конечно, разумѣется не астрономiя, а чистѣйшая астрологiя, т.е. гаданiе по звѣздамъ). Затѣмъ жидовствующiе касались нѣкоторыхъ мелкихъ вопрососвъ.

Ересь появляется въ 70-хъ годахъ. Изъ Новгорода она переходитъ въ Москву. Одинъ изъ важныхъ пунктовъ, который долженъ былъ послужить въ пользу еретикамъ, это ожиданiе кончины мiра. Дѣло въ томъ, что кончина мiра ожидалась очень давно, и въ нашей литературѣ въ XII, XIII и XIУ вв. встрѣчается предсказанiе о скоромъ наступленiи кончины мiра. Въ ХУ в. такое ожиданiе было распространено очень сильно, такъ что и пасхалiя была составлена до 1492 г. (пасхалiя - росписанiе переходящихъ праздниковъ); послѣ 1492 года въ русской пасхалiи встрѣчалась такая замѣтка: "здѣ страхъ, здѣ скорбь"; въ это лѣто "чаемъ всемiрнаго пришествiя Христова". Такое предсказанiе, что въ 1492 г. долженъ кончиться мiръ, должно наступить второе пришествiе Христово, конечно, должно было очень волновать умы русскихъ людей. Въ это время какъ разъ является ересь. При такомъ возбужденiи людей новое ученiе, которое не такъ толкуетъ Христовы истины, понятно, еще больше усиливало это возбужденiе. 1492 годъ проходитъ, но кончины мiра не наступаетъ. Является разочарованiе; съ другой стороны, представители церкви стараются разъяснить мысль о концѣ мiра. И мы видимъ, что Геннадiй составляетъ пасхалiю еще на 20 лѣтъ, потомъ еще на 70 лѣтъ; другiе церковные писатели продолжаютъ этотъ трудъ Геннадiя. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ посланiяхъ разъясняется, что предсказанiе это не принадлежитъ какимъ ниб. непогрѣшимымъ авторитетомъ, что оно не взято изъ святого Писанiя, что на него не слѣдуетъ опираться, и что Церковь нисколько не виновна въ томъ, что предсказанiе не исполнилось, что неисполненiе предсказанiя не можетъ вести къ отрицанiю всѣхъ крестьянскихъ догматовъ. Между тѣмъ, еретики жидовствующiе указывая на то, что предсказанiе не исполнилось, на этомъ строили свои нападенiя на церковь. И вотъ начинается борьба; противъ ереси выступаютъ два рѣзкихъ обличителя. Это - Геннадiй Новгородскiй и Iосифъ волоколамскiй.

Говоря объ Iосифѣ, нужно вспомнить о томъ значенiи, которое вообще въ это время прiобрѣли въ русской жизни монастыри. Опять тотъ же проф. Хрущовъ указалъ, что монашество прiобрѣло чрезвычайно сильное влiянiе въ XIУ - ХУ вв., особенно на сѣверѣ Россiи; что монастыри, являясь центрами просвѣщенiя, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовали образованiю поэтическихъ образовъ; съ жизнью основателя монастыря связывался цѣлый рядъ легендъ и поучительныхъ сказанiй, такъ что основатели монастырей могутъ быть уподоблены эпическимъ богатырямъ. Вообще же жизнь основателей монастырей чрезвычайно интересовала русское общество, и она излагается въ нѣсколько шаблонномъ порядкѣ. О родителяхъ святаго говорится, въ сущности, очень мало; большею частью сообщается, что они оба приняли постриженiе. Уже съ дѣтства святой оказывается человѣкомъ религiозно-настроеннымъ; онъ чуждается игръ сверстниковъ, любитъ прислушиваться къ разсказамъ о святыхъ; церковная служба замѣняетъ ему всѣ удовольствiя, онъ аккуратно посѣщаетъ храмъ, обучается грамотѣ въ сосѣднемъ монастырѣ и начинаетъ зачитываться книгами. Этотъ прiемъ жизнеописанiя становится вполнѣ обычнымъ въ XУI - XУII вв, съ нимъ мы встрѣчаемся впослѣдствiи у раскольниковъ; главное и общее у всѣхъ то, что мальчикъ начинаетъ читать книги и размышляетъ о смерти. Это размышленiе о смерти приводитъ юношу къ тому, что онъ бѣжитъ изъ мiра и постригается въ монастырѣ, онъ поступаетъ въ ученики къ какому-ниб. подвижнику; отъ этого подвижника получаетъ дальнѣйшiя наставленiя и укрѣпляется въ вѣрѣ и добродѣтельной жизни; но потомъ видитъ, что въ этомъ монастырѣ жизнь идетъ не по идеалу, начинаетъ искать лучшаго, уходитъ изъ монастыря, основываетъ свою собственную пустынь и въ этой пус-

тыни заводить новый уставъ. Новый уставъ берется съ Аеонской горы; а иногда является собственнымъ изобрѣтеніемъ. То же самое передается, въ сущности, и въ біографіи Іосифа Волоколамскаго: онъ съ дѣтства отличался религіозный настроенностью; затѣмъ, постригся въ монастырѣ знаменитаго тогда подвижника Пафнутія Боровскаго, основываетъ свою Волоколамскую обитель и вводитъ чрезвычайно строгій уставъ. Благодаря своимъ подвигамъ, онъ очень скоро пріобрѣтаетъ извѣстность на сѣверѣ Россіи, становится авторитетнымъ лицомъ; къ его голосу начинаютъ прислушиваться и обращаются къ нему за совѣтомъ даже князья. Я уже упомянулъ объ одномъ посланіи, рисующемъ Іосифа съ весьма симпатичной стороны, - посланіи, въ которомъ онъ наставляетъ относиться мягко къ крестьянамъ. Такой человѣкъ, конечно, долженъ былъ принять участіе въ вопросахъ, возбужденныхъ новгородскимъ еретическимъ движеніемъ.

Затѣмъ, ближе всего было обратиться къ обличенію ереси высшему представителю церковной жизни въ Новгородѣ архіеп. Геннадію. Геннадій тоже былъ человѣкъ для своего времени выдающійся; онъ былъ очень начитанный, и его просвѣщенная дѣятельность отразилась, между прочимъ на томъ пріемѣ борьбы съ жидовствующими, который имъ указанъ. Этотъ пріемъ характеризуетъ человѣка просвѣщеннаго. Онъ указалъ, что для борьбы съ жидовствующими нужно прежде всего имѣть тѣ же самыя просвѣтительныя средства: прежде всего нужно составить пасхалію, а затѣмъ нужно запастись тѣми книгами св. Писанія, на которыя ссылались жидовствующіе; они ссылались на библію, на Ветхій Завѣтъ. Между тѣмъ, очень многія книги не были переведены, цѣлаго свода библіи не было; и вотъ Геннадій заботится о томъ, чтобы дать такой сводъ библейскихъ книгъ. Начинается переводъ библіи. Сотрудниками Геннадія въ этомъ дѣлѣ были доминиканскій монахъ Веніаминъ (по происхожденію славянинъ), переводчикъ посольскаго приказа Димитрій Герасимовъ. Часть книгъ переведена съ греческаго текста, а другая часть съ латинской библіи вульгаты. (эта библія нѣсколько отличается отъ нашей принятой въ православной Церкви.) Съ какого языка какія книги переведены я не буду говорить, потому что этотъ вопросъ снова возбуждается, являются новыя сомнѣнія относителвно языка и переводчиковъ и самаго оригинала. Но важно то, что, благодаря Геннадію, у насъ является полный текстъ библейскихъ книгъ.

Кромѣ библіи и пасхаліи, нужно было позаботиться о приготовленіи людей просвѣщенныхъ. Геннадій понялъ, что самымъ могущественнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ ересью будетъ просвѣщеніе; между тѣмъ просвѣщеніе духовенства у насъ, какъ узнаемъ изъ сообщенія Геннадія было чрезвычайно низкое. Вотъ какъ онъ отзывается о своей новгородской паствѣ: и приведутъ ко мнѣ мужика въ попы ставить, и я ему велю апостолъ дать а онъ и ступить не можетъ; я велю ему псалтирь дать, а онъ и по тому едва бредетъ. Я ему откажу отъ посвященія, а мнѣ говорятъ: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы былъ гораздъ грамотѣ." Затѣмъ, люди, которые брались учить грамотѣ, сами были безграмотные, и о такихъ учителяхъ Геннадій сообщаетъ такія данныя: "мужики-невѣжи учатъ робятъ грамотѣ и только рѣчь портятъ; за вечерню нужно мастеру принести кашу и гривну, а за утреню и часы и пр. могарычи; а отъ мастера отойдетъ и ничего не умѣетъ, только что бредетъ по книгѣ." Такимъ образомъ, учителя получали кашу и гривну денегъ и учениковъ не наставляли. Затѣмъ, Геннадій говоритъ, что нужно озаботиться о хорошихъ училищахъ: "Я бью челомъ государю, дабы велѣлъ учинить училища и твоимъ благословеніемъ то дѣло исправится; а ты бы, отецъ нашъ, государю и князьямъ великимъ печаловался, дабы велѣли училища учинить; а мой совѣтъ, чтобы учить азбукѣ и подтительнымъ словамъ (слова стоящія подъ титломъ) и псалтири, а кромѣ того изучать можно и канонархати и чести всякую книгу."

Отсюда мы видимъ, чему хочетъ учить Геннадій: разбирать азбуку и титло; значитъ, простая грамотность представляла для Геннадія пер-

вую насущную потребность; такая грамотность нужна была, для того чтобы приготовить священниковъ. Съ этой стороны Геннадій является однимъ изъ передовыхъ людей, однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ дѣятелей.

Но есть и другая сторона въ его дѣятельности. Въ борьбѣ съ ересью онъ не остановился на мирныхъ средствахъ; онъ обращается къ такимъ средствамъ, которыя рисуютъ его намъ съ нехорошей стороны. Геннадію принадлежитъ цѣлый рядъ такихъ посланій къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ въ которыхъ указаны крутыя мѣры къ искорененію ереси; между прочимъ, онъ пишетъ Зосимѣ, подозрѣвавшемуся въ той же ереси: "только ты, господине, отецъ нашъ, тѣхъ еретиковъ казнити повелишь и проклятію предашь: въ этомъ наше пастырство." Онъ говоритъ "нужно крѣпко обыскивать это на судейскомъ языкѣ то же самое почти, что подвергнуть пыткѣ и казни. Въ этомъ Геннадій видитъ обязанность духовнаго владыки и пастыря: еретиковъ предавать проклятію и казнить. При этомъ Геннадій объясняетъ, что казнить именно нужно не духовнымъ способомъ, а "по градскому закону". Градской законъ это уложеніе царя Константина, въ которомъ смертная казнь была самымъ обычнымъ наказаніемъ; значитъ, казнить по градскому закону значитъ предавать смертной казни.

Но самой интересной чертой въ посланіи Геннадія является ссылка на примѣръ испанскаго короля Фердинанда католика, который истребилъ ересь въ своемъ государствѣ. Увлеченный этимъ примѣромъ, Геннадій и самъ устроилъ въ Новгородѣ нѣчто такое, что происходило въ Испаніи, нѣчто въ родѣ испанскаго ауто-дафе; онъ приказалъ еретиковъ осужденныхъ посадить на лошадей лицомъ къ хвосту, надѣть на нихъ шлемы изъ бересты съ надписью: "се есть сатанино воинство"; и въ такомъ видѣ еретики были провезены по всему городу, и наконецъ шлемы были сожжены у нихъ на головахъ. Такая картина религіознаго фанатизма была въ то время новинкой для русскихъ; она была чужда русскому обществу, русскому народному сознанію, и очень естественно, что такія фанатическія мѣры должны были получить извѣстное объясненіе. И вотъ, какъ такое объясненіе, защита этихъ фанатическихъ мѣръ, является обширное сочиненіе Іосифа "Просвѣтитель".

Но, съ другой стороны, такія фанатическія мѣры должны были вызвать и очень энергичный протестъ, и такой протестъ мы находимъ у противниковъ Іосифа - учениковъ весьма автритетнаго нашего святаго Нила Сорскаго - заволжскихъ старцевъ. Просвѣтитель есть чрезвычайно обширное сочиненіе; оно представляетъ собою соединеніе нѣсколькихъ поученій Іосифа; въ немъ заключается, прежде всего, весьма обстоятельное опроверженіе различныхъ мнѣній жидовствующихъ еретиковъ, опроверженіе ихъ ученія о св. Троицѣ, объ Іисусѣ Христѣ, объ иконахъ, чудесахъ, монашествѣ; затѣмъ, обстоятельное доказательство того, что еретиковъ непремѣнно слѣдуетъ строго преслѣдовать, отыскивать и казнить. При этомъ Іосифъ, какъ я уже упомянулъ, ссылается преимущественно на примѣры изъ ветхаго завѣта.

Противъ этихъ доказательствъ Іосифа выступили заволжскія старцы; они обратились къ нему съ посланіемъ, которое представляетъ собою весьма замѣчательное явленіе, какъ образецъ литературной ироніи. Въ этомъ посланіи они доказываютъ прямо противоположныя мысли; они не распространяются объ ереси жидовствующихъ, но обращаютъ главное вниманіе на вопросъ о томъ, нужно ли преслѣдовать еретиковъ физическими мѣрами, или нужно одно только духовное воздѣйствіе.

Въ послѣдній разъ я говорилъ о ереси жидовствующихъ: о томъ, какъ она возникла и какъ выступили ея противники. Я указалъ, что главными противниками жидовствующихъ, такими людьми, которые требовали суровыхъ, энергичныхъ мѣръ для искорененія ереси, были новгородскій архіеп. Геннадій и препод. Іосифъ Волоцкій или Волоколамскій. Геннадій требовалъ суровыхъ мѣръ, требовалъ сожженія еретиковъ, смертной казни для нихъ, ссылаясь, между прочимъ, на примѣръ испанскаго короля Фердинанда, истребившаго всякихъ иновѣрцевъ въ своемъ государствѣ при помощи аутодафе (т. е. сожиганія ихъ). Такое же аутодафе Геннадій устроилъ и въ Новгородѣ: еретики были посажены на лошадей лицомъ къ хвосту, на нихъ надѣты были шлемы изъ бересты съ надписью: "се сатанино воинство", и въ такомъ народѣ они были провезены черезъ городъ, а шлемы преданы сожженію. Такая картина была для древней Руси новинкой, потому что отношеніе къ еретикамъ и людямъ другихъ исповѣданій отличалось мягкостью; религіозная нетерпимость еще не могла установиться.

Рядомъ съ Геннадіемъ дѣйствуетъ Іосифъ Волоцкій. Іосифъ Волоцкій систематически изложилъ свои обличенія противъ еретиковъ и также систематически изложилъ свои мнѣнія о способахъ, какъ нужно бороться съ еретиками. Іосифъ держится тѣхъ же суровыхъ взглядовъ, что и Геннадій Новгородскій. Онъ также настаиваетъ на томъ, что еретика нужно непремѣнно казнить. Его сочиненія составляютъ 16-ть обличительныхъ словъ. Эти слова собраны были въ книгѣ, которая и получила названіе "Просвѣтителя" и въ свое время пользовалась широкимъ распространеніемъ въ Россіи, имѣла довольно большое вліяніе на русское общество. Въ этихъ 16-ти словахъ Іосифъ Волоцкій сперва занимается обличеніемъ неправильныхъ мнѣній жидовствующихъ по разнымъ вопросамъ христіанскаго ученія. Сперва онъ говоритъ о томъ, что еретики заблуждаются относительно догмата о св. Троицѣ, о лицѣ Іисуса Христа, въ которомъ были соединены божество и человѣчество. Тутъ разсужденія Іосифа о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ довольно оригинальны, и вотъ онъ прибѣгаетъ къ слѣдующему сравненію: "если кто скажетъ, когда человѣчество соединилось съ Божествомъ, то какъ же Богъ-Слово не исполнилъ тѣлесной немощи "(т. е. какъ въ Богѣ человѣкѣ не было въ то же самое время недостатковъ человѣческихъ); то на это слѣдуетъ возразить такимъ образомъ: какъ огонь въ желѣзѣ бываетъ и сообщаетъ ему силу, такъ и Богъ вселился въ насъ не претерпѣвъ причастія. Огонь не причащается желѣзнымъ свойствомъ: черно желѣзо и студено". Такимъ образомъ, какъ желѣзо не сообщаетъ огню своихъ свойствъ, такъ точно и человѣчество, принятое Іисусомъ Христомъ, не уничтожило свойствъ божественныхъ: въ Немъ оставался тотъ же самый Богъ-Слово, какимъ Онъ былъ до принятія человѣческаго тѣла. Такой аналогіей Іосифъ опровергаетъ разныя заблужденія жидовствующихъ.

Онъ касается и вопросовъ обрядовыхъ. Изъ обрядовыхъ вопросовъ обращаетъ вниманіе Іосифа Волоцкаго вопросъ о монашествѣ. Еретики возставали вообще противъ монашества; говорили, что монашество излишне, указывали на нѣкоторые недостатки монаховъ. Въ это время былъ поднятъ-не еретиками, а уже православными - вопросъ, слѣдуетъ ли владѣть монахамъ населенными имѣньями, согласно ли съ достоинствомъ людей отрекшихся отъ міра, тѣхъ людей, которые отказались отъ всякаго имущества, не только владѣть имѣньями, но также и рабами. Этотъ вопросъ раздѣлялъ русское общество на двѣ весьма крупныя партіи и по этому вопросу высказывались не только еретики, но и люди вполнѣ православные, такіе, которые причислены Церковью къ числу святыхъ; такъ что съ вопросомъ этимъ Іосифу приходилось серьезно считаться; и понятно, почему Просвѣтитель, возражая противъ еретиковъ, особенно защищаетъ монашескія привиллегіи.

Эти обрядовые вопросы для насъ не столько интересны, какъ вопросъ, какъ нужно дѣйствовать противъ еретиковъ. Этотъ вопросъ Іосифъ разрѣшаетъ въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ разрѣшалъ его Генна-

надій; т. е. онъ говоритъ, что еретиковъ непремѣнно слѣдуетъ преслѣдовать самыми строгими мѣрами, что ихъ нужно отыскивать, и стараться искоренить ересь, куда бы она ни скрылась. Онъ отвергаетъ возможность всякаго искренняго покаянія со стороны еретиковъ и говоритъ, что нужно наказывать не только открытыхъ еретиковъ, но и тѣхъ, кто скрывается и даже кто покаялся; онъ говоритъ, что такой покаявшійся еретикъ очень часто бываетъ неискреннимъ и чтобы добиться отъ него настоящаго покаянія нужно посадить его въ темницу; въ темницѣ онъ, можетъ быть, и умретъ, но если онъ умретъ, то тогда покаяніе его будетъ имѣть еще большую мзду небесную, потому что тогда человѣкъ явится пострадавшимъ невинно. Такимъ образомъ Іосифъ впадаетъ въ цѣлый рядъ противорѣчій: онъ допускаетъ невинныя страданія, для того чтобы еретикамъ снискать этимъ самымъ царство небесное.

Въ доказательство своихъ мнѣній онъ приводитъ разные примѣры изъ ветхаго завѣта; ссылается на Моисея, который строго расправился съ нарушителями божественнаго закона, ссылается на пророка Илію; изъ новаго Завѣта онъ приводитъ примѣръ ап. Петра, который своимъ словомъ казнилъ Ананію; изъ церковной исторіи онъ ссылается на еп. Льва Катанскаго, который взявши еретика Иліодора чрезъ епитрахиль за руки, причинилъ ему такое ощущеніе, что тотъ испыталъ какъ бы "огненное жженіе"; послѣ этого огненнаго жженія Иліодоръ совсѣмъ сгорѣлъ. Эти факты Іосифъ приводитъ въ защиту своего мнѣнія о томъ, что еретиковъ нужно непремѣнно преслѣдовать и даже сожигать.

Весьма характерную черту въ сочиненіи Іосифа Волоцкаго съ внѣшней стороны составляетъ то, что онъ почти не дѣлаетъ никакого различія между разными источниками, на которые онъ ссылается. Для церковнаго писателя первымъ источникомъ, конечно, должно служить св. Писаніе; послѣ св. Писанія и книгъ, одобренныхъ авторитетомъ Церкви идутъ разныя сочиненія уважаемыхъ писателей-отцовъ Церкви; затѣмъ, сочиненія свѣтскихъ людей, законы гражданскіе и т. д. Всѣ эти произведенія для Іосифа оказываются божественнымъ писаніемъ, и подъ разрядъ божественнаго писанія подходитъ у него и такъ-называемый "градскій законъ". Градскій законъ это были византійскіе законы царя Константина, заимствованные русскими съ принятіемъ христіанства. На этотъ законъ Іосифъ ссылается точно такъ же, какъ на Св. Писаніе. Изъ этого факта мы видимъ, что критика писаннаго слова въ это время почти совершенно отсутствовала; то, что было написано, что сохранилось отъ старины, то и представляется совершенно не допускающимъ никакихъ возраженій; на такую старину ссылаются какъ на нѣчто возвышенное и священное. Старина, какова бы она не была, имѣетъ авторитетъ на ряду съ св. Писаніемъ. Въ этомъ случаѣ Іосифъ является человѣкомъ, раздѣляющимъ недостатки общіе той эпохѣ.

Оцѣнивая вообще сочиненія Іосифа, мы должны отмѣтить въ немъ духъ крайней религіозной нетерпимости. Затѣмъ, весьма характерно нѣчто противное христіанству - смѣшеніе "Кесарева съ Божіимъ". Обращаясь къ власти, Іосифъ говоритъ, что власть должна защищать Церковь отъ всякаго еретичества. Въ этомъ смѣшеніи Кесарева съ Божіимъ мы видимъ проявленіе того цезарева папизма, который былъ силенъ въ Византіи. Цезаревъ папизмъ такого рода явленіе: цезарь - императоръ является главнымъ защитникомъ и покровителемъ Церкви; онъ какъ-бы глава Церкви и обязанъ сохранять Церковное ученіе въ чистотѣ, обязанъ заботиться о томъ, чтобы его подданные сохраняли церковное ученіе такъ, какъ оно было передано раньше. Такое воззрѣніе на царя какъ на главу Церкви заимствовано изъ Византіи - изъ древняго языческаго міра. Въ Римѣ императоръ былъ чѣмъ-то въ родѣ бога, а послѣ смерти онъ прямо обоготворялся, его статуямъ покланялись; при жизни же онъ являлся верховнымъ авторитетомъ въ дѣлахъ религіозныхъ и потому цезаревъ папизмъ являлся въ Византіи чѣмъ-то древнимъ, заимствованнымъ изъ языческаго міра. Въ западной половинѣ христіан-

скаго міра этотъ цезаревъ папизмъ выразился въ нѣсколько иныхъ формахъ чѣмъ въ Византіи. Изъ Византіи онъ перешелъ къ намъ и особенно ярко отразился въ разобранномъ сочиненіи Іосифа.

Эти взгляды Іосифа Волоцкаго на отношеніе къ еретикамъ вызвали очень энергичный протестъ со стороны такъ наз. заволжскихъ старцевъ. Заволжскіе старцы это была такая группа монаховъ, которая сплотилась около великаго подвижника Нила Сорскаго. Нилъ Сорскій побывалъ на востокѣ, побывалъ на Аѳонѣ, присмотрѣлся къ быту монастырей восточныхъ и вынесъ новое представленіе о томъ, какъ слѣдуетъ устроить монашескую жизнь; онъ вынесъ новый уставъ (такъ называемый скитскій), не совсѣмъ согласный съ студійскимъ, введеннымъ у насъ преп. Ѳеодосіемъ Печерскимъ, и съ тѣмъ уставомъ, который господствовалъ въ обители Іосифа Волоцкаго. Объ этомъ уставѣ я сейчасъ скажу, а теперь обращусь къ полемикѣ, которая велась заволжскими старцами противъ Іосифа.

Ихъ посланіе не велико по объему, но отличается замѣчательной ироніей. Они отвѣчаютъ на всѣ вопросы Іосифа, касаясь преимущественно того, нужно ли преслѣдовать еретиковъ физическимъ способомъ или нѣтъ. Они указываютъ, что, правда, некающихся и не покоряющихся еретиковъ Церковъ обыкновенно отвергала, но еретиковъ кающихся она всегда прощала и принимала въ свое лоно съ распростертыми объятьями. "А что ты, господине, замѣчаютъ они, - писалъ, что Моисей скрижали разбилъ, то это такъ; но когда Богъ захотѣлъ истребить Израиля, покланявшагося тельцу, тогда Моисей сказалъ: если ихъ погубишь, то меня прежде погуби; и Богъ не погубилъ Израиля. Видишь, господине, какъ любовь Моисея къ согрѣшившимъ превозмогла гнѣвъ Божій. Точно также Илія закололъ 400 жрецовъ, потому что не покаялись, а покаявшихся Илія принялъ на покаяніе, и изъ нихъ вышелъ послѣ Авдій пророкъ. Вообще они отвѣчаютъ примѣрами изъ ветхаго завѣта; при этомъ они указываютъ, что ветхій завѣтъ въ настоящее время уже не можетъ имѣть такой силы, какъ въ прежнее время, что теперь для насъ гораздо болѣе обязателенъ новый завѣтъ, заповѣди Христа, и что если мы забудемъ тѣ наставленія, въ которыхъ говорится о неосужденіи своего брата, или говорится: любите другъ друга, любите ближняго и т. д."Вспомни, что и самъ Спаситель не осудилъ грѣшницу и отвелъ отъ нея убійственную руку. Если ты повелѣваешь, Іосифе, брату согрѣшившаго брата убить, то скоро и субботствованіе будетъ и исполненіе всего закона, котораго Богъ ненавидитъ". Такимъ образомъ, они бьютъ въ самый центръ его доказательства и указываютъ ему, что, приводя примѣры изъ вѣтхаго завѣта, онъ склоняется къ субботству, т.е. какъ-бы уклоняется отъ христіанства; и что такъ строго расправляться съ еретиками, которые думаютъ о предметахъ вѣры нѣсколько иначе, чѣмъ самъ Іосифъ,- расправляться съ ними суровыми мѣрами прямо противно духу христіанскому; въ такомъ отношеніи къ еретикамъ выражается то же самое субботство, т.е. выражается нѣкоторое жидовство, и что Іосифъ, пожалуй, впадаетъ въ гораздо большую ошибку, чѣмъ еретики жидовствующіе, противъ которыхъ онъ дѣйствуетъ. Обвиненіе Іосифа въ субботствѣ является, такимъ образомъ, однимъ изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ со стороны заволжскихъ старцевъ. Затѣмъ,они обращаются къ примѣрамъ, приводимымъ изъ Новаго Завѣта. Они говорятъ, что ап. Петръ убилъ волхва молитвой, и тутъ вотъ обнаруживается иронія: " и ты, господине Іосифе, сотвори молитву, чтобы земля пожрала недостойныхъ еретиковъ; но если Богъ приметъ еретика или грѣшника къ покаянію, то не услышана будетъ отъ Бога молитва твоя и мы помнимъ разбойника, спасеннаго исповѣданіемъ, мытаря, блудницу, помилованную и названную дочерью. Павелъ апостолъ волхва ослѣпилъ, а самъ апостолъ писалъ: пускай я буду проклятъ отъ Христа, лишь бы братія моя спаслась. Видишь, господине, онъ не сказалъ, чтобы огонь ихъ пожралъ или земля пожрала, ибо это отъ Бога - отвергнуть или принять". Точно также обращаются они къ примѣру епископа Дьва Котанскаго и еретика Иліодора и предлагаютъ: "а ты, господине, отчего не испытаешь своей святости, зачѣмъ не связалъ архіеп. Кассіана своей мантіей, по

ка-бы онъ сгорѣлъ,а ты бы въ пламени его держалъ,а мы бы тебя изъ пламени,какъ трехъ отроковъ нѣкогда,взяли-бы.-Кто-бы,господине,видѣлъ многое Божье милосердіе,если-бы не Самъ Господь показалъ людямъ его; вспомни,когда ап. Петръ вопросилъ Бога: Господи,если братъ мой согрѣшитъ противъ меня,то сколько разъ ему прощать,и Онъ повелѣлъ даже 77 разъ прощать".Затѣмъ приводится примѣръ другихъ апостоловъ,которые просили позволенія свести огонь съ неба на людей,согрѣшившихъ,и Христосъ отвѣтилъ имъ, что вы не знаете, какого вы духа. Так., обр.,приводятся противоположные примѣры изъ новаго завѣта, которыми доказывается совершенная непозволительность мѣръ суровыхъ противъ еретиковъ и согрѣшающихъ людей вообще.

Таково по существу своему посланіе заволжскихъ старцевъ; и этими двумя памятниками опредѣляется отношеніе русскаго общества къ людямъ, отпадающимъ отъ православной Церкви. Съ одной стороны, мы видимъ направленіе такъ наз. іосифлянское. Эти іосифляне держатся въ нашей русской жизни въ теченіе 16 и 17-го вв., и мы видимъ, что іосифлянскія преданія настолько сильны, что распространяются во всѣ слои русскаго общества. Но рядомъ съ іосифлянствомъ живетъ направленіе, исходящее отъ Нила Сорскаго, направленіе болѣе мягкое, которое говоритъ, что вѣра истекаетъ не изъ принужденія, а исключительно изъ вольнаго, свободнаго человѣческаго убѣжденія, что принуждать къ вѣрѣ нѣтъ никакой возможности. Затѣмъ, повторяется въ нѣсколькихъ мѣстахъ весьма замѣчательное изреченіе: "гонимый христіанинъ Христа въ себѣ носитъ, гонящій же работаетъ сатанѣ".

Такимъ образомъ, мы видимъ, что эти два направленія, начиная съ конца ХУ вѣка, постоянно борются въ жизни русской, въ сознаніи русскаго общества,въ теченіе ХУI и ХУII столѣтій. Въ одной изъ послѣдующихъ лекцій я укажу, какъ эти два направленія выразились въ дѣятельности раскольническихъ писателей и партіи противоположнаго направленія.

Теперь же должно остановиться нѣсколько на характеристикѣ вообще Нила Сорскаго и того монастырскаго устава,который имъ былъ введенъ. Этотъ уставъ,какъ я сказалъ,заимствованъ съ востока,и сущность его заключается въ отрицаніи церковной внѣшности.Конечно,не отрицается внѣшность въ видѣ поклоненія иконамъ,молитвъ и т.д.;но указывается, что внѣшнее поклоненіе Богу въ сущности,есть нѣчто второстепенное,что гораздо выше его стоитъ такъ называемое "умное дѣланіе",т.е. молитва духовнаго свойства,что можно много говорить словъ молитвенныхъ,но если при этомъ отсутствуетъ умъ,если человѣкъ при этомъ не погружается цѣликомъ,всею душою,въ молитвенное общеніе съ Богомъ,то такая молитва не имѣетъ никакого значенія. - Но когда достигается это молитвенное общеніе?При непремѣнномъ условіи нравственнаго совершенствованія;человѣкъ долженъ постоянно стремиться стать внутренно лучшимъ;и эта заповѣдь нравственнаго самосовершенствованія есть одна изъ самыхъ важныхъ сторонъ проповѣди НилаСорскаго; она-то и имѣла могущественное вліяніе на заволжскихъ старцевъ и она сказалась въ дѣятельности очень многихъ просвѣщенныхъ русскихъ людей ХУI вѣка.

Разсмотрѣвши эту полемику изъ-за ереси жидовствующихъ, сказавши нѣсколько словъ о дѣятельности Нила Сорскаго и Іосифа, мы подходимъ къ ХУI вѣку,- къ тому времени, когда начинаетъ усиливаться вліяніе на русскую землю запада.

Это вліяніе Запада, въ сущности, никогда не прекращалось. Если вы припомните нѣкоторые отдѣльные факты, которые я сообщалъ въ предыдущихъ лекціяхъ (напр. посланіе новгор. еп: Василія о земномъ раѣ, или эти различныя еретическія движенія, возникавшія въ Новгородѣ), то увидите, что вліяніе западное шло къ намъ чрезъ Новгородъ. Теперь открывается для западнаго вліянія нѣсколько иной путь - открывается путь чрезъ Москву.

Та объединительная работа, которая была предпринята московскими князьями еще въ XIУ столѣтіи (собираніе русской земли), къ этому вре-

мени завершается, и къ ХУI столѣтію Москва является очень сильнымъ государствомъ. Это государство начинаетъ обращать вниманіе всего міра. На западѣ Европы увидѣли, что явился какой-то новый сосѣдъ, такой сосѣдъ, который занимаетъ средину между Европой и варварскимъ востокомъ, который является охраной Европы отъ этого варварскаго востока и который можетъ быть въ то же время и опасенъ для нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ; поэтому, съ нимъ стараются вступить въ болѣе тѣсныя отношенія, присылаютъ пословъ, являются иноземцы въ Россію по собственному желанію съ цѣлью узнать, изучить эту страну; приходятъ и изъ другихъ земель. Эти посланники привозятъ иногда съ собою ученыхъ людей и духовныхъ, и такимъ путемъ Западъ знакомится съ Россіей, и этимъ путемъ воздѣйствуетъ на нее.

На востокѣ тоже замѣтили возвышеніе московскаго государства и тоже отнеслись весьма внимательно къ этому факту. Турецкій султанъ и др. государи увидѣли въ немъ опаснаго для себя врага. Но особенно былъ заинтересованъ въ возвышеніи московскаго государства восточный православный міръ. Онъ увидѣлъ въ московскомъ царѣ своего будущаго освободителя. И вотъ московскому царю пишутъ разные патріархи грамоты, въ которыхъ высказываютъ надежду, что, благодаря московскому царю, они будутъ освобождены отъ агарянскаго насилія, и что это насиліе такъ велико, что грозитъ уничтожить на востокѣ православную вѣру, что единственная надежда у нихъ осталась только на великаго московскаго государя, который одинъ сіяетъ во всей поднебесной.- Изъ этого вы видите, что московскій государь увидѣлъ предъ собой цѣлый рядъ весьма важныхъ задачъ внѣшней политики.

Но были и внутреннія задачи не менѣе важныя. Хотя государство окончательно сложилось, но это было государство невѣжественное. За время продолжительнаго монгольскаго ига Россія успѣла очень сильно отстать отъ своихъ западныхъ сосѣдей. На долгое время прекратились сношенія съ Византіей. Эти сношенія раньше имѣли весьма важное значеніе для русскихъ; теперь же эти сношенія прекратились; притокъ новыхъ идей изъ Византіи на долгое время былъ остановленъ, приходилось пробавляться старымъ запасомъ. Между тѣмъ, въ это самое время западные наши сосѣди быстро двигались впередъ. Тамъ уже схоластика отступила на задній планъ. Въ западной Европѣ въ это время мы замѣчаемъ важное движеніе, извѣстное подъ названіемъ возрожденія наукъ и искувствъ, возрожденія классической древности. Западный міръ познакомился съ богатствомъ классическихъ авторовъ римскихъ и греческихъ; возникаютъ новыя идеи, является стремленіе освободить мысль отъ крайняго порабощенія ея разнымъ предразсудкамъ и суевѣріямъ, господствовавшимъ въ средніе вѣка на Западѣ. Такимъ образомъ, совершается на Западѣ весьма замѣчательное явленіе, которое можно охарактеризовать какъ освобожденіе личности. Личность человѣческая сознаетъ себя какъ нѣчто цѣлое и каждый человѣкъ желаетъ руководиться уже своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ; является просторъ для развитія науки, для развитія литературы. Этотъ просторъ научно-литературнаго развитія создаетъ въ ХУ-ХУI вѣкахъ замѣчательную эпоху открытій и изобрѣтеній. Открытія и изобрѣтенія, которыми начинается новая исторія представляетъ нѣчто благодѣтельное для всего человѣчества: расширяется горизонтъ умственный, является возможность большаго богатства матеріальнаго. Такимъ образомъ, европейскій міръ къ ХУI в. достигъ весьма большихъ результатовъ въ умственной жизни.

Между тѣмъ, наша русская земля страдаетъ застоемъ. Мы стоимъ на томъ, на чемъ насъ застало монгольское иго; мы впередъ не подвинулись, и для большаго государства въ такомъ положеніи долго оставаться не было никакой возможности. Московскому государству, которое имѣло важныя задачи внутреннія и внѣшнія предстояла большая работа. Но при этомъ является сознаніе, что собственными силами справиться не можемъ, что намъ нужно призвать учителей съ Запада. Призываютъ иноземцовъ прежде всего для практическихъ потребностей: государству

нужны были инженеры и разные др. люди. Государство призываетъ этихъ людей на службу къ русскому государю. Но съ Запада идутъ далеко не лучшіе люди: тотъ, кто живетъ хорошо у себя на родинѣ, тотъ не пойдетъ въ чужую страну искать счастья; такой человѣкъ нуженъ у себя дома; идутъ же на службу разные авантюристы, или, какъ называетъ ихъ Соловьевъ, "западно-европейскіе казаки, такіе люди, которые готовы служить въ семи ордахъ семи королямъ, которые имѣли своимъ девизомъ: побольше денегъ". Такіе люди идутъ въ Москву. Московское государство само призываетъ иноземцевъ, и ХУІ-й вѣкъ можно охарактеризовать какъ вѣкъ усиленія иноземнаго вліянія, идущаго не только чрезъ Новгородъ, но и проникающаго чрезъ самый центръ государства - Москву и разливающагося изъ этого центра по другимъ частямъ государства.

Эти новыя движенія должны были вызвать со стороны московскаго общества противодѣйствіе. Противодѣйствіе обыкновенно обозначается терминомъ реакція. Эта реакція со стороны московскаго общества выражается въ ХУІ в. въ литературѣ въ формѣ цѣлаго ряда литературныхъ сводовъ. Здѣсь мы прежде всего видимъ сводъ правилъ домашней жизни. Московская Русь желала противопоставить тѣмъ обычаямъ и привычкамъ культурнымъ, которыя шли съ Запада, свои собственныя правила и указанія, выработанныя ею въ теченіи вѣковъ. И вотъ является Домострой попа Сильвестра, въ которомъ собраны правила о томъ, какъ нужно поступать въ отношеніи къ ближнимъ, къ родственникамъ, а главное, о чемъ здѣсь говорится, это домашнія правила, которыми человѣкъ долженъ руководствоваться постоянно въ частной жизни своей. Этотъ Домострой (подробно о немъ я скажу въ слѣдующій разъ) представляетъ довольно интересное явленіе, въ особенности, если мы сравнимъ его съ нѣкоторыми западными памятниками подобнаго рода. Затѣмъ, является другой сводъ чисто литературный. Это - великія Четьи-Минеи митр. Макарія. Четьи-Минеи это, собственно, мѣсячныя чтенія, расположенныя по житіямъ святыхъ, это собранія житій святыхъ по мѣсяцамъ; къ нимъ присоединены нѣкоторыя молитвы и поученія. Митр. Макарій задался цѣлью составить сборникъ, въ которомъ были бы не только житія, но чтобы при каждомъ житіи, по возможности, были помѣщены всѣ сочиненія, принадлежащія тому или другому святому. Такимъ образомъ Макарій составилъ колоссальный сборникъ, который лѣтъ 20 тому назадъ предприняла издать императорская археологическая коммисія. Для того чтобы вы могли судить о размѣрахъ этого сборника, я укажу, что сдѣлала теперь археологич. коммисія. Она издала Четьи-Минеи за два мѣсяца - Сентябрь и Октябрь, и тотъ матеріалъ, который заключается въ этихъ двухъ мѣсяцахъ, составилъ уже теперь 6 огромныхъ томовъ, при чемъ каждая страница написана въ два столбца и такихъ страницъ въ каждомъ изъ 6 томовъ около 600. Изъ этого вы видите, что за колоссальный трудъ эти Четьи-Минеи Макарія. - Кромѣ этого свода литературнаго, въ ХУІ в. нужно было выработать сводъ воззрѣній политическихъ. Какъ такой сводъ, съ одной стороны, новыхъ воззрѣній, съ другой стороны, воззрѣній, выработанныхъ старой жизнью, предъ нами является переписка царя Іоанна съ княземъ Курбскимъ. Курбскій является защитникомъ старыхъ взглядовъ на отношеніе между властью и населеніемъ; Грозный высказываетъ новые взгляды, которыми онъ старается защитить самодержавіе и единодержавіе Московскаго государства.

Я указалъ характерную особенность литературы ХУІ вѣка преимущественно московской стремленіе къ образованію сводовъ. Но въ это же время мы замѣчаемъ въ литературѣ и другое теченіе, идущее особнякомъ отъ московскаго, и развивающееся въ юго-западной Руси.

Юго-западная Русь со времени монгольскаго нашествія живетъ особенной отъ сѣверо-востока жизнью, и благодаря этому, тамъ складывается нѣсколько иная жизнь въ просвѣтительномъ, образовательномъ от-

ношеніи. Литература тоже получаетъ нѣсколько иной характеръ. Тамъ теперь начинается польское вліяніе. Польское вліяніе особенно усиливается къ концу ХУ и половинѣ ХУI вѣка, тогда въ Польшѣ, благодаря западнымъ вліяніямъ, начинаетъ усиливаться Римскій католицизмъ; католицизмъ, потерявшій во время реформаціи значительную часть своихъ послѣдователей въ западной Европѣ, рѣшается вознаградить себя за эти потери въ Россіи. Въ Польшѣ усиливается пропаганда іезуитовъ и разныхъ другихъ католическихъ монаховъ, такая пропаганда, которая имѣла цѣлью склонить въ католицизмъ русское населеніе польскихъ областей. Въ противовѣсъ пропагандѣ является цѣлый рядъ русскихъ писателей православнаго направленія, защищающихъ свою вѣру отъ іезуитовъ; благодаря этому, является литература религіознаго характера.

Но эта литература находится въ свою очередь подъ сильнымъ вліяніемъ польской и, слѣдовательно, западной образованности. Формы просвѣщенія, по необходимости, приходилось заимствовать съ запада, такъ какъ, собственнаго, оригинальнаго просвѣщенія не было. Чтобы защищать тѣ истины вѣры, которыя въ это время подвергались нападкамъ іезуитовъ и разныхъ другихъ проповѣдниковъ католицизма, пришлось обращаться къ тому же орудію, которымъ пользовались іезуиты, - т.е. заводить школы. Школы пришлось создавать тоже по образцу западныхъ, и, такимъ образомъ, рядомъ съ религіозными интересами возбуждаются нѣкоторые интересы свѣтскаго характера.

Русская литература юго-западная довольно долгое время остается и развивается отдѣльно отъ литературы московской; только въ половинѣ ХУII в. замѣчается вліяніе западно-русской образованности на московскую; происходитъ сліяніе этихъ двухъ отдѣльныхъ, такъ сказать, русскихъ культуръ.

Охарактеризовавши въ общихъ чертахъ эти два теченія, я обращусь къ литературѣ собственно московской. - Въ исторіи московской литературы ХУI вѣка занимаетъ весьма видную роль одинъ иноземецъ, имѣвшій очень сильное вліяніе на наше просвѣщеніе и очень быстро сроднившійся съ интересами той земли въ которую его занесла судьба. Это былъ Максимъ Грекъ. Онъ происходилъ изъ албанскаго города Арты, получилъ образованіе въ Италіи и очень долгое время жилъ въ наиболѣе замѣчательныхъ центрахъ тогдашняго просвѣщенія: Феррарѣ и Флоренціи.

Нужно припомнить, что это время было для Италіи весьма важнымъ переходнымъ временемъ въ смыслѣ просвѣщенія; это былъ конецъ эпохи возрожденія. Эпоха возрожденія классической древности является такимъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи европейскаго образованія, который подготовилъ дальнѣйшую эпоху реформаціи. Сущность этого новаго движенія зародившагося прежде всего въ Италіи, заключается въ стремленіи освободить человѣческую личность отъ цѣлой массы господствовавшихъ тогда авторитетовъ, такихъ авторитетовъ, господство которыхъ не подвергалось никакой критикѣ: стремились также избавиться отъ всякаго суевѣрія и предразсудковъ. Мысль человѣческая до эпохи возрожденія находилась въ порабощеніи преимущественно у богословія. Богословіе было такой наукой, которая безраздѣльно господствовала надъ европейской мыслью. Философія должна была прежде всего подчиниться богословскимъ правиламъ; точно также богословскимъ воззрѣніямъ должны были подчиниться и естественныя науки. То, что представлялось не совсѣмъ согласнымъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ монаховъ, то являлось ересью и преслѣдовалось самымъ жестокимъ образомъ; развилась инквизиція. Инквизиція нерѣдко вела ученыхъ людей на костеръ. Наука была стѣснена. Въ эпоху возрожденія является стремленіе освободить мысль человѣческую отъ такихъ чисто внѣшнихъ стѣсненій. Мысль объявляется свободной, и изслѣдованію человѣка подлежатъ всѣ предметы, его окружающіе, при чемъ, въ отличіе отъ средневѣковаго направленія мысли, главнымъ предметомъ изслѣдованія становится самъ человѣкъ. Средневѣковая наука, занимавшаяся преимущественно богословіемъ считала все земное грѣховнымъ, и потому изученіе человѣка - чѣмъ то неважнымъ. Теперь человѣкъ становит

ся въ центрѣ всего, на него обращается преимущественное вниманіе, и развиваются такъ-наз. гуманныя науки; отъ этого и движеніе умственное эпохи возрожденія получаетъ названіе гуманизма. Однимъ изъ средствъ поднятія европейской мысли считалось изученіе древняго классическаго міра. Это изученіе классическаго міра было прежде всего средствомъ; но очень скоро на него перестали смотрѣть какъ на простое средство, въ немъ увидѣли главную цѣль. И вотъ стали говорить, что тотъ человѣкъ, который знакомъ съ классическимъ міромъ, тотъ только можетъ считаться истинно образованнымъ: развивается стремленіе не къ тому только, чтобы познакомиться съ классическимъ міромъ, но чтобы совершенно его возстановить. Такое измѣненіе взгляда на классическій міръ замѣчается въ Италіи въ концѣ XУ и въ началѣ XУI вв. Максимъ Грекъ, который учился въ это время въ Италіи, въ своихъ сочиненіяхъ оставилъ намъ цѣлый рядъ такихъ указаніи, которыя намъ свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ видѣлъ эту сторону тогдашняго просвѣщенія европейскаго. Онъ упоминаетъ объ одномъ ученомъ человѣкѣ, который, умирая, совершенно забылъ о всякихъ христіанскихъ обязанностяхъ, необходимыхъ предъ смертью, и говорилъ, что онъ уходитъ въ Елисейскія поля (т. е. являлось чисто языческое представленіе того, что ожидалось за гробомъ), что онъ встрѣтится тамъ съ великими людьми- Платономъ, Аристотелемъ и друг. Затѣмъ Максимъ Грекъ говоритъ, что были такіе люди, которые совершенно отвергали христіанство, которые готовы были покланяться языческимъ римскимъ и греческимъ богамъ. Затѣмъ, рядомъ съ этимъ возвратомъ къ язычеству, Максимъ Грекъ замѣчаетъ въ итальянскомъ обществѣ, и вообще европейскомъ, развитіе разныхъ новыхъ суевѣрій. Желая устранить старыя суевѣрія, многіе ученые того времени впадали въ новыя. Такъ въ Италіи развилась астрологія, явился цѣлый рядъ календарей, такъ назыв звѣзочетскихъ книгъ, знаніе которыхъ будтобы необходимо для человѣка. Предполагалось, что человѣкъ заранѣе можетъ указать свою судьбу: явилось много занимавшихся астрологіей, хотя астрологія представляла собою такое же грубое суевѣріе, какое [illegible] въ различныхъ видахъ и до эпохи возражденія; но они этого не замѣчали, и одно увлеченіе смѣнялось другимъ.

Максимъ Грекъ представляется намъ вполнѣ образованнымъ въ этомъ европейскомъ смыслѣ. Но замѣчательно, что у него есть очень тонкое критическое отношеніе къ тому, что онъ видѣлъ въ Италіи и друг. странахъ. Несомнѣнное вліяніе имѣло на него знакомство съ выдающимися людьми того времени. Такъ, мы знаемъ, что онъ былъ близокъ съ знаменитымъ Савонароллою (x) Савонаролла относился не одобрительно къ крайнему увлеченію гуманистовъ. Но Савонаролла впадалъ въ противоположную крайность, и своими наставленіями онъ нѣсколько умѣрилъ восторженное отношеніе Максима Грека къ тому, что тотъ видѣлъ въ Италіи. Затѣмъ, мы знаемъ, что Михаилъ Грекъ былъ въ Греціи, побывалъ на Аѳонѣ и въ другихъ монастыряхъ; тамъ онъ изучилъ православное церковное ученіе и этимъ былъ огражденъ отъ слишкомъ сильнаго вліянія на него католицизма.

Такимъ образомъ, мы видимъ что въ Москву является человѣкъ, сильно отличающійся отъ тѣхъ людей, которыхъ москвичи видѣли у себя на родинѣ. Это былъ не простой начетчикъ, какими были всѣ передовые люди того времени; это былъ человѣкъ широко образованный съ направленіемъ критическимъ. Онъ умѣлъ отнестись критически даже къ тому, что онъ видѣлъ въ западной Европѣ: слѣдовательно, придя въ Россію, онъ сразу долженъ былъ оцѣнить то, что онъ встрѣтилъ въ своей новой родинѣ. Затѣмъ, это былъ человѣкъ съ извѣстными, уже сложившимися убѣжденіями.

(x) Есть очень недурная книжка объ Савонаролѣ Г. Михайловскаго; не извѣстнаго писателя Михайловскаго, а одного московскаго преподавателя.

Это былъ, несомнѣнно, сторонникъ просвѣщенія. Этотъ человѣкъ, по происхожденію грекъ, очень сочувствовалъ своимъ сородичамъ, находившимся въ это время подъ турецкимъ владычествомъ. Онъ мечтаетъ объ ихъ освобожденіи. Какъ я говорилъ вамъ въ прошлый разъ, надежда на освобожденіе всѣми восточными христіанами возлагалась на московское государство; поэтому и Максимъ Грекъ оттуда же долженъ былъ ожидать помощи для сородичей. Но придя въ московское государство, онъ встрѣчается съ крайнимъ невѣжествомъ, и для него становится яснымъ, что для осуществленія тѣхъ великихъ задачъ, которыя предстоятъ этому государству ему нужно прежде всего развитіе просвѣщенія. И вотъ Максимъ Грекъ въ XVI в. выступаетъ предъ нами какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ борцовъ за русское просвѣщеніе. Онъ былъ призванъ собственно для разбора великокняжеской библіотеки, но какъ только онъ пріѣхалъ, сейчасъ увидѣли, что это человѣкъ ученый, и что ему можно поручить и другія дѣла помимо в.-княжеской библіотеки, что онъ можетъ коечему поучить москвичей. Ему поручили переводъ богословскихъ книгъ и книгъ Св. Писанія Порученіе было трудное: Максимъ не зналъ того языка, на который ему предстояло переводить. Въ помощь ему были призваны два переводчика, и процессъ перевода былъ такой: Максимъ переводилъ съ греческаго языка на латинскій, а переводчики, знакомые съ латинскимъ языкомъ, переводили на русскій. Понятно, что Максимъ не могъ контролировать своихъ помощниковъ, и естественно, что при такомъ двойномъ переводѣ могли вкрасться разныя ошибки. Московскіе люди, видя, что Максимъ Грекъ исправляетъ то, что, по ихъ мнѣнію было совершенно непреложно, обвинили его въ ереси; они говорили, что Максимъ, исправляя текстъ, причиняетъ "огромную досаду русскимъ святымъ и чудотворцамъ, которые спаслись по старымъ книгамъ". Въ это время мы встрѣчаемся, значитъ, въ первый разъ съ тѣмъ возраженіемъ, которое впослѣдствіи было выставлено раскольниками противъ исправленія книгъ. Максимъ Грекъ защищался, оправдывался отъ обвиненія въ ереси; онъ писалъ, что противъ него возстали такіе люди, которые писаніе проходятъ только "по чернилу", но самого смысла его не понимаютъ. Но эта защита оказалась не совсѣмъ удачною; Максима всетаки обвинили, тѣмъ болѣе, что къ этому присоединилось одно дѣло политическаго характера - вопросъ о разводѣ в.князя Василія Ивановича съ его женой. Дѣло въ томъ, что у Василія Ивановича дѣтей не было, и вотъ, чтобы обезпечить престолонаслѣдіе, придумали такой исходъ, что Василій разведется съ женой и женится на другой, и такимъ образомъ будущность династіи будетъ спасена. Противъ этого возсиали многія духовныя лица и въ томъ числѣ Максимъ, находившій, что разводъ по такому поводу совершенно незаконенъ Это былъ новый поводъ къ недовольству Максимомъ; и когда противъ него выставили обвиненія въ ереси, то онъ уже не могъ избѣжать заточенія и былъ сосланъ въ одинъ изъ дальнихъ монастырей. Въ заточеніи онъ находился до половины царствованія Іоанна Грознаго и въ 1573 г. переведенъ въ Троицко-Сергіеву лавру, гдѣ и умеръ чрезъ 3 года.

Обращаясь къ сочиненіямъ его, чрезвычайно многочисленнымъ, мы поражаемся разнообразіемъ тѣхъ предметовъ о которыхъ онъ писалъ. Тутъ мы встрѣчаемся съ обличеніемъ разныхъ языческихъ заблужденій; онъ пишетъ обширное посланіе "противъ эллинской ереси." (такъ называли тогда язычество); здѣсь онъ говоритъ о богахъ и древнихъ философахъ и доказываетъ, что ихъ ученіе гораздо ниже ученія христіанскаго; затѣмъ онъ указываетъ на безнравственную жизнь древнихъ грековъ и римлянъ и т. д. Какъ видимъ, это сочиненіе, не совсѣмъ объясняемое требованіями той эпохи и среды, въ которой жилъ Максимъ; объясняется тѣмъ, что Максимъ Грекъ писалъ по воспоминаніямъ Италіи: тамъ онъ видѣлъ увлеченіе греко-римскимъ міромъ, и ему показалось нужнымъ говорить о томъ томъ же въ Москвѣ, гдѣ, конечно, никакого увлеченія ни грецесскимъ ни римскимъ міромъ не было.

Гораздо умѣстнѣе были его сочиненія, направленныя противъ іудейства. Противъ іудейства онъ писалъ потому, что, не смотря на жестскую

расправу съ жидовствующими, въ Москвѣ были остатаки этой ереси; и вотъ Максимъ выступаетъ съ обличеніями. Затѣмъ, онъ пишетъ противъ магометанъ, посланія противъ католиковъ. Противъ католиковъ онъ пишетъ потому, что въ Москвѣ жилъ какой-то Николай Нѣмчинъ, усиленно распространявшій католическое ученіе. Этотъ же Николай Нѣмчинъ распространялъ разныя астрологическія ученія: онъ привезъ книги звѣздочетскія и училъ москвичей, что астрологія есть великая наука и что она поможетъ узнать будущее. Противъ такихъ заблужденій очень много писалъ Максимъ Грекъ. - Эти сочиненія могутъ быть названы сочиненіями догматическими.

Гораздо важнѣе тѣ сочиненія его, въ которыхъ онъ касается разныхъ недостатковъ современнаго ему русскаго общества. Всѣ эти сочиненія мы можемъ соединить въ особую группу и назвать ихъ нравоучительными, поучительными. Онъ указываетъ на господство въ русскомъ обществѣ внѣшней обрядности. Русскіе люди строятъ храмы, почитаютъ иконы, соблюдаютъ посты; но въ то же время въ нихъ нѣтъ настоящей христіанской нравственности. Они въ своей общественной жизни проявляютъ чисто нехристіанскія наклонности. Противъ такихъ то недостатковъ Максимъ вооружается. Онъ написалъ обширное сочиненіе, въ которомъ онъ изображаетъ Россію въ видѣ вдовы, сидящей на распутіи. Вокругъ этой женщины, одѣтой въ траурное платье, стоятъ всевозможные звѣри - львы, тигры, волки и хотятъ ее растерзать; она плачетъ, и на вопросъ путника, подошедшаго къ ней (т.е. Максима Грека) отвѣчаетъ, что всѣ эти звѣри - разные лихоимцы, судьи неправедные, которые хотятъ ее захватить себѣ въ руки, что имя ей Василія (Василія по гречески значитъ царство). Слѣдовательно, русское царство находится въ ужасно - бѣдственномъ состояніи, и это бѣдственное состояніе происходитъ отъ того, что въ государствѣ нѣтъ надлежащаго порядка; нѣтъ порядка потому что никто не исполняетъ, какъ слѣдуетъ, своихъ обязанностей. Чиновники отличаются стяжательностью, судьи судятъ на мздѣ (т.е. берутъ взятки), каждый думаетъ о своей пользѣ, никто не думаетъ о благѣ общемъ. Тутъ Максимъ чрезвычайно ярко рисуетъ картину того безпорядка, который у насъ господствовалъ послѣ смерти Василія Ивановича - въ дѣтскіе и юношескіе годы Іоанна Грознаго, во время боярскаго правленія. Эта эпоха была, дѣйствительно, одной изъ самыхъ мрачныхъ эпохъ русской исторіи. Бояре дѣйствительно, допускали крайнее своеволіе, каждый заботился исключительно о своихъ личныхъ интересахъ; никто не думалъ объ интересахъ общественныхъ; поэтому, обличеніе Максима является совсѣмъ не такого рода обличеніемъ, какія мы встрѣчали раньше у разныхъ проповѣдниковъ: тутъ онъ касается, дѣйствительно, бѣдствія общественнаго. Онъ не подчиняется въ своей проповѣди какому-ниб. шаблону; прежде очень часто случалось, что проповѣдникъ пользуется уже готовымъ матеріаломъ и обличаетъ паству въ такихъ недостаткахъ, которыхъ у паствы, можетъ быть, не было; такъ что обличеніе не было вызвано никакими мотивами, никакими причинами. Здѣсь же мы видимъ человѣка, живущаго въ центрѣ общества и желающаго это общество поучить.

Къ тому же разряду поучительныхъ сочиненій Максима можно отнести сочиненіе его, написанное по поводу смерти тверскаго епископа Акакія. Акакій говорилъ, что онъ заботился о благоговѣйной службѣ, о торжественномъ богослуженіи, объ украшеніи храмовъ, о многошумныхъ колоколахъ; но, говоритъ Максимъ, все это можетъ быть Богу пріятно только тогда, когда оно соединяется съ хорошей нравственной жизнью, и что нравственная жизнь должна быть исполненіемъ заповѣдей Божіихъ, данныхъ на спасеніе людей; "вы же, говоритъ онъ какъ бы отъ лица Бога книгу Моихъ словъ снаружи и внутри обильно украшаете золотомъ, а написанное въ ней не только не принимаете, но противостоите"

Обличая недостатки общественные, онъ во многихъ сочиненіяхъ обличаетъ невѣжество русскихъ людей. Эти сочиненія написаны имъ въ отвѣтъ на разныя обвиненія его въ еретичествѣ; въ нихъ онъ касается и невѣжества русскихъ. Я указалъ уже меткое его выраженіе, что они, вѣруютъ

чернилам". Против такого буквализма, развивавшагося тогда, особенно энергично должен был вооружиться Максим, как человѣк просвѣщенный в европейском смыслѣ.
Максим Грек имѣл не только врагов в Москвѣ;у него было нѣсколько замѣчательных учеников. Из учеников его особенно выдается один свѣтскій человѣк князь Андрей Курбскій, впослѣдствіи извѣстный как политическій дѣятель и извѣстный по своей переепискѣ с царем Іоанном Грозным, в которой отразились воззрѣнія двух политических партій. Кромѣ того, Курбскому принадлежит и исторія; но об этом я скажу далѣе; теперь же остановлюсь вообще на эпохѣ Іоанна Грознаго и на одном писателѣ, который особенно характеризует то стремленіе к сводам, о котором я говорил в прошлый раз.

Относительно эпохи Іоанна Г. и личности этого царя существует много самых разнорѣчивых взглядов. Одни историки представляют его диким сумасбродном и видят в нем тип психическаго выржденія. Характеристику Іоанна, как типа психическаго вырожденія, вы можете найти в очень талантливо написанной книжкѣ проф. Харьковск. Универ, Ковалевскаго. Как психіатр, он видит в нем чуть не совсѣм сумашедшаго человѣка. Это, конечно, взгляд крайній, хотя, может быть, и правильный с медицинской точки зрѣнія. Есть и другой взгляд, по которому прежде чѣм дѣлать заключенія о личности его, как о характерѣ чисто отрицательном, необходимо провѣрить тѣ извѣстія, которыя дошли до нас, о его личности, необходимо провѣрить и источники в которых высказаны такіе отрицательные взгляды на его личность. К числу таких историков нужно отнести Сергѣя Михайловича Соловьева (УІІ том, в котором излагается исторія Іоанна Г.); сюда же может быть отнесена статья Бѣлова, напечатанная в Журн. Мин. Нар. Просв. (в 1892 году). В этой статьѣ Бѣлов разсмотрѣл нѣкоторые документы, которые являлись особенно ярким свидѣтелвством для представленія Іоанна в отрицательном свѣтѣ; и вот он доказал, что не всему тому, что разсказывается об Іоаннѣ Грозном, можно вѣрить. Во 1-х, он разобрал с исторической точки зрѣнія свѣдѣнія, сообщаемыя кн. Курбским и указал, что кн. Курбским допущен цѣлый ряд противорѣчій и что Курбскій иногда неправильно показывает, что его показанія противрѣчат фактам, извѣстным из вполнѣ достовѣрных источников. Затѣм гораздо важнѣе то, что Бѣлов говорит о так-назыв. синодикѣ Іоанна. Дѣло в том, что до статьи Бѣлова пользовался большою извѣстностью один памятник, извѣстный под именем синодика Іоанна Г. Обыкновенно полагали прежде, что Іоанн Г. записывал всѣх казненных им на поминовеніе (х). Синодик этот при чтеніи производит удручающее впечатлѣніе. Напр., Іоанн пишет: "помяни Господи, раб твоих"... .... и слѣдует цѣлый ряд имен казненных или убіенных. Есть такія замѣтки :"помяни, Господи, души раб твоих 1905 человѣк" тут даже имен не указано; есть цифра 300, 400 человѣк. Так что такое чтеніе производит впечатлѣніе, что его писал психически ненормальный человѣк, страдающій необыкновенной маніей, или писал деспот в минуты религіознаго отчаянія. Но Бѣлов, разбирая этот памятник, обратил вниманіе на то, гдѣ нашли этот памятник. Памятник был найден всего в одном экземплярѣ в монастырѣ враждебном Іоанну Г. Было бы странно, если бы Іоанн человѣк хитрый (во всяком случаѣ, если мы не будем считать его умным) отдал такой синодик в монастырь ему враждебный, а не иной какой либо. Это обстоятельство наводит на ту мысль, что монахи того монастыря, или тѣ люди которые ссылались туда, как разные опальные бояре, могли поддѣлать синодик и приписать его Іоанну. Кромѣ этого сообра-

---

(x)

Этот синодик был помѣщен в собраніи сочиненій Курбскаго историком Устряловым.

женія , Бѣловъ приводитъ нѣкоторые другіе болѣе частные доводы, которыми можно придти къ заключенію, что это памятникъ поддѣльный.Такимъ образомъ, одно изъ самыхъ прямыхъ доказательствъ звѣрства и дикости Іоанна Г. разрушается.

Затѣмъ, историками указано, что разсказы объ Іоанновой жестокости преувеличены. Вѣкъ былъ жестокій и самъ онъ былъ жестокій человѣкъ (ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, что это былъ агнецъ или мягкій человѣкъ), но въ разсказахъ объ его жестокости есть преувеличенія;и никогда не слѣдуетъ забывать,что очень многіе разсказы о жестокостяхъ Іоанна явились со стороны враждебныхъ къ нему лицъ,и конечно, враги всегда стараются уничтожить всякія смягчающія обстоятельства; а между тѣмъ такія смягчающія обстоятельства иногда открываются. Такъ, по указанію Курбскаго оказывается, что были разъ осуждены невинные люди, а изъ разныхъ документовъ выходитъ, что эти люди обвинены въ измѣнѣ и сами сознались въ ней. Такъ, что мы должны напередъ заняться провѣркой, прежде чѣмъ установить опредѣленный взглядъ на личность Іоанна.

Обращаясь отъ личности къ эпохѣ,мы видимъ, что время было особенно важное, и въ это время дѣйствуетъ много замѣчательныхъ людей. Къ числу такихъ людей, имѣвшихъ не малое значеніе, принадлежитъ попъ Сильвестръ при Благовѣщенскомъ соборѣ, имѣвшій, по представленію нѣкоторыхъ историковъ сильное вліяніе на Іоанна. Это вліяніе нѣкоторыми историками подвергается сомнѣію; такъ, нѣсколько критически къ этому относится Соловьевъ. Къ голосу Соловьева никакъ нельзя относиться пренебрежительно; и Соловьевъ указываетъ, что Сильвестръ совсѣмъ не былъ такой образованный и умный человѣкъ, который могъ бы имѣть сильное вліяніе на Іоанна Грознаго, такъ чтобы, какъ думаютъ другіе, вся первая половина царствованія Грознаго объяснялась вліяніемъ Сильвестра.

Главное сочиненіе, приписываемое Сильвестру, это Домострой.Это сочиненіе, какъ я сказалъ, приписывается Сильвестру. Дѣло въ томъ, что новѣйшими изслѣдованіями проф. Некрасова установлено, что Домострой не есть цѣлое произведеніе Сильвестра, что это произведеніе слогалось весьма долгое время. Проф. Некрасовъ сравнилъ Домострой съ подобными произведеніями европейскими: византійскими, затѣмъ разными наставленіями относительно домашней жизни, которыя мы находимъ у нѣмцевъ, итальянцевъ, французовъ и друг. западныхъ народовъ, и нашелъ близкое сходство; особенно же схожимъ оказывается нашъ Домострой съ тѣми наставленіями, которыя заключаются въ книгѣ парижскаго буржуа, написанной имъ для своего сына, и появившейся въ XYI столѣтіи. По всей вѣроятности, Домострой сложился въ Новгородѣ; въ немъ изображается бытъ богатаго новгородскаго жителя. Сильвестръ же переписалъ первыя 63 главы и присоединилъ послѣднюю 64 заключительную главу. Эта заключительная глава иногда называется малымъ Домостроемъ.

Общій характеръ наставленій - стремленіе къ угодливости. Въ Домостроѣ рекомендуется жить со всѣми въ мірѣ Эта угодливость, стремленіе всѣмъ унаровить, доходитъ до того, что авторъ считаетъ возможнымъ покривить душой, уклониться отъ правды. Напр., дается такое наставленіе: "если у твоихъ людей случится съ кѣмъ ниб. брань, то ты брани своихъ; а если дѣло очень плохо, то ты ударь своего раба,хотя бы даже онъ былъ правъ.Такимъ обр., при такихъ твоихъ дѣйствіяхъ вражды не будетъ и ты будешь въ ладу со всѣми сосѣдями, и никакого не будетъ тебѣ убытка." Затѣмъ, встрѣчаемся со многими такими наставленіями, гдѣ имѣется въ виду главнымъ образомъ избѣжаніе убытка,или желаніе угодить всѣмъ людямъ; но такъ какъ, конечно, всѣмъ людямъ угодить чрезвычайно трудно, особенно, если не желаешь кривить душой то результатомъ получается, что остается всетаки очень много недовольныхъ. То же самое, между прочимъ, случилось съ самимъ Сильвестромъ: Сильвестру не удалось всѣмъ унаровить, и потому судьба его была довольно печальна.

Обращаясь къ содержанію Домостроя, видимъ, что онъ можетъ быть раздѣленъ на три части. Въ первой части (15 главъ) говорится объ обязанностяхъ религіозныхъ. Сравнивая то, что говорится здѣсь о религіозныхъ обязанностяхъ съ памятникомъ болѣе древнимъ съ поученіемъ Владиміра Мономаха, - мы замѣчаемъ поразительную разницу. Въ Домостроѣ о религіозныхъ обязанностяхъ говорится съ необыкновенными подробностями; тутъ перечисляются мельчайшіе обряды, выставляется идеалъ чисто аскетическаго свойства: домъ долженъ быть устроенъ на подобіе монастырской кельи; по всѣмъ угламъ висятъ образа, съ ними нужно обходиться очень бережно; указывается какою губкою ихъ вытирать; затѣмъ, перечисляются всѣ молитвы, которыя нужно исполнять дома. Въ этомъ перечнѣ видимъ весь кругъ домашняго богослуженія; говорится о поясныхъ поклонахъ. Вся жизнь опредѣлена съ этой точки зрѣнія до мельчайшихъ подробностей. Ничего подобнаго у Мономаха не находимъ. Онъ говоритъ объ общихъ обязанностяхъ, онъ говоритъ, что достаточно одной молитвы "Господи помилуй", если кто не знаетъ другой молитвы. Въ Домостроѣ же перечисляется цѣлый рядъ молитвъ. Въ этой аскетичности идеала, въ этомъ вниманіи къ мелочамъ видимъ отличіе отъ прежняго взгляда на христіанскія обязанности.

Вторая часть посвящена отношеніямъ семейнымъ. Въ этихъ семейныхъ отношеніяхъ проявляется та самая грубость, которая развилась у насъ благодаря монгольскому нашествію о которой я говорилъ раньше. Здѣсь мы видимъ, что хозяинъ или мужъ есть глава дома, которому всѣ должны безпрекословно повиноваться. Онъ долженъ "наказывать" жену, дѣтей, домочадцевъ (наказывать значитъ поучать, наставлять). Основой всего долженъ быть страхъ Божій; но страхъ Божій понимается не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится въ Св. Писаніи: это тотъ же страхъ предъ человѣкомъ, предъ главой дома. По Домострою, непремѣнно нужно наказывать жену; если жена не слушается, то нужно наказанія нѣсколько усилить, нужно ихъ сопровождать нѣкоторымъ физическимъ принужденіемъ: "нужно ее поучить, плеткой вѣжливенько побить, но такъ, чтобы люди не видѣли" (въ этомъ какъ будто есть нѣкоторое смягченіе грубости "чтобы люди не видѣли; но вѣдь "чтобы люди не видѣли" есть чисто практическій совѣтъ. такъ что эти смягчающія наставленія не особенно говорятъ въ пользу попа Сильвестра.- Тоже о дѣтяхъ. Я уже говорилъ, что особенно нападать на суровость Сильвестра не приходится, потому что нѣчто подобное находится въ тѣхъ домострояхъ, которые указаны профес. Некрасовымъ, и даже такое суровое отношеніе къ дѣтямъ можно найти у Шекспира. Домострой о дѣтяхъ говоритъ: "Не ослабляй наказанія младенца, потому что онъ не умретъ, а даже выздоровѣетъ духомъ и впослѣдствіи будетъ благодаренъ". По правдѣ сказать, и теперь приходится встрѣчаться съ такими педагогическими наставленіями, что тѣлесное наказаніе для дѣтей полезно.

Третья часть посвящена дѣламъ чисто хозяйственнаго свойства. Здѣсь цѣлый рядъ весьма подробныхъ рецептовъ, какъ заготовить припасы и т.п. Въ хозяйственныя распоряженія входятъ наставленія о томъ, какъ готовить приданое для дѣвицъ: нужно отдѣлять отъ стада телятъ, ягнятъ и т.д., нужно откладывать отъ разныхъ другихъ запасовъ, завести особый сундучекъ, въ которомъ готовится приданное для дочерей. Всѣ эти хозяйственныя наставленія показываютъ, что Домострой писанъ для лицъ зажиточныхъ, которые могли заботится о приданномъ.

Послѣдняя 64 глава представляется наставленіе, данное имъ сыну Анфиму. Онъ называется малымъ Домостроемъ, и въ немъ находимъ тотъ дух духъ угодливости, желаніе угоровить всѣмъ, который замѣчается и въ первой части домостроя, хотя здѣсь онъ нѣсколько симпатичнѣе; такъ, Сильвестръ говоритъ, что съ рабами нужно обходиться милостиво, и указаваетъ что онъ самъ освободилъ довольно много рабовъ. Изъ этого видно, что Сил вестръ для своего времени былъ довольно выдающимся человѣкомъ; онъ даетъ довольно мягкія наставленія; но всетаки онъ стоялъ на томъ же уровнѣ, на которомъ было тогдашнее общество. Однако, видѣть въ Сильвестрѣ

человѣка передового, имѣвшаго сильное и благотворное вліяніе на Іоанна Грознаго, представляется довольно труднымъ, и въ этомъ отношеніи, пожалуй, правъ Соловьевъ, который отрицаетъ это вліяніе.

Въ прошлый разъ я упомянулъ о литературной дѣятельности Іоанна Грознаго и князя Курбскаго. Теперь прежде всего намъ нужно сказать нѣсколько словъ относительно Іоанна Грознаго. Его литературные пріемы характеризуются тѣми словами, которыя мы находимъ у Курбскаго. Князь Курбскій говоритъ, что Іоаннъ обыкновенно "грызетъ кусательно своего противника", т.е. прибѣгаетъ къ весьма ядовитой ироніи. Это отличіе стиля и пріемовъ Іоанна Грознаго мы замѣчаемъ прежде всего въ его посланіи въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Дѣло въ томъ, что этотъ монастырь былъ такимъ мѣстомъ, куда ссылалось очень много опальныхъ бояръ. Эти бояре не могли примириться со своимъ новымъ положеніемъ, сохраняли старыя привычки, которыя имѣли въ мірѣ; значитъ, вели образъ жизни не совсѣмъ согласный съ монастырскими законами, и этимъ давали дурной примѣръ остальной братіи; между прочимъ игуменъ Козьма жаловался царю на то, что въ монастырѣ завелись такіе новые порядки, и что монахи его не слушаются; и вотъ, онъ просилъ царя дать братіи наставленіе, чтобы соблюдалась дисциплина и должный монастырскій порядокъ. Царь отвѣтилъ очень обширнымъ письмомъ. Въ этомъ письмѣ мы сразу видимъ тѣ характерные пріемы стиля Іоанна Г., о которыхъ я упомянулъ, т.е. сразу встрѣчаемся съ ироніей. Іоаннъ принимаетъ какъ-бы смиренный тонъ - начинаетъ съ восклицанія: "увы, мнѣ, грѣшному, горе окаянному! на какую я высоту попалъ." Затѣмъ, говоритъ, что ихъ высота, дѣйствительно, необыкновенная въ этомъ монастырѣ: столько святости, здѣсь есть примѣры замѣчательнаго подвижничества, напр., Кириллъ Бѣлозерскій и разные другіе подвижники; могущіе служить примѣромъ для монаховъ и для свѣтскихъ людей, въ томъ числѣ и для царя. Такимъ образомъ, онъ говоритъ, что совершенно недостоинъ быть учителемъ для монаховъ и что, напротивъ, отъ нихъ онъ долженъ поучаться. - Приступъ совершенно смиренный. Послѣ этого приступа онъ начинаетъ обличать монаховъ. Контрастъ становится тѣмъ ярче, чѣмъ сильнѣе было это самое смиреніе, и вотъ въ этомъ и видна очень сильная иронія съ его стороны. Обличенія идутъ такія. Вы, однако, говоритъ Іоаннъ, завели у себя въ монастырѣ нѣкоторые порядки, такъ что я считаю возможнымъ дать вамъ нѣкоторыя наставленія. У васъ въ монастырѣ нѣтъ настоящаго братства, вѣдь самое первое начало монастырской жизни заключается въ полномъ братствѣ, равенствѣ между отдѣльными членами монастырской семьи. Такого братства у васъ нѣтъ, потому что Хабаровъ и Шереметевъ, сосланные въ этотъ монастырь, оказываются у васъ гораздо болѣе важными, чѣмъ монахи простые. И до тѣхъ поръ, пока Хабаровъ и Шереметевъ пользуются у васъ какимъ ниб. особыми привиллегіями, нечего и говорить о послушаніи иноческомъ о братствѣ, до тѣхъ поръ вы не можете возтановить у себя никакого настоящаго порядка. - Мы видимъ, что въ этомъ случаѣ онъ стоитъ на совершенно правильной точкѣ зрѣнія, и его обличенія вполнѣ основательны. Совершенно другое дѣло, правильно ли поступалъ Іоаннъ ссылая опальныхъ бояръ въ монастыри. Этотъ вопросъ другаго порядка, къ самому посланію онъ не относится, и насъ интересуютъ только тѣ доказательства, какія онъ приводитъ въ защиту своихъ мнѣній. - Основной его литературный пріемъ - умѣнье пользоваться ироніей. Кромѣ этого, мы замѣчаемъ, что Іоаннъ оказывается очень начитаннымъ: онъ ссылается на Св. Писаніе, на отцовъ Церкви, и эти ссылки показываютъ, что ему извѣстно очень многое изъ литературныхъ произведеній, входившихъ въ древнюю русскую литературу, такъ что видно, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ не зауряднымъ что во всякомъ случаѣ это передовой человѣкъ.

--

Тѣ же самыя черты человѣка очень широко начитаннаго, знакомаго чуть ли не со всѣхъ кругомъ тогдашней литературы и вмѣстѣ умѣющаго пользоваться ироніей, замѣчаемъ въ перепискѣ Іоанна съ княземъ Курбскимъ. Эта переписка его съ Курбскимъ, какъ я говорилъ, представляетъ собою сводъ политическихъ воззрѣній, выработавшихся въ монгольскій періодъ нашей исторіи. Дѣло въ томъ, что уже въ этотъ періодъ, какъ указано проф. Ждановымъ, сложились новыя представленія о власти московскаго государя. Эти новыя представленія? ражаются и въ литературныхъ памятникахъ. Нужно было власть московскаго государя освѣтить какими ниб. особенными преданіями. Слагаются отдѣльныя сказанія, въ которыхъ эта власть ставится въ извѣстномъ преемствѣ по отношенію къ власти византійскаго императора. Таково, напр., сказаніе о вавилонскомъ царствѣ.

Въ этомъ сказаніи передается слѣдующее. При царѣ Навуходоносорѣ въ Вавилонѣ были положены знаки царскаго достоинства: жезлъ, шапка Мономаха и пр. Эти знаки царскаго достоинства остались въ городѣ, который потомъ былъ заселенъ нечистою силою, а вокругъ него поселился страшный змѣй, дышащій огнемъ. Византійскій императоръ отправляется въ этотъ городъ, чтобы добыть эти знаки царскаго достоинства. Добывши эти знаки царскаго достоинства, онъ становится царемъ надъ всей вселенной. Но затѣмъ Византія падаетъ, и эти знаки переходятъ въ Россію. Слагается легенда о Мономаховой шапкѣ и жезлѣ, по которой эти знаки перешли изъ Византіи и Вавилона въ Россію, и они составляютъ существенное отличіе московскихъ государей, освящающее ихъ власть.

Къ тому же разряду сказаній относится еще одно сказаніе, которое въ литературныхъ памятникахъ появляется нѣсколько позднѣе, но которое тоже очень важно. Это сказаніе о Москвѣ какъ третьемъ Римѣ. Дѣло въ томъ, что сложилось такое представленіе: былъ великій городъ Римъ - столица всей вселенной. Этотъ Римъ отпалъ отъ православія и вслѣдствіе этого значеніе столицы всей вселенной перешло къ Константинополю. Константинополь есть второй Римъ; но второй этотъ Римъ взятъ турками и находится теперь въ рукахъ невѣрныхъ, и значеніе столицы вселенной перешло къ Москвѣ. Москва есть третій Римъ, Москва есть надежда всего православнаго міра, она есть столица всей вселенной, и если этотъ третій Римъ когда-ниб. погибнетъ, тогда настанетъ конецъ міра: четвертому Риму не бывать.

Итакъ, вы видите, что цѣлый рядъ сказаній, цѣлый рядъ поэтическихъ представленій ведетъ къ тому, что московскій государь въ сознаніи народномъ и въ своемъ собственномъ сознаніи представляется лицомъ высшимъ, ему предоставлена какая то чрезвычайная, выдающаяся роль. Эту свою выдающуюся роль сознаетъ и Іоаннъ Грозный. Въ перепискѣ съ кн. Курбскимъ онъ высказываетъ такія мысли, что онъ есть владыка всѣхъ и подданные должны ему безпрекословно повиноваться, потому что онъ заботится о благѣ подданныхъ; кромѣ того, ему должны оказывать полное повиновеніе и потому, что власть его освящена свыше. Затѣмъ у Іоанна Грознаго замѣчается стремленіе произвести свой родъ непосредственно отъ римскаго императора. Онъ говоритъ, что онъ потомокъ императора Августа; тутъ приводятся разныя радословныя, которыя принадлежатъ не ему самому, а составлены были раньше. Впрочемъ, идея московскаго самодержавія получаетъ для него полную важность и необходимость и усвояется эта идея имъ независимо отъ всякихъ литературныхъ взглядовъ, ради возможности осуществить наилучшимъ образомъ великія политическія задачи московскаго государства.

Эти взгляды Іоанна на необходимость самодержавія, власти единой проглядываютъ въ перепискѣ съ кн. Курбскимъ, такъ что Іоаннъ Грозный представляется по своимъ взглядамъ человѣкомъ отчасти новаго направленія; тогда какъ кн. Курбскій отстаиваетъ старыя права бояръ. У бояръ было издавна два права, которыми они пользовались при прежнихъ удѣльныхъ князьяхъ это - право отъѣзда и совѣта. Если бояринъ былъ недоволенъ княземъ, то онъ былъ воленъ перейти къ другому и это не считалось измѣной. Другое право совѣта: бояре совѣтовались съ кня-

земъ относительно всякихъ государственныхъ дѣлъ. Эти два права оказались несовмѣстными съ властью московскаго государя. Отъѣздъ бояръ теперь уже представлялся прямой измѣной, тѣмъ болѣе, что другіе князья были не русскіе, а польско-литовскіе. (Курбскій отъѣзжаетъ къ польскому королю). Затѣмъ, отъѣздъ не согласуется съ взглядами Іоанна на свою власть и на отношеніе къ ней бояръ. Іоаннъ приближаетъ къ себѣ людей самыхъ незнатныхъ родовъ; Курбскій жалуется, что Грозный беретъ себѣ совѣтниковъ изъ "простаго всенародства", что онъ пренебрегаетъ старыми боярами, что онъ рушаетъ такое право, которое освящено стариною.- Итакъ мы видимъ, что Курбскій является защитникомъ старины, тогда какъ Грозный проводитъ новыя идеи.

То же самое политическое направленіе Курбскаго мы можемъ видѣть въ "исторіи Іоанна Грознаго о тѣхъ дѣлахъ, которыя я видѣлъ или слышалъ отъ достовѣрныхъ людей". Эта исторія, какъ говоритъ Бѣловъ, представляетъ недостовѣрный памятникъ. Курбскій, какъ врагъ, относится пристрастно къ Іоанну, и иногда его свидѣтельству вѣрить нельзя. Напримѣръ, Курбскій ссылается на слова Іоанна, сказанныя ему на ухо. По замѣчанію Соловьева, такому показанію рѣшительно нѣтъ возможности вѣрить. Кромѣ того, Бѣловъ указываетъ много другихъ фактовъ, которые могутъ быть объяснены какъ результатъ враждебнаго отношенія Курбскаго къ Іоанну. Слѣдовательно, эта исторія важнаго значенія не можетъ имѣть. Но она интересна какъ памятникъ литературный, какъ отрицаніе взглядовъ Іоанна; и тутъ мы видимъ, что Курбскій является человѣкомъ стараго направленія, защитникомъ старыхъ взглядовъ: онъ отстаиваетъ именно тѣ права бояръ, которыя представлялись совершенно несовмѣстимыми Іоанну съ новыми его представленіями о царской власти.

Обращаясь къ формѣ этихъ литературныхъ произведеній, мы видимъ, что Іоаннъ очень часто прибѣгаетъ къ ироніи. Такъ, напр., послѣ того какъ онъ побѣдилъ поляковъ, къ которымъ ушелъ Курбскій, въ одномъ изъ писемъ онъ говоритъ: "вотъ ты думалъ отъ насъ уйти, однако мы взяли тѣ города, гдѣ ты спасался, и ты бѣжалъ далѣе; ты думалъ, что мы не обойдемся своимъ умомъ, однако мы нашли другихъ совѣтниковъ и можемъ обойтись безъ тебя". Еще ранѣе этого Курбскій, задѣтый за живое ироніей царя писалъ ему, что нельзя такъ обращаться съ человѣкомъ въ бѣдственномъ состояніи: "насъ съ тобою разсудитъ Богъ, а я не вернусь на родину и ты не увидишь моего лица до страшнаго суда". Въ отвѣтъ на это Іоаннъ опять иронизируетъ: "да кому же захочется видѣть такое эфіопское лицо"?! - Курбскій тоже иногда прибѣгаетъ къ ироніи. Онъ тоже иногда смѣется надъ Іоанномъ. Вообще мы видимъ, что оба противника изощряются въ такихъ пріемахъ. Дѣло въ томъ, что посланія Іоанна очень велики по объему; онъ постоянно ссылается на Св. Писаніе и отцовъ, при этомъ онъ приводитъ выдержки, можетъ быть" на память, а иногда изъ книгъ приводитъ онъ цѣлыя страницы. Противъ этого дѣлаетъ язвительныя замѣчанія Курбскій; онъ называетъ его посланія "шировѣщательной и многошумящей эпистоліей" и говоритъ, что у него неумѣлые пріемы, такъ какъ онъ - беретъ не только отдѣльные стихи, и выраженія, но цѣлыя книги и пареміи; что стыдно писать такимъ образомъ въ государствѣ, гдѣ есть люди, которые могутъ посмѣяться. Этотъ упрекъ остался безъ отвѣта, Іоаннъ не обратилъ на него вниманія. Хотя этотъ упрекъ, можетъ быть и вполнѣ основывателенъ, но то же самое замѣтно и у Курбскаго: Курбскій тоже не можетъ быть признанъ искуснымъ въ цитированіи. Но дѣло не въ томъ, насколько искусно цитируетъ Іоаннъ Грозный, а въ умѣньи его спорить.

Его умѣнье спорить особенно обнаружилось въ спорѣ съ Антоніемъ Поссевиномъ (іезуитомъ). Онъ присланъ былъ папою для переговоровъ во время войны русскихъ съ Польшею. Антоній Поссевинъ былъ человѣкъ выдающійся. Какъ всѣ іезуиты, онъ былъ человѣкъ широкообразованный и обладающій рѣдкимъ искусствомъ спорить; такъ что споръ съ такимъ человѣкомъ для Іоанна представлялся очень труднымъ. Въ лицѣ Іоанна является начетчикъ (въ родѣ современныхъ старообрядческихъ начетчиковъ), тогда какъ въ лицѣ Антонія Поссевина мы видимъ человѣка образованнаго въ современномъ смыслѣ этого слова, и пріемы того и другаго въ спорѣ,

конечно, должны быть различны. Но важно то, какъ разрѣшались тѣ вопросы, которые ставились съ той и друг. стороны, обнаружилъ ли Іоаннъ знакомство съ догматической стороной православной вѣры, которую онъ защищалъ?.- Разбирая отдѣльныя возраженія Іоанна, мы должны сказать, что они оказываются очень меткими. Часто, правда, онъ, какъ начетчикъ обращаетъ вниманіе на мелочные пункты православнаго ученія; но рядомъ съ этимъ, мы видимъ, Іоаннъ умѣетъ обратить вниманіе на самые серьезные вопросы, такъ что этотъ начетчикъ при своемъ талантѣ оказался опаснымъ противникомъ для Поссевина. Споръ кончался ничѣмъ, не привелъ къ тому результату, котораго искалъ Поссевинъ, т.е. Іоаннъ не склонился на сторону католицизма; но въ этомъ спорѣ обнаруживается личность царя, его образованіе, способности къ полемикѣ и пріемы къ ней.

Такимъ же искуснымъ въ спорѣ Іоаннъ является при столкновеніи съ другимъ неправославнымъ противникомъ Рокитой (протестантомъ). Поссевинъ хотѣлъ обратить царя въ католичество, а Рокита въ протестанство. И здѣсь, въ этомъ спорѣ съ протестантомъ, Іоаннъ оказался, пожалуй, еще сильнѣе.- Такова была эта личность.

Эта личность имѣла важное значеніе, помимо своихъ литературныхъ трудовъ, еще тѣмъ, что она дала сильный толчекъ культурному движенію призывамъ иноземцевъ. При Іоаннѣ притокъ иноземцевъ значительно усиливается, и особенно становится онъ замѣтнымъ въ ХУII в. Весь ХУII в. представляетъ намъ эпоху крайняго усиленія культурнаго вліянія разныхъ иноземцевъ на русскую жизнь. Въ это время поднимается такой важный вопросъ, какъ вопросъ объ исправленіи книгъ; къ этому вопросу, можетъ быть и случайно сошлись разныя культурныя теченія русской жизни ХУII вѣка. Вопросъ былъ довольно старый; онъ поднялся, какъ я говорилъ уже, при Максимѣ Грекѣ. Максимъ Грекъ занимается уже исправленіемъ богослужебныхъ книгъ. Затѣмъ, еще важнѣе то, что было сдѣлано при Іоаннѣ на Стоглавомъ соборѣ. Стоглавый соборъ получилъ свое названіе отъ того, что на немъ участвовало сто членовъ, или отъ того, что его постановленія были раздѣланы на 100 главъ. На этомъ соборѣ присутствовали выдающіеся святители. Предсѣдательствовалъ Макарій, тотъ Макарій, которому принадлежатъ великія Четьи-Минеи; затѣмъ, присутствовали: Гурій, Варсонофій Казанскій, будущій митрополитъ Филиппъ, бывшій тогда еще игуменомъ Соловецкимъ. Такъ что соборъ этотъ по составу своему получилъ для потомства особенно священное значеніе. На этомъ соборѣ поднятъ былъ вопросъ объ исправленіи книгъ. Было указано, что неискусные переписчики портятъ книги и что нужно издавать книги съ хорошихъ переводовъ. Такимъ образомъ, было высказано желаніе имѣть хорошіе переводы, но не указано, кто же можетъ сдѣлать эти переводы. Такъ что практически соборъ не привелъ ни къ какому результату въ смыслѣ исправленія книгъ. Но на соборѣ были утверждены нѣкоторые обряды, которые впослѣдствіи послужили основой спора между исправителями, группировавшимися около Никона, и сторонниками старины, и которые послужили поводомъ для раскола, происшедшаго въ русской церкви. Здѣсь установленно, напр. двуперстіе (т.е., что нужно креститься не тремя перстами - большимъ, указательнымъ и среднимъ, а только двумя - указательнымъ и среднимъ, а остальные складывать иначе), или такъ называемая сугубая аллилуя (т.е., нужно пѣть два раза аллилуя, а затѣмъ "слава Тебѣ, Боже", а не такъ, какъ теперь у насъ, въ православной церкви, поется, т.е. три раза аллилуя, а потомъ "Слава Тебѣ, Боже"). Потомъ было еще много разныхъ мелкихъ обрядовыхъ вопросовъ, которые окончательно утверждаются въ русской церкви съ этого времени. ВЪ ХУII вѣкѣ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми новопечатными изданіями, въ которыхъ еще нѣсколько разъ одобряются и признаются эти разности обрядовыя, какъ, напр., при патріархѣ Іосифѣ и др.

Теперь я поневолѣ долженъ сдѣлать нѣкоторый скачекъ къ эпохѣ,

весьма отдаленной отъ времени Іоанна Грознаго, - къ самой срединѣ XУII столѣтія, для того чтобы изъ этого центральнаго пункта разсмотрѣть все движеніе, возникшее по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ. - Въ половинѣ XУII в. въ патріаршество Іосифа, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ Москвѣ образуется замѣчательный кружокъ около царскаго духовника протопопа Стефана Вонифатьева. О происхожденіи и молодости этого протопопа почти ничего не знаемъ. Въ Москвѣ онъ появляется около 1645 - 46 года; онъ интересовался общественной жизнью. Сохранилась одна книга (носитъ заглавіе"Златоустъ"), принадлежавшая ему; въ этой книгѣ есть сочиненіе, называемое "слово о правдѣ". Можетъ быть, это сочиненіе принадлежитъ ему самому. Въ этомъ сочиненіи авторъ его говоритъ о разныхъ недостаткахъ современной ему русской жизни. Онъ говоритъ о томъ, что очень много идетъ денегъ разнымъ земле-мѣрительнымъ писарямъ, которые, исполняя порученія царскія, очень много наживаютъ и себѣ: собираютъ подати и берутъ взятки, требуютъ пропитанія и для себя, и для лошадей и т.д. Мы видимъ, что предъ нами проповѣдникъ такой, который обращаетъ вниманіе на чисто жизненные факты, проповѣдникъ близкій къ самой жизни, Затѣмъ, мы знаемъ, что этотъ протопопъ имѣлъ довольно сильное вліяніе на царя Алексѣя Михайловича. Царь тишайшій былъ очень благочестивъ, и къ нему Стефанъ приходилъ и наставлялъ его; въ своихъ бесѣдахъ онъ говорилъ,между прочимъ, и о необходимости установленія новыхъ церковныхъ порядковъ. Мы видимъ, что онъ заботился объ исполненіи церковнаго устава, а также и о нравственности; такъ, при бракосочетаніи царя не было никакихъ свѣтскихъ увеселеній, не было "никакого смѣха, ни бѣсовскихъ играній, ни пѣсенъ студныхъ, ни трубнаго козло-гласованія"; - и это благодаря Стефану такъ что вліяніе его начинается очень скоро послѣ того, какъ онъ сдѣлался духовникомъ. Наставленія его отличаются очень мягкимъ характеромъ. Онъ самъ былъ характера мягкаго и умѣлъ сближаться съ людьми разныхъ взглядовъ, и потому всегда онъ стоялъ за образъ дѣйствій не слишкомъ крутой и рѣзкій. Можетъ быть, поэтому то онъ въ кружкѣ, помимо оффиціальнаго положенія своего, пользовался общимъ расположеніемъ членовъ этого кружка. Въ этотъ кружокъ входятъ лица уже нѣсколько иного свойства: протопопъ Иванъ Нероновъ, затѣмъ, видное мѣсто занимаетъ протопопъ Аввакумъ, протопопъ Логгинъ и нѣкот. др.; къ этому же кружку принадлежалъ митрополитъ новгородскій, впослѣдствіи сдѣлавшійся патріархомъ Никонъ.

Я остановлюсь на двухъ лицахъ - Иванѣ Нероновѣ и Аввакумѣ.Иванъ Нероновъ былъ человѣкъ иного характера, чѣмъ Стефанъ. Онъ еще юношей пришелъ какъ то на рождественскихъ праздникахъ въ Вологду, и идя,какъ выражается авторъ его біографіи, мимо какихъ то бѣсовскихъ игралищъ и замѣтивъ разныя демонскія подобія (людей въ маскахъ), онъ разжегся духомъ и началъ обличать принимающихъ участіе. Но на него набросились какъ дикіе звѣри и били немилостиво, такъ что Іоаннъ отъ многаго біенія лежаше яко мертвъ отъ вечера даже до полуночи. Затѣмъ, въ житіи разсказывается, что Іоаннъ жилъ около Великаго Устюга, учился у нѣкоего Тита. Грамота давалась ему не легко: "учашеся зѣло медленно", такъ что "единый букварь онъ выучилъ въ годъ и 6 мѣсяцевъ". Это не мало огорчало учителя и его самого, такъ что онъ хотѣлъ взять прилежаніемъ. Учитель же его иногда букварь бралъ изъ рукъ его "да не отъимется зрѣніе его". Когда Іоаннъ учился, то непрестанно слезы испускаше; учитель же его, прилежаніе его зря и косенъ его умъ, плакаше о немъ". Но эта косность ума пропала: случилось чудесное отверзеніе ума Неронова, и онъ сразу началъ постигать Св. Писаніе, которое ему прежде не давалось. И вотъ, находимъ его священникомъ въ селѣ Никольскомъ (около города Юрьева). Онъ начинаетъ нападать на пьянство и многое безчинство священниковъ того села; и такъ ихъ возстановилъ противъ себя, что они писали доносъ патріарху Филарету. Послѣ этого трудно было ему оставаться въ селѣ;пришлось бѣжать отъ преслѣдованія въ Троицкую Лавру; тамъ онъ пріобрѣлъ покровителя въ лицѣ знаменитаго Діонисія,ко-

торый заступился предъ Филаретомъ; Іоаннъ былъ оправданъ. - Затѣмъ, онъ попадаетъ въ Нижній Новгородъ. Въ Нижнемъ въ немъ обнаруживается талантъ проповѣдника; онъ обращаетъ вниманіе всего города, на его проповѣди стекаются отовсюду, его слушаютъ весьма внимательно, потому что онъ проповѣдникъ далеко не шаблонный: онъ, правда, носитъ книгу Маргаритъ, читаетъ ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обличаетъ недостатки, которые замѣчаетъ въ обществѣ. Этимъ онъ привлекъ общественное сочувствіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудилъ противъ себя многихъ людей въ Нижнемъ Новгородѣ. Онъ даже творитъ чудеса: къ нему приводятъ бѣсноватаго, котораго онъ исцѣляетъ святой водой. Затѣмъ онъ борится съ такъ наз. скоморохами. Это были нѣчто въ родѣ странствующихъ актеровъ. Они ходили съ медвѣдями и бубнами и др. инструментами и потѣшали деревенскую публику. Но тогдашнее духовенство видѣло въ этомъ нѣчто бѣсовское - остатки язычества - и боролось съ нимъ. И вотъ мы видимъ, что Іоаннъ по ночамъ отправлялся по улицамъ городскимъ со своими учениками, и они, какъ разсказываетъ житіе, сражались съ бѣсовскими слугами - скоморохами, такъ что происходила очень энергичная борьба.

Въ числѣ враговъ Іоанна Неронова оказался въ Нижнемъ воевода Шереметьевъ, котораго Іоаннъ обличалъ за взяточничество. Такъ что куда мы не посмотримъ, вездѣ онъ оказывается не спокойнымъ человѣкомъ. Но слава о немъ, какъ замѣчательномъ проповѣдникѣ, доходитъ до Москвы, и Стефанъ Вонифатьевъ выхлопоталъ ему мѣсто протопопа Казанскаго собора. Казанскій соборъ въ центральномъ мѣстѣ Москвы, и потому такой проповѣдникъ тоже привлекаетъ массу народа. Здѣсь было еще болѣе широкое поприще для его дѣятельности, тѣмъ болѣе что формируется кружокъ.

Къ этому кружку принадлежалъ и протопопъ Аввакумъ. Онъ родился въ селѣ Григоровѣ Нижегородской губ. . Отецъ его былъ священникомъ любившій "питіе хмѣльное", а мать была молитвенница, которая внушила Аввакуму въ раннемъ дѣтствѣ аскетическое и молитвенное настроеніе. По обыкновенію, онъ женился рано - 20 лѣтъ, сдѣлался діакономъ, а вскорѣ и попомъ. И тутъ у него произошли столкновенія съ начальникомъ въ этомъ селѣ, гдѣ онъ былъ попомъ. Начальникъ вздумалъ отнять у вдовы дочь. Аввакумъ обратился къ начальнику съ увѣщаніемъ, требовалъ, чтобы тотъ возвратилъ дочь матери; но начальникъ "воздвигъ бурю" какъ выражается Аввакумъ въ автобіографіи (x); сначала его избили у церкви, потомъ начальникъ пришелъ въ церковь, схватилъ его (не смотря на то, что Аввакумъ былъ въ ризахъ), билъ, волочилъ за ноги по землѣ. Затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени произошло другое столкновеніе съ Иваномъ Родіоновичемъ: этотъ начальникъ два раза стрѣлялъ изъ "пистоли" (пистолетъ), но, къ счастью, были осѣчки. Около 1646 г. онъ былъ изгнанъ изъ села и отправился въ Москву; приходитъ къ Ивану Неронову (съ нимъ, можетъ быть, былъ знакомъ на родинѣ) и Стефану Вонифатьеву, они представляютъ его царю, и съ этого времени начинается его знакомство съ царемъ. Онъ былъ отправленъ попомъ въ Юрьевецъ Костромской губерніи, но онъ и здѣсь не ужился; пришли въ его село скоморохи съ бубнами и медвѣдями; Аввакумъ переломалъ инструменты и маски и отнялъ двухъ большихъ медвѣдей, а одного даже убилъ. Въ это самое время проѣзжалъ мимо Юрьевца Шереметьевъ, который былъ назначенъ воеводою въ Казань. Скоморохи пожаловались на притѣсненія Аввакума; Шереметьевъ принялъ ихъ сторону, призвалъ Аввакума къ себѣ

(x) Его автобіографія очень выдающійся памятникъ; въ ней чрезвычайно много ругательствъ и т.д., но она представляетъ весьма интересный образецъ живаго народнаго языка.

на корабль и послѣ объясненія приказалъ благословить своего старшаго сына Матвѣя; Матвѣй оказался бритомъ (брить бороду тогда считалось неприличнымъ и даже постыднымъ); поэтому, Аввакумъ отказался его благословить; тогда бояринъ сперва приказалъ его бросить въ Волгу, но потомъ отпустилъ, причемъ его избили. - Скоро послѣ этого былъ еще случай съ Аввакумомъ. Какой-то начальникъ въ с. Юрьевцѣ такъ разсердился на Аввакума, что явился съ цѣлымъ сонмомъ людей, стрѣлялъ въ него изъ лука и пищали и хотѣлъ убить его.

Изъ этого вы можете видѣть, каковъ это былъ характеръ. Логгинъ тоже былъ такой же энергичный человѣкъ. - Эти люди начинаютъ дѣйствовать на молодаго благочестиваго царя въ томъ направленіи, что нужно упорядочить церковную жизнь русскаго народа; нужно вообще поднять нравственность, т.е. устранить такія забавы какъ скоморошество; затѣмъ, нужно ввести порядокъ въ церковное богослуженіе.

А въ церковной службѣ, дѣйствительно, былъ безпорядокъ. Во 1-хъ замѣчалось такъ наз. многогласіе. Многогласное пѣніе пріучало народъ къ небрежному отношенію къ церковной службѣ. На это многогласіе указывали еще отцы Стоглаваго собора. Совершалась служба сразу нѣсколькими лицами (теперь наблюдается нѣкоторый порядокъ: сперва читаютъ, потомъ поютъ и т.д. ; а тогда въ одно время и читали и пѣли и получался крайній безпорядокъ). Одинъ современникъ говоритъ, что пѣли иногда сразу въ два, три, шесть голосовъ, "другъ друга неразумѣюще, что глаголютъ; самъ священникъ и причетникъ производили шумъ и козлогласованіе; клирики пѣли псалтирь и друг. пѣснопѣнія, не ожидая конца ликъ отъ лика, но купно вси кричаху".

Кромѣ этого многогласія, былъ и другой крупный недостатокъ въ богослуженіи: это - такъ называемое "хомовое" пѣніе. Хомовое пѣніе это было такое приспособленіе словъ къ напѣву, что слова совершенно искажались; такъ, напр., вмѣсто "Богъ" пѣли "Бого", вмѣсто "Спасъ" "Спасо", "Христосъ" - "Христосо" и т.д. Иногда цѣлая фраза являлась въ такомъ искаженномъ видѣ, что ее трудно было узнать.

Было нѣсколько школъ, которыя учили такому искаженному пѣнію. Ученики этихъ школъ держались извѣстныхъ пріемовъ; такъ что одинъ говоритъ: "я Лукошковъ", другой называетъ себя ученикомъ Шайдуровымъ и т.д. Отъ этого получался еще большій безпорядокъ. Паства не понимала того, что совершалось въ церкви и оставалась въ крайнемъ духовномъ невѣжествѣ.

Противъ этого безпорядка давно уже слышались разныя энергическія возраженія. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей - просвѣтителей въ Россіи въ это время можетъ считаться свѣтскій человѣкъ бояринъ Өедоръ Михайловичъ Ртищевъ. Онъ обращался къ царю, патріарху, боярамъ, указывалъ, что совершается безпорядковъ въ Церкви, говорилъ, что нужно устранить этотъ безпорядокъ. Съ Ртищевымъ соединился Стефанъ Вонифатьевъ и его кружокъ. Они всѣ требовали уничтоженія этого многогласнаго пѣнія и хомоваго напѣва; говорили, что нужно пѣть единогласно, т.е. совершать службу въ опредѣленномъ порядкѣ и не искажать словъ при пѣніи. Послѣ довольно долгихъ наставленій, послѣ сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ патріархъ московскій согласился провести эту реформу. Аввакумъ послѣ этого является въ Юрьевецъ и вводитъ здѣсь единогласную службу Прихожане были недовольны, потому что раньше, когда можно было совершать службу сразу въ 6 голосовъ, дѣло оканчивалось очень скоро, теперь же богослуженіе разтянулось и было чрезвычайно длинно. Они жаловались: "ты долго поешь единогласно, намъ дома недосугъ". Онъ отвѣчалъ, что такого порядка нельзя измѣнить.

Потомъ явилось другое новшество. Въ Москвѣ порѣшили учить въ церкви народъ, говорить проповѣди. Въ своихъ проповѣдяхъ Аввакумъ обличаетъ своихъ сослуживцевъ поповъ, которые служатъ не такъ, какъ слѣдуетъ, обличаетъ онъ и женщинъ; и вотъ, "собрались попы и бабы съ рычагами и кричатъ, что его нужно убить и бросить тѣло

собакамъ", такъ что еле-еле онъ былъ спасенъ и принужденъ бѣжать въ Москву.- Вы видите, что это былъ за кружокъ и что за люди, участвовавшіе въ этомъ кружкѣ.

Противъ этихъ новшествъ поднимается протестъ не только въ провинціи, но и въ самой Москвѣ. Въ самой Москвѣ были такія сцены: послѣ приговора о единогласіи сошлись священники, и вотъ между ними зашелъ такой разговоръ; одинъ попъ Андрей говоритъ другому: "вы - ханжи, заводите новую ересь: людей въ церкви учите; мы, говоритъ, прежде не учили людей въ церкви, а учили ихъ въ тайнѣ, вы, говоритъ, всѣ ханжи. Тутъ ему стали возражать, что за проповѣдь и новый порядокъ пѣнія стоитъ самъ патріархъ и стоятъ очень важные люди. Но онъ говоритъ, что нѣтъ, за это вамъ достанется отъ патріарха, вы будете у патріарха въ смиреніи, онъ еще заставитъ васъ отмаливать и наложитъ эпитеміи. Въ этомъ разговорѣ видимъ отголосокъ недовольства новыми реформами.

Откуда же истекаетъ это недовольство? Чтобы понять разныя причины этого недовольства намъ нужно обратиться къ вопросу о разныхъ культурныхъ вліяніяхъ, которыя въ это время сказываются въ русской жизни. Въ Россіи, какъ я указалъ, усиливается постоянный приливъ иноземцевъ. Но что это за люди иноземцы, которые шли къ намъ? Московскому государю нужны были преимущественно люди, способные къ какому ниб. спеціальному дѣлу: разные инженеры, всякіе техники, нужны были также люди, которые могли бы обучать солдатъ; такихъ то людей московскій государь и призываетъ, нѣкоторые идутъ къ нему очень охотно. Но кто же идетъ охотно? Вѣдь если человѣкъ хорошъ, онъ находитъ примѣненіе своимъ способностямъ у себя дома. Слѣдовательно, идутъ въ Россію далеко не лучшіе люди; на службу къ московскому государю идутъ, какъ выражается историкъ Соловьевъ, всякіе авантюристы, всякіе космополиты, такіе люди, которыхъ извѣчнымъ занятіемъ было служить въ семи ордахъ семи королямъ, ихъ девизъ "побольше денегъ, побольше добычи", и вотъ они идутъ сюда. Конечно, такіе люди относились съ пренебреженіемъ къ странѣ, въ которую приходили; они отъ нея только наживались, а приносили ли они пользу этой странѣ, - это для нихъ вопросъ второстепенный, и другой вопросъ, тоже не имѣвшій значенія для нихъ, - о томъ, какъ относиться правильно къ населенію.

Въ послѣдній разъ я говорилъ о тѣхъ движеніяхъ, которыя начались въ Москвѣ по вопросу объ исправленіи книгъ. Какъ я уже указалъ, въ Москвѣ образовался кружокъ около царскаго духовника Стефана Вонифатьева,- кружокъ, который стремился къ обновленію церковной жизни московскаго государства и который стремился ввести нѣкоторыя измѣненія въ просвѣщеніи. Дѣло въ томъ, что XУII-й вѣкъ вообще нужно считать для исторіи русскаго просвѣщенія такой эпохой, когда мы замѣчаемъ много всякихъ новшествъ, идущихъ къ намъ со всѣхъ сторонъ.

Я указалъ, что при Іоаннѣ Грозномъ начался призывъ иноземцевъ. Особенный наплывъ этихъ иноземцевъ замѣчается въ XУII столѣтіи; ихъ приходъ въ Москву вызываетъ цѣлый рядъ столкновеній, такъ какъ эти люди были прежде всего другаго исповѣданія, чѣмъ москвичи; поэтому, было несогласіе съ ними чисто духовнаго свойства; а затѣмъ, что тоже очень важно, были столкновенія на почвѣ экономической, такъ какъ интересы людей мѣстныхъ и пришлыхъ постоянно сталкивались. Я уже сказалъ, что эти иноземцы, которые шли къ московскому государю, были люди такіе, большею

частью, которые искали себѣ добычи, которые не особенно заботились объ интересахъ страны, въ которую они приходили, а думали исключительно о своихъ собственныхъ интересахъ; какъ выражается Соловьевъ, "это - западно-европейскіе казаки, которыхъ извѣчнымъ занятіемъ было служить въ семи ардахъ семи королямъ; рѣдкій изъ нихъ отличался научнымъ образованіемъ; это люди практически - образованные, т.е., пригодные къ ремеслу спеціальному дѣлу. И такіе люди очень скоро стали досаждать тому государству, которое ихъ призывало. Въ очень большомъ количествѣ иноземцы провозили чрезъ Архангельскъ контрабанду, отчего терпѣли государственные финансы. Такъ, мы знаемъ, что чрезъ Архангельскъ они провозили табакъ и др. товары, запрещенные въ московскомъ государствѣ, а изъ Москвы вывозили больше всего шелкъ-сырецъ. Затѣмъ, для государственныхъ интересовъ не малымъ ущербомъ было то, что заграницей дѣлалось очень много фальшивыхъ серебряныхъ денегъ худаго качества; эти деньги заграничнаго приготовленія въ Москвѣ обмѣнивались на старые московскіе рубли чистаго серебра. Эти дѣйствія по отношенію къ государственной казнѣ отличались тайнымъ характеромъ, секретностью. Но иноземцы не ограничивались такой секретностью; они иногда открыто шли противъ правительства. Такъ напр., нѣмецкіе солдаты отличались буйствомъ; это вело къ такимъ столкновеніямъ съ русскими, что въ Москвѣ иногда происходили цѣлыя сраженія. Одинъ иностранецъ Гордонъ разсказываетъ, объ одномъ такомъ столкновеніи, когда 800 иностранныхъ солдатъ затѣяло битву съ 700 русскихъ стрѣльцовъ; сперва перевѣсъ былъ на сторонѣ нѣмцевъ, но когда на подмогу русскимъ пришло еще 600 стрѣльцовъ, то нѣмцы были побѣждены. Подобные безпорядки доказывали, что иноземцы были тяжелы для самого правительства, которое ихъ призываетъ.

Но они были еще тягостнѣе для земскихъ людей. Мы знаемъ, что въ половинѣ XУII в. въ разныхъ городахъ московскаго государства произошли значительные безпорядки; была подана царю Алексѣю Михайловичу торговыми людьми разныхъ городовъ челобитная, изъ которой мы узнаемъ, что это были за притѣсненія, вызвавшія эти безпорядки. Въ этой челобитной купцы жаловались: "нѣмецкое злодѣйство къ намъ, твоимъ холопамъ и ко всему торговому люду и лукавый умыселъ праведному государю объявляемъ". Злодѣйство это проявилось въ такихъ фактахъ. Ежегодно пріѣзжало въ московское государство торговыхъ людей англичанъ человѣкъ 70; они устроили склады въ Холмогорахъ, Архангельскѣ, Вологдѣ и др. мѣстахъ, поселенія ихъ доходили до Астрахани. Водворившись въ Московскомъ государствѣ, они завели постоянную торговлю не только по окраинамъ государства, но и во внутреннихъ городахъ. Въ большинствѣ это были представители старинныхъ богатыхъ торговыхъ домовъ, съ которыми трудно было конкуррировать московскимъ купцамъ особенно потому, что они пользовались покровительствомъ русской власти. Иноземцы при томъ были гораздо искуснѣе въ торговыхъ пріемахъ, - московскіе купцы никогда не отличались особенною чистотой пріемовъ, никогда нельзя ихъ считать какими-то ягнятами, но нѣмцы были гораздо опытнѣе; и вотъ торговая конкурренція выражалась въ такихъ фактахъ: какъ-то нѣмцы хотѣли купить 900 пудовъ шелку, давали дорогую цѣну, но московскіе купцы перебили и купили шелкъ; но когда москвичи перевезли шелкъ въ Архангельскъ, нѣмцы не купили и у нихъ ничего и говорили, что московскіе купцы за свои долги будутъ въ правежѣ (правежъ - наказанье для неисправныхъ должниковъ; ихъ били кнутомъ), что мы (нѣмцы) заставимъ ихъ торговать лаптями. Были такіе пріемы для искусственнаго поднятія цѣнъ: московскіе купцы жаловались, что, какъ товаръ подешевле, они держатъ этотъ товаръ въ домахъ, а когда есть большой спросъ, они его выпускаютъ. Дѣло, какъ видите, самое обыкновенное во всякой торговлѣ, и чего-либо коварнаго со стороны нѣмцевъ не было. Просто москвичи не догадывались такъ же поступать и жаловались на нѣмцевъ, что тѣ ихъ притѣсняютъ. Затѣмъ, московскіе купцы указывали еще невыгодную сторону въ посѣщеніяхъ нѣмцевъ. Раньше товары вымѣнивались

чрезъ русскихъ посредниковъ, теперь же обходятся безъ нихъ, такъ что выгода уменьшилась въ торговлѣ съ ними. Затѣмъ, они привозятъ товары чрезъ свою землю чрезъ Архангельскъ, гдѣ стоятъ ихъ корабли и, какъ выражаются купцы, нѣмцы крадутъ государеву пошлину, а русскимъ купцамъ крайній ущербъ: они совсѣмъ отстали отъ своихъ прежнихъ промысловъ.

Мы знаемъ, что бывали, дѣйствительно, случаи, когда нѣмцы поступали нѣсколько коварно; они нарушали законъ, обходили его. Напр. первоначально они получили право поселиться въ Москвѣ только въ числѣ 23 человѣкъ, эти 23 были названы поименно въ грамотѣ государя. Со временемъ они, конечно, вымираютъ; изъ нихъ осталось 3 - 4 человѣка; эти 3 - 4 человѣка не жили въ Москвѣ, они только раньше пріѣхали, записались, получили право поселиться въ Москвѣ и отправились домой, а на свое мѣсто присылаютъ другихъ. Оказывается, что нѣмцы были какъ-бы безсмертны: на мѣсто записавшагося дяди пріѣзжаетъ племянникъ, потомъ этотъ племянникъ совсѣмъ замѣняетъ умершаго дядю и записывается именемъ умершаго. Конечно, такое нарушеніе правъ очень не нравилось русскимъ купцамъ.

Затѣмъ, былъ такой случай съ ярославскимъ торговымъ человѣкомъ Антономъ Лаптевымъ. Этотъ человѣкъ поѣхалъ съ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ Голандію съ мѣхами; тамъ нѣмцы ничего у него не купили, а когда онъ воротился въ Архангельскъ, то купили по очень дорогой цѣнѣ. Русскія укоряли нѣмцевъ за это, на что нѣмцы отвѣчали: "мы для того это сдѣлали, чтобы русскимъ людямъ не повадно было ѣздить; только русскіе начнутъ торговать такъ, какъ мы у васъ, то мы всѣ обѣднѣемъ. И не только вы, русскіе, пробовали торговать у насъ, но къ намъ пріѣзжали персіяне и мы ничего у нихъ не купили; вы, русскіе купцы, должны быть благодарны, что мы совсѣмъ не уморили его, а выпустили живымъ."

Конечно, подобнаго рода столкновенія не могли вызывать сочувствія къ нѣмцамъ. И вотъ мы находимъ даже въ одной челобитной торговыхъ людей проэктъ выкупа всѣхъ тѣхъ земель, которыя пріобрѣли себѣ нѣмцы. Купцы предлагаютъ, во - 1-хъ, уплатить нѣмцамъ всѣ долги, которые они имѣютъ на русскихъ людяхъ, если на эти долги существуютъ документы, затѣмъ, купить у нѣмцевъ всѣ дома, всѣ лавки и выселить ихъ изъ государства. Такую мѣру купцы предлагаютъ провести на свой счетъ, они готовы даже на большое пожертвованіе, лишь бы избавиться отъ такой постоянной бѣды, т.е., отъ столкновенія экономическаго свойства.

Но бороться съ нѣмцами становилось еще труднѣе потому, что въ это время начиналось ихъ культурное вліяніе. Въ высшемъ классѣ московскаго государства было много людей, которые переняли заморскіе обычаи. Нѣкоторые бояре выпускаютъ женъ изъ теремовъ; царицы иногда ѣздятъ въ открытыхъ экипажахъ, что было совершенно несогласно со старыми московскими представленіями; молодые люди брѣютъ бороды (напр. Шереметевъ, котораго отказался благословить протопопъ Аввакумъ), курятъ табакъ; для государева двора привозятся иностранныя вина и табакъ въ листьяхъ и зернахъ; иностранцевъ принимаютъ въ знатныхъ домахъ, любятъ съ ними побесѣдовать, потому что это люди веселые, бывалые, они совсѣмъ не такіе аскеты, какими представлялись тогда очень многіе русскіе передовые люди. Являются среди московскаго общества такіе люди, которые начинаютъ какъ-бы отказываться отъ своей національности, выражаютъ презрѣніе къ своему родному быту, и преклоняются предъ иноземными новшествами. Таковъ былъ князь Иванъ Хворостининъ. Въ указѣ государя 1623 года говорилось, что Хворостининъ, подвергнувшись польскому вліянію въ смутное время, не позволялъ своимъ людямъ ходить въ церковь, а кто ходилъ, того онъ билъ; онъ держалъ много образовъ католическаго письма и много еретическихъ книгъ. Но обвиненія противъ него не ограничивались этимъ. Онъ собирался ѣхать въ Литву и говорилъ, что нарядится тамъ гусаромъ, говорилъ, что въ Москвѣ людей нѣтъ, что народъ тамъ глупый и что съ такимъ народомъ ему пріобщенія никакого нѣтъ и что потому онъ уѣхалъ въ Литву; онъ писалъ книжки стихами, и въ этихъ книжкахъ найдены великія укоризны русскимъ людямъ, тамъ говорилось, что русскіе "сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью". - Ему дѣлался выговоръ за

непатріотическое отношеніе; но дѣло не въ томъ, а въ томъ, что находится настоящій москвичъ, который начинаетъ такъ критически относиться къ своимъ соотечественникамъ.

Рядомъ съ этими фактами можно поставить фактъ посылки молодыхъ людей въ Англію при Борисѣ. При Борисѣ Годуновѣ было отправлено для обученія въ Англію нѣсколько молодыхъ людей; разсчитывали, что, воротившись, они будутъ распространять просвѣщеніе въ Россіи; но они не вернулись. Чрезъ 20 лѣтъ одинъ подьячій, ѣздившій въ Англію доносилъ, что англичане скрываютъ ихъ и привели ихъ въ свою вѣру, что одинъ изъ нихъ Никита Григорьевъ, поставленъ въ попы, а другой сдѣланъ секретаремъ королевскимъ, третій же отправился въ Индію, и что Никита молится за тѣхъ англичанъ, которые вывезли его изъ Россіи, а на православную вѣру изрекаетъ хулы. - Можно указать и другіе отдѣльные факты, изъ которыхъ мы замѣчаемъ, что иноземное вліяніе и увлеченіе иноземнымъ въ Россіи все растетъ.

Но рядомъ съ такимъ увлеченіемъ шло постоянное противодѣйствіе со стороны представителей русской культуры, которые сохраняли старую антипатію къ иноземцамъ. Какъ вы знаете, антипатія къ иноземцамъ сначала проявлялась въ формѣ религіозной вражды къ католикамъ; эта вражда къ католикамъ, латинянамъ, была передана изъ Византіи. Какъ вы помните, Ѳеодосій Печерскій выступалъ противъ латинянъ съ обличеніемъ; у Ѳеодосія эта вражда нѣсколько мягче, чѣмъ у греческихъ іерарховъ; еще мягче относился къ латинянамъ народъ. И даже то нетерпимое направленіе въ религіозномъ отношеніи, которое извѣстно подъ именемъ Іосифлянства (т.е. послѣдователей Іосифа Волоцкаго), мало касалось латинянъ. Такъ что, хотя латиняне и протестанты, которыхъ называли лютеранами, и не были особенно пріятны русскимъ, но съ ними они уживались, допускали ихъ жить въ московскомъ государствѣ, но только требовали, чтобы они не проявляли стремленія, распространить свою вѣру среди москвичей, а между тѣмъ иноземцы далеко не отличались подобной деликатностью; они позволяли себѣ иногда насмѣшки надъ ними, пытались пропагандировать свои мнѣнія. Вотъ это-то и вызвало рѣзкіе протесты.

Одинъ иностранный путешественникъ, оставившій великолѣпное описаніе московскаго государства, разсказываетъ о нѣкоей Десли. Эта Десли заставляла подвластныхъ крестьянъ ѣсть въ постные дни мясо, не давала имъ оставаться въ своихъ дворахъ даже настолько, чтобы они могли положить должное число поклоновъ. А что всего ужаснѣе, она однажды схватила икону и бросила въ печку; это, конечно, произвело ужасное впечатлѣніе на москвичей: въ самомъ дѣлѣ, лютеранка беретъ икону православную и сжигаетъ. Близость къ лютеранамъ и католикамъ вообще представлялась неудобною; и духовенство и литяне жалуются, чтобы нѣмцы не держали во дворахъ русскихъ людей и чтобы они не принимали "оскверненія русскимъ людямъ; доносили, что заводятся какіе то корчмы, что въ этихъ корчмахъ вдовы и нѣмки торгуютъ, что отъ этого соблазнъ въ народѣ. Наконецъ, духовенство и друг. люди добиваются того, что нѣмцамъ запрещается покупать дворы.

Особенно интереснымъ фактомъ изъ этихъ столкновеній на религіозной почвѣ является дѣло королевича Вольдемара. Датскій королевичъ Волдемаръ собирался жениться на русской царевнѣ но отъ него требовали принятія православія. Вольдемаръ явился со своимъ пасторомъ и нѣкоторыми датскими учеными, и между ними и русскимъ духовенствомъ завязались споры по вопросу, слѣдуетъ ли Вольдемару переходить въ православіе. Но тутъ оказалось, что русскіе очень умѣло и ловко спорили съ датскими учеными, а датчанамъ иногда трудно бывало возразить. Но для насъ интересны не самые споры, а отношеніе къ нимъ московскаго населенія; московскій приказъ, въ которомъ происходили споры, былъ переполненъ публикой; тутъ были и бояре и простые люди: всѣхъ интересовалъ этотъ споръ, потому что ставился вопросъ о національной самолюбопытности и въ одномъ изъ памятниковъ позднѣйшихъ объясняется: если бы умеръ Алексѣй Михайловичъ, то Вольдемаръ захотѣлъ бы гораздо больше власти, чѣмъ Алексѣй, захотѣлъ бы взять эту власть со своими подданными нѣмцами, и была бы великая смута " Явилось такимъ об-

Лист VI Лит. Юделевичъ

а. Ляпунов

разомъ, опасеніе какъ бы не исказились старые добрые нравы, какъ бы русскіе не потеряли своего національнаго облика, какъ бы не завладѣли всѣмъ иноземцы. Наступаетъ такимъ образомъ, время тревожное. А между тѣмъ, что же происходитъ съ дѣломъ исправленія церковныхъ книгъ?

По вопросу объ исправленіи церковныхъ книгъ начинается особенное новое исправленіе въ томъ кружкѣ, который образовался около Стефана Бонифатьева. Въ этомъ кружкѣ проводится мысль; что старыми средствами (т.е., прибѣгая исключительно къ сличенію разныхъ списковъ книгъ) нельзя идти, и что нужна наука, просвѣщеніе. У кого же искать это просвѣщеніе? По вопросу объ исправленіи церковныхъ книгъ приходилось обращаться, конечно, не къ нѣмцамъ, а къ людямъ православнымъ; такими православными были, съ одной стороны, малороссы, съ другой греки. Но относительно тѣхъ и другихъ въ Москвѣ сложилось представленіе, которое не допускало сближенія съ ними. На малороссовъ смотрѣли какъ на такихъ людей, которые отпали отъ православія. Дѣло въ томъ, что въ Западной Руси въ концѣ XVI столѣтія является такъ наз. церковная унія, т.е. часть населенія и духовенство зап. русскихъ областей признаетъ власть римскаго папы, принимаетъ нѣкоторые догматы и обряды католической церкви, и, такимъ образомъ, какъ бы отпадаетъ отъ православія. Послѣ этого отпаденія уніатовъ на малороссовъ смотрятъ отрицательно, въ Москвѣ, говорятъ, что имъ вообще нельзя довѣрять; въ Москвѣ даже издается такой указъ, что всѣхъ, приходящихъ изъ Бѣлоруссіи, нужно перекрещивать, запрещаются разныя книги, привозящія изъ Малороссіи и Бѣлоруссіи, такъ какъ въ этихъ книгахъ предполагается еретичество.

Къ грекамъ тоже было отрицательное отношеніе. Такое отношеніе особенно утвердилось послѣ Флорентійской уніи. На этой уніи греки признали верховное главенство папы, значитъ, отпали отъ православія. По мнѣнію москвичей, греки за это были наказаны тѣмъ, что лишились своей государственной самостоятельности: Константинополь подпалъ подъ власть турокъ. И вотъ мы находимъ такія разсужденія у москвичей, что греки отпали отъ истины Христовой и приняли Антихристову печать на челѣ и на деснѣ (т.е. правой рукѣ). Это отношеніе къ грекамъ еще болѣе укрѣпилось, когда сложилось представленіе о Москвѣ какъ третьемъ Римѣ. Приходившіе въ Россію греки подтверждали это сложившееся воззрѣніе на грековъ. Греки, приходившіе, въ Москву, обирали русскихъ, прибѣгая ко всякимъ мошенничествамъ, напр., разныя стеклянныя поддѣлки продавали за жемчугъ. Не лучше были и духовныя лица, приходившія изъ Греціи въ Москву за подаяніемъ. Часто это были просто самозванцы. Нѣкій Сафроній склонялъ одного писателя XVII ст. Крыжанича сдѣлать ему подлогъ - грамоту отъ цареградскаго патріарха. Крыжаничъ такъ говоритъ о нихъ: "корысто - любивые греки подъ сѣнію благочестія волочатся по нашимъ странамъ безъ нужды и совершаютъ многіе проступки, чрезъ что падаютъ церковные порядки. Они возятъ всякій товаръ. Между прочимъ, мы знаемъ, что они давали какъ бы въ подарокъ мощи, но за этотъ они всегда получали большую сумму денегъ. Они готовы тысячу разъ продать Христа, Котораго Іуда одинъ разъ продалъ. За деньги они ставятъ во священники свинопасовъ и мясниковъ, которыхъ не разрѣшили епископы; всякіе браки разрѣшаютъ, и одному мужу позволяютъ имѣть 5 - 6 женъ, отсылая старыхъ въ монастыри; даютъ разрѣшительныя грамоты, кто дастъ деньги, и такимъ образомъ отсылаютъ человѣческія души прямо въ адъ;

выдумывают всякія прошенія и милостыни." Такою испорченностью отличались не только греки низшаго разряда; не лучше были и епископы. Въ Москву пріѣзжалъ іерусалимскій патріархъ Паисій. Изъ разсказа Павла (Алеповскаго)? видимъ, какъ составлялась его свита: было не больше 25 человѣкъ; въ томъ числѣ было достаточное число архимандритовъ, монаховъ; потомъ же появились и родственники патріарха, которымъ онъ далъ титулъ "архонтовъ"; этотъ титулъ былъ не особенно важный, но греки, приходя въ Москву, любили блеснуть большой свитой. Но патріарху было недостаточно этихъ лицъ, и онъ собираетъ около себя всякій сбродъ; и этихъ спутниковъ своихъ онъ называетъ священниками, архимандритами, монахами разныхъ монастырей; и придя съ огромной свитой въ Москву, выпрашиваетъ милостыню. Москвичи всѣмъ имъ давали щедрыя подаянія. Когда же Паисій возвращался къ себѣ на родину, то въ Путивлѣ всѣхъ этихъ архонтовъ и архимандритовъ онъ обобралъ до послѣдней копейки и отпустилъ. - Таковъ былъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей греческой церкви - патріархъ; каковы же были люди, которые стояли ниже?

Между прочимъ, въ свитѣ этого патріарха Паисія пріѣхалъ въ Москву человѣкъ, которому суждено было впослѣдствіи играть очень видную роль при исправленіи книгъ. Это былъ Арсеній - грекъ. Объ этомъ старцѣ Арсеніи - грекѣ отзывались неодобрительно всѣ наши расколоучители; мало того, о немъ далъ неодобрительный отзывъ и самъ патріархъ Паисій: онъ высказалъ сомнѣніе въ томъ, что Арсеній - грекъ былъ православнымъ. Впослѣдствіи п. Никонъ защищалъ Арсенія, говорилъ, что его напрасно оклеветали и сдѣлалъ его приближеннымъ своимъ человѣкомъ. Но эта защита не совсѣмъ правильна. Мы знаемъ, что Арсеній былъ человѣкъ чрезвычайно покладистый въ религіозномъ отношеніи. Въ Венеціи, гдѣ онъ учился въ іезуитской школѣ, онъ былъ католикомъ. Вернувшись въ Константинополь, онъ возвратился въ православіе. Затѣмъ принялъ магометанство, въ Молдавіи опять перешелъ въ православіе, въ Польшѣ былъ уніатомъ; пріѣхавши въ Москву онъ притворился православнымъ; а когда его, послѣ обвиненія въ неправославіи, сослали въ Соловецкій монастырь, то онъ такъ умѣло притворился, крестился тремя перстами, говорилъ монахамъ: "воистину, братья, у насъ вѣры нѣтъ", - и такъ расположилъ ихъ къ себѣ, что они дали Никону лучшій отзывъ.

Такіе образчики еще болѣе укрѣпляли отрицательный взглядъ на грековъ. Такъ что и сказанія (напр. о третьемъ Римѣ), появившіяся въ это время, и всякіе образцы нравственнаго паденія, грековъ, - все это вызывало отрицательное къ нимъ отношеніе со стороны русскихъ.

Къ этому же времени относится цѣлый рядъ столкновеній съ иноземцами западной Европы, которыя вызываютъ опасенія за самобытность и за національность. Эти опасенія повліяли на образованіе и распространеніе мнѣній, что скоро наступитъ антихристово царство. Въ половинѣ XYII столѣтія появляются двѣ книги, переведенныя съ западно-русскаго нарѣчія: Кириллова книга и книга о вѣрѣ. Въ нихъ предсказывалось, что скоро наступитъ антихристово царство: Римъ отпалъ отъ вѣры, отпала и Малороссія, и когда настанетъ 1660-й годъ, то нужно опасаться всѣмъ какъ бы и намъ - въ московскомъ государствѣ не впасть въ конечную пагубу; былъ даже указанъ и такой годъ, когда должно было совершиться отпаденіе отъ православія.

Изъ этого вы видите, что время было довольно тревожное, время опасеній за будущее, потому что представлялась самобытность исказить вѣру. Поэтому, новшества, которыя заводятся въ Москвѣ, еще болѣе на-

чинають тревожить москвичей. А новшества эти исходять оть кружка Стефана Вонифатьева (Стефань, какь я говориль, завель единогласіе, проповѣди и пр.). Кь этому кружку быль близокь Ѳедорь Михайловичь Ртищевь человѣкь пользовавшійся расположеніемь царя. Подь вліяніемь этого кружка и всякихь духовныхь лиць, Ртищевь начинаеть говорить о томь, что необходимо завести вь Москвѣ школу и самь приступаеть кь этому дѣлу. Вь 40-хь годахь быль цѣлый рядь сношеній московскаго правительства сь восточными патріархами относительно устройства школы. Сначало дѣло шло очень неудачно; быль, напр., такой случай. Быль приглашень вь 46 году вь Москву цареградскій архимандрить Венедикть; почти цѣлый годь онь занимался устройствомь школы, но потомь ему не понравилось вь Москвѣ: какіе то вредные люди, какь онь жаловался, которые считали себя мудрецами, находили его непригоднымь кь тому дѣлу, которое ему припоручили; и чтобы его занять хоть чѣмь ниб., поручили ему перевести латинскую книгу обь индійскомь царствѣ; онь и перевель. Затѣмь, обнаружились разные нечистые поступки этого архимандрита Венедикта, ему посовѣтовали не называться никогда учителемь, дали милостыню и отправили на родину. Затѣмь, пріѣзжаль этоть Паисій. Паисій началь указывать на недостатки вь церковной службѣ, и, между прочимь, благоларя его указаніямь, будущій патріархь Никонь и Ѳедорь Михайловичь Ртищевь начинають заботиться обь исправленіи церковной службы, что находило сочувствіе и вь кружкѣ Стефана Бонифатьева. Вмѣстѣ сь тѣмь изь Кіева вызываются православные монахи, которые должны были устроить школу. Царь Алексѣй Михайловичь написаль митрополиту кіевскому Сильвестру Коссову, чтобы онь прислаль двухь иноковь, знающихь греческій языкь и знакомыхь сь Св. Писаніемь, и чтобы эти монахи перевели библію на славянскій языкь. Пріѣзжають двое - Арсеній Сатановскій и Епифаній Славинецкій; и поручено устроить училище. Около того же времени Ртищевь заводить училищи вь нѣсколькихь верстахь оть Москвы при церкви Андрея Стратилата; онь вызваль изь разныхь монастырей учителей и вь настоятели даль какого-то Досифея. Ртищевь вообще любиль ученыхь людей, проводиль цѣлыя ночи вь разныхь бесѣдахь сь ними и очень заботился о своей школѣ.

Эти новшества Ртищева возбудили вь Москвѣ разные толки, далеко не сочувственные. Мы знаемь такой факть, который характеризуеть тревогу москвичей. Вь 1650 г. 3 Апр. кь боярину Милославскому царскому окольничьему явился чернець Сауль и заявиль, что за нимь государево дѣло (доносъ политическаго свойства) и просиль доложить государю обь этомь. Милославскій доложиль, и чернець сказаль царю: вь нынѣшнюю зиму 5 Марта, кь нему вь келью пришли Ивань Васильевичь Засѣцкій, Лукіань Тимофеевичь Голосовь и дьякь Благовѣщенскаго собора (вь которомь настоятелемь быль Стефань Вонифатьевь) Константинь Ивановь и шептали между собой: учится у кіевлянь грамотѣ Ѳеодорь Михайловичь Ртищевь, а вь той грамотѣ еретичество. Голосовь говориль такь: скажи, пожалуйста, Благовѣщенскому попу, что я у старцевь учиться не хочу, они старцы недобрые, теперь я хочу угодить Ртищеву, боюсь его, а впередь учиться не хочу; кто научится латыни, тоть совратится сь пути. Церковниковь, Ивань Озеровь и др. поѣхали доучиваться у кіевскихь старцевь латыни; попу Ѳомѣ, который быль ихь духовнымь отцемь, говорили: не отпускай, потому что Богь взыщеть на твоей душѣ. Но тоть отвѣчаль: я радь бы не пустить, но они мало меня слушають. Говорили также, что часто бываеть у Ртищева важный бояринь Морозовь и что Василій Ивановичь кажется православнымь только для "прилики людской", а это явное дѣло, что онь самь уклонился кь тѣмь же ересямь.

Это характеризуеть настроеніе москвичей: только что явилась школа, какь забили тревогу, заговорили, будто протопопы "враки вракують" будто авторитетные эти люди никакого знанія не имѣють. Изь этого всего видно, что вь Москвѣ вь это время было двѣ партіи: одна, которая стремится впередь, которая хочеть ввести разныя новшества, другая же партія, гораздо болѣе обширная, встрѣчающая сочувствіе вь населеніи, которая боится всего новаго и видить вь немь нѣкоторое еретичество; вь этой партіи послѣдней есть и такіе люди, которые, пожалуй, готовы до-

пустить кое какія исправленія, но къ этому должно идти осторожно.

Изъ этого видно, что было такое переходное время, когда нуженъ былъ какой ниб. самый незначительный толчекъ, чтобы было нарушено равновѣсіе между требованіями людей новаго и стараго направленія. Такой толчекъ скоро представился: умеръ п. Іосифъ. Въ управленіе этого патріарха совершилось много важныхъ событій въ русской церкви, но самъ онъ былъ какъ то въ сторонѣ; подъ конецъ его жизни церковными дѣлами завѣдовалъ кружокъ Стефана. Подъ конецъ своей жизни п. Іосифъ впалъ въ такое состояніе, которое граничило съ умственнымъ разстройствомъ; онъ былъ до крайности бережливъ и стяжателенъ; ни одинъ патріархъ не оставилъ такой большой"домовой казны" какъ Іосифъ. Онъ копилъ деньги, вѣроятно, изъ боязни потерять мѣсто. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ описывалъ его имущество послѣ его смерти и нашелъ 13,400 рублей (не нужно забывать, что тогдашній рубль равнялся 20-ти нашимъ); это для патріарха была очень значительная сумма; кромѣ того, онъ оставилъ много серебряныхъ вещей. Царь Алексѣй Михайловичъ очень добродушно это описываетъ говоря,что все это у него не было записано; все это онъ наизусть вѣдалъ и все было въ замѣчательномъ порядкѣ; здѣсь были ружья и сабли, всѣ они были смазаны и на нихъ не было ни ржавчины, ни пыли (на что нужны были патріарху сабли и ружья,трудно сказать). Видя, какъ возвышается Никонъ, Іосифъ началъ опасаться, что его хотятъ смѣнить, говорилъ, что если не смѣнятъ, то онъ самъ станетъ проситься въ отставку, и, какъ пишетъ Алексѣй Михайловичъ, онъ даже денегъ приготовилъ на дорогу.

Послѣ Іосифа предстояло избрать новаго патріарха. По своему положенію и вліянію на царя однимъ изъ первыхъ кандидатовъ былъ Никонъ Новгородскій сынъ бѣдныхъ родителей онъ въ раннемъ дѣтствѣ испыталъ притѣсненія отъ злой мачихи, но эти притѣсненія выработали крѣпкій и сильный характеръ. Выучившись грамотѣ, онъ занялся чтеніемъ книгъ. Въ книгахъ онъ встрѣчалъ образцы сильныхъ духомъ подвижниковъ и любилъ подражать имъ. Потомъ онъ поступилъ въ монастырь Макарія Желтоводскаго (недалеко отъ Новгорода) , но по просьбѣ родныхъ онъ вышелъ оттуда и женился.Но въ мірѣ онъ не могъ долго оставаться онъ почти насильно заставилъ жену постричься (x)), а самъ ушелъ въ скитъ старца Елеазара. Уставъ этого скита очень строгій, но Никонъ сверхъ этого устава исполнялъ свой особый подвигъ. Однако онъ такъ вооружилъ противъ себя Елеазара, что тотъ и смотрѣть на него не хотѣлъ. Тогда Никонъ поступилъ въ Кожеозерскій монастырь, гдѣ предался чтенію Св. Писанія. О немъ разнеслась слава,какъ о замѣчательномъ начетникѣ и книжникѣ, его выбрали въ игумены, и вотъ въ 1646 г. ему пришлось пріѣхать въ Москву по монастырскимъ дѣламъ. Здѣсь онъ видѣлся съ царемъ,на котораго произвелъ сильное впечатленіе; Никонъ остался въ Москвѣ настоятелемъ Спасскаго монастыря. Съ этого времени начинается его дружба съ царемъ, который любилъ съ нимъ бесѣдовать. Царь поручилъ ему принимать прошенія отъ людей обиженныхъ и недовольныхъ чѣмъ ниб. Кромѣ того, Никонъ заявляетъ себя въ разныхъ церковныхъ преобразованіяхъ, причемъ дѣйствуетъ за одно съ кружкомъ Стефана, и обращаетъ на себя вниманіе тѣхъ греческихъ духовныхъ лицъ, которыя замѣчаютъ безпорядки и уклоненія въ русской церкви отъ порядковъ принятыхъ на востокѣ; эти духовныя лица дѣлаютъ Никону "зазиранія" на счетъ русскихъ обрядовъ. Никонъ, какъ человѣкъ умный, принимаетъ къ свѣдѣнію эти замѣчанія духовныхъ лицъ, и приходитъ къ мысли, что при исправленіи всякихъ недостатковъ въ церковной жизни нѣтъ возможности идти старымъ путемъ, что нужно усилить вліяніе грековъ и малороссовъ. Въ 1646 г. онъ назначенъ новгородскимъ архіепископомъ.Здѣсь обнаружился его крутой и непре-

---

(x)
Даже біографъ расположенный къ Никону, не скрываетъ, что жена хотѣла вернуться изъ монастыря.

клонный характеръ. Въ Новгородѣ былъ мятежъ; во время этого мятежа онъ заявилъ себя человѣкомъ, который ничѣмъ не можетъ поступиться и готовъ на всякія страданія за убѣжденія. Никона такъ избили тогда, что онъ кровью кашлялъ и едва не умеръ. - Но въ тоже время такіе люди сказываются иногда способными къ деспотизму. На него жаловались новгородцы, что онъ "чинитъ въ міру великія смуты, что онъ притѣсняетъ ихъ. Затѣмъ былъ такой фактъ. Въ 50-хъ годахъ, незадолго до смерти п. Іосифа. Никонъ былъ посланъ въ Соловецкій монастырь за мощами Филиппа; съ Никономъ отправлено было нѣсколько бояръ, съ которыми онъ обращался нѣсколько круто заставлялъ поститься и молиться. Боярамъ такъ тяжело приходилось съ нимъ, что въ письмахъ къ царю и друзьямъ они жаловались, что совсѣмъ пропали; лучше имъ, говорили они, было бы въ Сибири съ княземъ Лобановымъ, чѣмъ съ новогородскимъ митрополитомъ, такъ какъ тотъ силою заставляетъ говѣть, а никого не заставишь силою въ Бога вѣровать - Въ вопросѣ о выборѣ новаго патріарха имѣлъ особенное значеніе кружокъ Стефана: Этимъ людямъ поручено было озаботиться выборомъ патріарха. Стефанъ и его единомышленники сошлись, постились цѣлую недѣлю, молились Богу и подали челобитную государю о томъ, чтобы патріархомъ назначить Стефана. Это интересный фактъ, что протопопы не хотѣли назначить Никона, не смотря на то, что были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ Они видѣли, что Стефанъ гораздо мягче, чѣмъ Никонъ, что Никонъ слишкомъ круто повернетъ дѣло въ ту сторону, въ которую они вели его доселѣ тихо, чего они опасались. И вотъ Стефанъ казался имъ болѣе покладистымъ, более подходящимъ къ ихъ взглядамъ. Однако прошеніе этихъ протопоповъ не было принято Алексѣемъ Михайловичемъ; онъ самъ указалъ кандидата, именно - Никона. Было отправлено письмо къ нему, чтобы онъ поторопился, и чрезъ нѣкоторое время онъ возвратился въ Москву. Произошло его поставленіе. Скоро онъ расходится съ кружкомъ; сперва, какъ разсказываетъ Аввакумъ, онъ былъ съ ними яко лисъ, а затѣмъ пересталъ впускать къ себѣ въ крестовую палату, такъ что съ самаго начала его патріаршества между нимъ и протопопами начинается охлажденіе. Охлажденіе это со временемъ становится все болѣе рѣзкимъ, особенно послѣ одного распоряженія Никона по вопросу объ исправленіи. Является протестъ, перешедшій потомъ въ расколъ.

Въ прошлый разъ я упомянулъ о значеніи Никона въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ. Никонъ сразу повернулъ дѣло такъ, что книги должны были исправляться не по-старому, а новымъ способомъ - приведеніемъ въ согласіе съ греческими образцами. Но кому же поручить это дѣло? Тѣ люди, которые раньше занимались этимъ исправленіемъ, были неподходящими, потому что не знакомы были съ греческимъ языкомъ; слѣдовательно, нужено было поискать людей свѣдующихъ. Въ Москвѣ былъ Арсеній-грекъ. Что это за человѣкъ былъ, вамъ уже извѣстно, и, конечно

его появленіе должно было возбудить нѣко рые толки въ московскомъ обществѣ. Существуетъ мнѣніе профессора здѣшней духовной Академіи Николаевскаго, что Арсеній вначалѣ не имѣлъ никакого отношенія къ книжному исправленію; основывается это мнѣніе на томъ, что Арсеній назначенъ былъ справщикомъ только 1654 года. Между тѣмъ онъ ѣздилъ въ Новгородъ покупать для Никона разныя церковныя книги, и ему поручались письменныя и переводныя работы. Эти факты, конечно, являются очень вѣскимъ доказательствомъ того, что Арсеній въ это время имѣлъ уже нѣкоторое отношеніе къ исправленію книгъ. Вѣдь не даромъ, не для какого-ниб. любопытства, патріархъ поручалъ ему переводы. - Въ это время является и другое лицо, которое, безъ всякаго сомнѣнія принимаетъ участіе въ книжномъ исправленіи (это утверждается и проф. Николаевскимъ); это чудовскій монахъ Евфимій. Онъ былъ ученикъ Епифанія Славинецкаго и для своего времени былъ человѣкъ широко образованный; онъ прекрасно зналъ греческій польскій и латинскій языки и отчасти еврейскій. Такимъ образомъ, Евфимій своими знаніями превосходилъ всѣхъ московскихъ ученыхъ и былъ наиболѣе подходящимъ для новой дѣятельности.

Въ Октябрѣ 1652 г., послѣ перемѣнъ въ составѣ печатнаго двора, Никонъ приказалъ приступить къ печатанію т н. слѣдованной псалтири (псалтирь съ собраніемъ молитвъ въ извѣстномъ расположеніи. Въ этой псалтири приказано при извѣстной молитвѣ Евфрема Сирина сократить число земныхъ поклоновъ. Вмѣсто земныхъ поклоновъ приказано было въ нѣкоторыхъ случаяхъ кланяться въ поясъ; отмѣнялось крестное двуперстное знаменіе.

Вскорѣ послѣ этого распоряженія среди справщиковъ, дѣйствовавшихъ раньше начался ропотъ, и были удалены изъ нихъ три человѣка; особенно важно было удаленіе Ивана Насѣдкина. Это былъ человѣкъ пользовавшійся большимъ значеніемъ въ московскомъ обществѣ, принимавшій самое дѣятельное участіе въ спорахъ по принятію православія датскимъ королевичемъ Вольдемаромъ. Слѣдовательно, это лицо должно было обратить на себя общее вниманіе, и его удаленіе должно было вызвать толки не совсѣмъ пріятные для Никона. Эти лица, удаленныя отъ должностей были близки и къ кружку Вонифатьева, и, конечно, въ этомъ кружкѣ зароникаютъ разные тревожные разговоры, тѣмъ болѣе, что кружокъ въ это время потерялъ свое вліяніе, такъ какъ новый патріархъ пересталъ пускать своихъ прежнихъ друзей въ крестовую палату (въ свою гостинную)

Все было довольно спокойно и раздавался только глухой ропотъ, пока не явилось оффиціальное распоряженіе патріарха, касающееся земныхъ поклоновъ и двуперстнаго знаменія Это оффиціальное распоряженіе до насъ недошло, мы знаемъ о немъ изъ автобіографіи Аввакума, причемъ Аввакумъ не совсѣмъ точно передаетъ содержаніе его, онъ говоритъ, будто отмѣнялись совсѣмъ земные поклоны, тогда какъ они не отмѣнялись, а только уменьшалось число ихъ. Но когда это распоряженіе пришло въ Казанскій соборъ, гдѣ служилъ Иванъ Нероновъ. то къ нему собралась вся опальная братія посовѣтоваться, что предпринять. Въ этомъ случаѣ весьма важное обстоятельство, - что протопопы сошлись не у Стефана Вонифатьева а у Неронова; изъ этого можно заключить, что Стефанъ склонялся къ новому направленію во главѣ котораго стоялъ Никонъ. Между тѣмъ протопопы заранѣе готовы были встрѣтить неодобрительно всякое распоряженіе, исходившее отъ Никона, потому что это распоряженіе, по ихъ взгляду, должно было исходить не прямо отъ Нико

на, а отъ Арсенія-грека и его товарищей. Теперь начались дѣйствія новыхъ справшиковъ, и протопопы не знали какъ отнестись къ этому факту; они были смущены ; какъ выражался Аввакумъ , - "зима хощетъ быти,сердце озябло, ноги задрожали".

Въ такомъ смущеніи Нероновъ отправился въ Чудовъ монастырь, оставилъ церковь на попеченіе Аввакума а самъ заперся въ палаткѣ, цѣлую недѣлю постился и молился и наконецъ услышалъ голосъ Спасителя, что настало время страданій, что Россіи грозитъ отпаденіе отъ вѣры и нужно сопротивляться. Слова, которыя онъ слышалъ, передаются различно имъ самимъ и Аввакумомъ. Нероновъ въ своемъ письмѣ, написанномъ къ Стефану чрезъ два года послѣ этого факта, сообщаетъ: "По благословенію Божію,на первой недѣлѣ великаго поста гласъ пришелъ отъ образа Спаса такой:Іоанне, дерзай и не убойся до смерти; подобаетъ вамъ страдать неослабно о Моемъ Имени, да не постраждетъ днесь Россія, какъ юниты" (т.е. уніаты). Аввакумъ же чрезъ 20 лѣтъ въ своей автобіографіи о томъ же фактѣ такъ говоритъ: "и тамъ ему былъ голосъ во время молитвы время пріиде страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати". Такое различіе въ этихъ двухъ показаніяхъ приводитъ профессора Московской духовной Академіи Субботина и митр. Макарія къ такому заключенію, что этого видѣнія никогда не было, что оно сочинено впослѣдствіи Нероновымъ и Аввакумомъ. Но посмотримъ отчего такая разница. Здѣсь прежде всего не слѣдуетъ забывать, что Аввакумъ сообщалъ объ этомъ фактѣ чрезъ 20 лѣтъ послѣ того, какъ онъ совершился. Слѣдовательно, онъ очень легко могъ, не смотря на свою замѣчательную память (особенно на подобные случаи,- какъ выражается проф. Субботинъ), забыть подробности этого факта и ограничился передачей общаго смысла тѣхъ словъ, которыя слышалъ Нероновъ; а между тѣмъ общій смыслъ въ передачѣ Аввакума очень близокъ къ передачѣ Неронова. Голосъ этотъ говорилъ Неронову "дерзай и не убойся до смерти"; и Аввакумъ передаетъ: "подобаетъ вамъ страдати неослабно": и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы видимъ призывъ къ страданію. Нероновъ слышалъ: "днесь постраждетъ Россія якоже юниты,а Аввакумъ: "время приспѣ страданію": т.е., Настало время пострадать, но не опредѣляетъ, для кого это страданіе; но ясно, что страданіе наступило для Россіи и для православныхъ.

Затѣмъ Субботинъ обращаетъ вниманіе на то, что эти слова-"чтобы не пострадала Россія какъ уніаты"- взяты изъ книги о вѣрѣ. Но что же тутъ удивительнаго, если Нероновъ могъ слышать эти слова изъ книги о вѣрѣ, когда эти слова были у всѣхъ на умѣ въ это тревожное время.

Все это я говорю не съ тѣмъ, чтобы доказать, что съ Нероновымъ говорилъ Самъ Спаситель; такого чуда никакъ не могло быть въ настоящемъ случаѣ. Но если разсмотрѣть этотъ фактъ съ точки зрѣнія историковъ психологической, то въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Слова эти занимали всѣхъ расколоучителей, какъ признаетъ и Субботинъ; всѣ были въ тревогѣ, особенно Нероновъ, который постился и молился; такъ что состояніе галлюцинаціи было вполнѣ естественно и галлюцинація должна быть такого свойства, что ему былъ какой то голосъ, который предупреждалъ о возможности близкой опасности, близкаго страданія. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія исторической этотъ фактъ не представляетъ ничего не вѣроятнаго.

Послѣ такого видѣнія Иванъ Нероновъ поспѣшилъ сообщить о такомъ фактѣ Павлу Коломенскому, Даніилу Костромскому, Аввакуму. Даніилъ и Аввакумъ сейчасъ же составили прошеніе къ царю, въ которомъ сдѣлали выписки изъ Св.Писанія въ защиту поклоновъ и двуперстнаго сложенія. Царь отдалъ это прошеніе Никону, но Никонъ на этотъ разъ ровно ничего не сдѣлалъ противникамъ; вѣроятно, онъ не хотѣлъ преслѣдовать людей которые еще недавно пользовались большимъ авторитетомъ въ московскомъ обществѣ и недавно были его друзьями. Это обстоятельство служитъ доказательствомъ, что Никонъ вначалѣ былъ настроенъ довольно мирно. Дѣло на время заглохло.

Но опять является небольшой фактъ, который подливаетъ масла въ

огонь, который заставляетъ страсти разгораться. Дѣло было самое пустое, дѣло чисто личнаго свойства. Къ кружку Стефана Бонифатьева принадлежалъ муромскій протопопъ Логгинъ. Въ 1553 году на него была подана жалоба. Патріархъ собралъ въ крестовой палатѣ Освященный соборъ (х) для суда надъ Логгиномъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ похулилъ имя Спасителя, Богородицы и всѣхъ святыхъ. Въ сущности, какъ мы узнаемъ изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, дѣло было самое пустое, и обвиненіе не заключало никакихъ основаніи. Дѣло въ слѣдующемъ. Жена муромскаго воеводы пришла къ Логгину подъ благословеніе. Логгинъ взглянулъ на нее, и ему показалось, что она набѣлилась и спрашиваетъ: набѣлина ли ты? Тогда присутствующіе говорятъ: что ты, протопопъ, хулишь бѣлила? Вѣдь безъ бѣлилъ не пишутся и образа Спасителя, Богородицы и всѣхъ святыхъ. Логгинъ на это отвѣтилъ, что если тотъ составъ, которымъ пишутся образа положить на ваши рожи, то вы и сами не захотите, и прибавилъ Самъ Спаситель является честнѣе образовъ. Такимъ образомъ со стороны Логгина никакой хулы не было; но сейчасъ нашлись услужливые люди, которые это перетолковали въ смыслѣ богохульства. Логгинъ преданъ былъ суду, и на судѣ разыгралась очень страстная сцена, - произошелъ яростный споръ между Иваномъ Нероновымъ и Никономъ. Нероновъ сталъ обвинять Никона въ томъ, что онъ дѣйствуетъ пристрастно, что онъ отстранилъ отъ себя всѣхъ прежнихъ друзей, что онъ притѣсняетъ Логгина, что онъ вѣритъ клеветамъ, которыя на него взводятся. Патріархъ оправдывался, говорилъ, что онъ дѣйствуе[illegible] какъ повелѣваютъ свящ. правила; но Нероновъ не унимался, даже сталъ называть его лжецомъ. Тутъ мы видимъ, что Нероновъ нисколько не [illegible]вается; но тотъ источникъ, который мы имѣемъ, не можетъ считаться вполнѣ достовѣрнымъ, потому что здѣсь желаютъ представить Никона не могущимъ ничего отвѣтить на разныя обвиненія, которыя на него сыплются въ невѣроятномъ количествѣ. Противъ Неронова выставлены были разныя обвиненія, и дѣло перешло прямо на личную почву; стали говорить о женѣ Неронова о его сынѣ который будто бы укралъ серьги, данныя церкви царицей; Нероновъ не вытерпѣлъ и назвалъ патріарха лжецомъ.

Такая грубая сцена, такое непочтеніе къ церковному авторитету, не могли остаться безъ наказанія: Нероновъ былъ взятъ подъ стражу и заключенъ въ монастырь. Вскорѣ былъ взятъ подъ стражу и Аввакумъ, который оставался вмѣсто Неронова въ Казанскомъ собор[illegible]. Аввакумъ совершилъ проступокъ, который тоже не могъ оставаться безнаказаннымъ: онъ задумалъ служить всенощную въ сушилѣ; онъ поссорился съ попами подчиненными Неронову, и они его не пустили служить всенощную въ Казанской церкви; тогда онъ собралъ человѣкъ 50 прихожанъ и совершилъ всенощную въ сушилѣ. Конечно, совершеніе такого важнаго богослуженія являлось преступленіемъ, Аввакумъ и всѣ бывшіе съ нимъ арестованы и чрезъ нѣсколько дней Аввакумъ, Даніилъ и Нероновъ разосланны въ разныя отдаленныя мѣста въ ссылку.

Такъ произошло первое столкновеніе, послужившее началомъ для нашего раскола. Повидимому во всемъ этомъ причины были чисто личнаго свойства, факты столкновенія объясняются чисто личными мотивами; но нельзя останавливаться на одной поверхности фактовъ, нужно идти глубже; а мы знаемъ уже, что причины были гораздо болѣе глубокія, тутъ былъ цѣлый рядъ столкновеній культурнаго свойства съ иноземцами, въ большомъ количествѣ приходившими въ Россію и оказывавшими вліяніе на русскихъ людей. Русское общество было уже въ тревожномъ настроеніи;

(х) Собраніе разныхъ высшихъ представителей церкви - епископовъ, архимандритовъ и нѣкоторыхъ особенно уважаемыхъ священниковъ.

оно ожидало, что его православію, его народности грозитъ крайная опасность; въ это время какъ-разъ ставится рѣзкій вопросъ объ исправленіи книгъ богослужебныхъ, и въ этомъ вопросѣ высшее духовное правительство склоняется въ ту сторону, гдѣ видитъ что то новое, къ этому дѣлу привлекаютъ малоросовъ послѣдствій. Въ этихъ грекахъ и малороссахъ еще раньше видѣли еретиковъ, отступившихъ отъ истинъ православной вѣры ; слѣдовательно тревожное настроеніе встрѣчаетъ себѣ полную пищу, и только незначительное личное столкновеніе послужило поводомъ къ сильному движенію. Объяснять это движеніе только личной враждой къ патріарху Никону, какъ это дѣлалось довольно долгое время историками нашими, представляется совершенно невозможнымъ. Исторія не допускаетъ, чтобы важныя историческія событія объяснялись дѣйствіемъ отдѣльныхъ личностей. Въ исторіи мы иногда имѣемъ очень тѣсную связь причинъ и слѣдствій, но вездѣ главнѣйшую роль играетъ общественное настроеніе; что нибудь личное никогда не можетъ произвести какихъ ниб. важныхъ наслѣдствій въ народной жизни; ни одна личность, какъ бы она велика ни была, по своему внутреннему существу, не можетъ произвести сколько ниб. крупнаго переворота въ жизни общественной, разъ этотъ переворотъ не былъ подготовленъ разъ эта личность не имѣетъ связи съ прошлымъ своего общества. Объ этомъ намъ придется вспомнить, когда будемъ говорить о Петрѣ В., о значеніи его реформы; мы увидимъ что Петръ Великій, не смотря на свою геніальность, имѣлъ успѣхъ въ дѣятельности только потому, что онъ опирался на нѣчто уже подготовленное, онъ удовлетворилъ извѣстныя уже назрѣвшія общественныя потребности. Точно также и расколъ не можетъ быть объясненъ личными причинами; онъ истекаетъ изъ цѣлаго ряда явленій общественныхъ, въ которыхъ подкладкой было религіозное сознаніе общества - желаніе сохранить вѣру въ неприкосновенности.

Со времени появленія у насъ раскола мы можемъ сказать, что наша литература распадается на два теченія: одно теченіе раскольническое, которое не смотря на присутствіе среди раскольниковъ весьма выдающихся талантовъ, держится старыхъ формъ, и потому не можетъ дать сколько ниб. выдающагося произведенія среди нихъ, какъ я укажу, есть весьма выдающіеся писатели, но эти писатели не проводятъ въ жизнь никакихъ новыхъ идей; они даже являются врагами новыхъ идей, они стараются сохранить только то, что было выработано старой жизнью; и поэтомъ сохраняются не только старыя идеи, но и формы старыя; поэтому, въ раскольнической литературѣ не можетъ быть дальнѣйшаго развитія. Она представляется количественно чрезвычайно богатой, но по содержанію она бѣдна, она представляетъ нѣчто мертвенное, въ ней нѣтъ никакихъ задатковъ, чтобы она произвела что-ниб. оригинальное самостоятельное. Все въ ней исчерпано.

Другое теченіе представляетъ православная литература. Это теченіе подчиняется разнымъ вліяніямъ, сперва идущимъ съ Юга Запада России, а потомъ непосредственно съ нѣмецкаго Запада . Здѣсь, благодаря приливу новыхъ идей, новыхъ формъ, вырабатывается нѣсколько иная литература. Сперва эта литература точно также представляется мертворожденной, какой то мертвенной; но затѣмъ, когда совершилась переработка заимствованныхъ съ Запада идей, когда эти идеи цѣликомъ явились въ сознаніи русскаго общества, тогда явилась возможность созданія оригинальной литературы, и тогда это новое теченіе и даетъ нѣчто такое, что ставитъ нашу литературу въ одно изъ первыхъ мѣстъ среди литературы европейской, даетъ ей значеніе литературы всемірной.

Прежде чѣмъ обратиться къ этому теченію, которое дало извѣстное развитіе, я долженъ остановиться на одномъ представителѣ теченія раскольническаго, именно - протопопѣ Аввакумѣ. Аввакумъ особенно плодотворный писатель; его сочиненія были изданы тѣмъ же проф. Субботинымъ (x)

(x) Въ V и VIII т.т. его "матеріаловъ для исторіи раскола за первое время существованія.

изданы мною; такъ что теперь мы можемъ сказать, что имѣемъ полное собраніе сочиненій Аввакума.

Онъ представляется писателемъ очень плодовитымъ. Но не плодовитостью одною онъ интересенъ; пожалуй, нѣкоторые другіе писатели раскольническіе дали гораздо большее число памятниковъ. Въ его сочиненіяхъ есть посланія къ разнымъ лицамъ, посланія личнаго характера, есть сочиненія, въ которыхъ онъ толкуетъ разные тексты Св.Писанія, затѣмъ, посланія, касающія разныхъ обрядовыхъ вопросовъ (какъ слагать персты, какова форма креста, объ аллилуіи - говорить ли 3 раза или 2 и пр.), затѣмъ, обширное сочиненіе - его автобіографія. Автобіографія Аввакума была издана прежде всего Тихонравовымъ, впослѣдствіи - Субботинымъ и наконецъ мною. Этотъ памятникъ представляется очень интереснымъ, потому что изъ него узнаемъ характерныя особенности аввакумовскаго стиля и его міросозерцанія. Эта автобіографія весьма оригинальнаго свойства: Аввакумъ смотритъ на свою жизнь, какъ на исполненіе воли Божіей, и пишетъ свою біографію для того, чтобы не было предано забвенію дѣло Божіе. Слѣдовательно, вся его жизнь есть дѣло Божіе. Поэтому, въ его автобіографіи мы встрѣчаемся съ разсказами о цѣломъ рядѣ чудесъ. Аввакумъ сообщаетъ о себѣ чрезвычайно много (почти половина автобіографіи изъ этого состоитъ), много говоритъ о чудесахъ, но тутъ очень часто встрѣчаются такіе факты, которые ровно ничего чудеснаго не заключаютъ; напр., Аввакумъ разсказываетъ, что онъ лечилъ людей масломъ и святой водой: иногда масломъ, дѣйствительно, можно лечить и для этого не требуется и чуда. Или разсказываетъ такой фактъ: Аввакумъ ѣлъ рыбу и поперхнулся рыбьей костью въ это время дѣвочка - его дочка разбѣжалась и ударила его кулакомъ въ спину, онъ избавился отъ несчастія и считаетъ это чудомъ: ребенка научилъ Богъ, Богъ спасъ святаго. Такимъ обр., Аввакумъ разсказываетъ обыкновенные факты, какъ чудесные. Затѣмъ, разсказываетъ факты невѣроятные, что можетъ быть объяснено, какъ литературное заимствованіе: нѣчто подобное, что разсказываетъ Аввакумъ, случилось съ какимъ ниб. святымъ. Въ этомъ случаѣ мы не должны предполагать, что Аввакумъ намѣренно лжетъ; можетъ быть съ Аввакумомъ былъ случай, подходившій къ тому, что описано въ житіи какого ниб.святого, и вотъ у него разыгрывается фантазія, онъ прибавляетъ подробности совершенно невольно; этимъ подробностямъ онъ вѣритъ, и такъ создаетъ разсказъ о чудѣ. Кромѣ того, есть у Аввакума нѣкоторые поучительные разсказы, которые тоже напоминаютъ житія святыхъ. Въ этомъ случаѣ опять является вопросъ какъ же могло случиться такое совпаденіе, какъ могло статься, что съ Аввакумомъ совершались такіе, напр., случаи соблазна, какъ и съ извѣстнымъ святымъ? Можно думать, что, вспоминая, какъ въ томъ или другомъ житіи поступилъ извѣстный святой во время искушенія, Аввакумъ подражалъ этому святому, такъ что тутъ могло быть уже не литературное заимствованіе, а фактическое. Затѣмъ, это житіе интересно по тому, какъ Аввакумъ изображаетъ враговъ и друзей. Враги представляются въ самыхъ мрачныхъ чертахъ, хотя нельзя сказать, чтобы здѣсь было пристрастіе; иногда о врагахъ онъ выражается мягко. Конечно, о друзьяхъ рѣчь идетъ въ совершенно иномъ тонѣ. Затѣмъ, мы видимъ, что онъ стоялъ за религіозную терпимость; онъ говоритъ, что только турецкій Богъ Махмедъ (тутъ, конечно, обнаруживается его невѣжество: Магометъ, конечно, не Богъ) приказалъ противящихся обращать въ вѣру ме-

чемъ, а Христосъ зоветъ въ свою вѣру волею. Такимъ обр. онъ отрицаетъ всякія преслѣдованія за вѣру; однако, можно сказать, что если бы онъ былъ въ роли торжествующаго, то преслѣдовалъ бы враговъ. Онъ такъ говорилъ царю Алексѣю Михайловичу: "если бы ты, царь далъ волю, то я этихъ собакъ никоніанъ распластал бы въ одинъ день, какъ и пророкъ это сдѣлалъ, и я надѣюсь, что этимъ не осквернилъ бы рукъ, а только освятилъ бы". Такимъ обр., онъ не чуждъ былъ крайней нетерпимости, которая напоминаетъ старое іосифлянство; но видить въ этомъ настоящее іосифлянство намъ не позволяетъ нѣчто другое, что можетъ быть поставлено въ связи съ направленіемъ Іосифа и Нила Сорскаго. - Затѣмъ, по своему стилю Аввакумъ былъ замѣчательный реалистъ; это былъ проповѣдникъ который былъ совершенно понятенъ той публикѣ, съ которою бесѣдовалъ. Въ его сочиненіяхъ нѣтъ никакой искуственности; онъ старается говорить такъ, чтобы подходить къ языку и образу мыслей своей паствы; въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ сподвижниковъ Никона, кіевскихъ ученыхъ, которые выражались языкомъ мало понятнымъ, иногда философскимъ. Я приведу нѣкоторые примѣры. Нужно при этомъ еще добавить, что Аввакума языкъ иногда представляется очень грубымъ. У него находимъ страшное количество площадныхъ ругательствъ, такъ что на человѣка не подготовленнаго чтеніе этихъ сочиненій производитъ прямо непріятное впечатленіе; удивляешься, какъ можно быть такимъ циникомъ. Но дѣло въ томъ, что если мы прислушаемся къ рѣчи нашего народа, то замѣтимъ что употребленіе крѣпкихъ словъ является вполнѣ обычнымъ, такъ что представляется только какъ бы украшающимъ рѣчь и способствующимъ большей вразумительности. Тоже самое, только въ гораздо большей степени, было въ XYII вѣкѣ; тогда подобныя слова были въ гораздо большемъ ходу, чѣмъ теперь, и понятно почему Аввакумъ такъ часто ихъ употребляетъ; здѣсь нѣтъ намѣреннаго цинизма, желанія щегольнуть намѣренной грубостью. Я приведу примѣръ, какъ онъ старается примѣниться къ понятію своихъ слушателей, какъ онъ старается представить дѣло въ реальномъ образѣ. Онъ, напр., объясняетъ первыя главы Бытія о сотвореніи міра и грѣхопаденіи первыхъ людей до столпотворенія; онъ разсказываетъ объ этомъ змiѣ, который прельстилъ прародителей и говоритъ что хвостъ змѣи былъ красный, пока она не своровала (-выраженія, которыя понятны были публикѣ); затѣмъ, говоритъ, что у нея были ноги и крылья (этого въ библіи не находимъ; значитъ, - добавленіе для большей наглядности); эта змѣя подползла сначала къ Адаму, но потомъ явилась къ Евѣ, Ева взяла яблоко и т.д. - все какъ въ библіи. Затѣмъ, объясненія: Богъ призываетъ Адама, и Адамъ отзывается на голосъ Божій; Богъ спрашиваетъ, что ты сдѣлалъ? тогда Адамъ отвѣчаетъ: "жена , юже мнѣ далъ еси" (т.е., которую ты мнѣ далъ). Аввакумъ приводитъ этотъ славянскій текстъ не для того, чтобы объяснить публикѣ; онъ сейчасъ же даетъ свое очень реальное объясненіе, что эти слова значили: "на что ты мнѣ такую дуру сдѣлалъ". Конечно, это - слишкомъ реальный способъ объясненія, но такой, который прямо дѣлалъ текстъ очень яснымъ. - Ева говоритъ, что змѣй ее прельстилъ; Аввакумъ здѣсь дѣлаетъ такое замѣчаніе: ну пошло у нихъ кругомъ, другъ на друга переливаютъ, виноватаго нѣтъ, а улика виситъ на шеѣ. Затѣмъ, у него есть очень оригинальное уподобленіе: Адамъ и Ева сравниваются съ современнымъ пьяницею: "какъ пьяные люди, говоритъ Аввакумъ, которые говорятъ на что Богъ сотворилъ хмель? меня вырвали изъ кабака валяюсь на улицѣ, - я не виноватъ, виноватъ хмель; зачѣмъ Богъ его создалъ; такъ и Адамъ и Ева говорятъ, что погибли благодаря тому, что создано древо познанія добра и зла. - Съ такимъ же реальнымъ объясненіемъ встрѣчаемся тамъ, гдѣ говорится о столпотвореніи вавилонскомъ "Столпотвореніе чрезвычайно много принесло заботы роду человѣческому тутъ всѣ были заняты: мужчины и женщины, и ребенокъ пяти лѣтъ и тотъ бѣжитъ съ кирпичемъ и известью на столпъ". Такія забавленія придаютъ живость разсказу, получается картина такая, что слушатель можетъ вообразить себѣ, что такое происходило во время столпотворенія, если

не будетъ ограничиваться сухимъ разсказомъ библіи. - Явленіе Троицы Аврааму тоже сопровождается въ пересказѣ Аввакума однимъ замѣчаніемъ одной черточкой, которая все дѣлаетъ реальнымъ: "Сарра пироговъ напекла". Пироги напеченные для Св. Троицы, конечно, очень человѣкообразное, но ясное выраженіе. Такого рода объясненія дѣлали Аввакума чрезвычайно сильнымъ проповѣдникомъ въ свое время, который былъ доступенъ массѣ, былъ ей понятнымъ и долженъ былъ одѣлаться ея вождемъ. И вотъ мы знаемъ, какъ говоритъ одинъ изъ изслѣдователей, написавшій исторію русскаго раскола, Смирновъ, что каждое слово Аввакума каждое посланіе его зажигало въ расколѣ цѣлый пожаръ, и этотъ пожаръ являлся, благодаря его ученію. Онъ касается не только обрядовъ, не только отдѣльныхъ сторонъ раскольнической жизни, но особенно подробно касается вопроса объ антихристовомъ царствѣ. По его наставленіямъ и разнымъ посланіямъ мы видимъ, что въ мірѣ царствуетъ антихристъ. Раскольники были убѣждены, что если антихристъ еще не царствуетъ, то очень скоро долженъ придти. Вопросъ только въ томъ, какъ придетъ антихристъ. Нѣкоторые говорили, что онъ придетъ духовно,что такого человѣка, котораго можно было бы назвать антихристомъ, не будетъ, а что это какое то вообще двуховное зло, и когда это зло распространится въ мірѣ, тогда, значитъ, и антихристъ явился. Была и другая партія, учившая , что антихристъ долженъ быть какимъ ниб.историческимъ лицомъ. Нѣкоторые видѣли такое лицо въ Никонѣ (x); другіе говорили, что Никонъ не можетъ считаться антихристомъ, потому что,по Писанію, антихристъ долженъ быть не патріархомъ, не духовнымъ лицомъ а царемъ, слѣдавательно, антихристъ, - если не царь Алексѣй Михайловичъ, то какой ниб. изъ близкихъ къ нему преемниковъ. Когда мы будемъ говорить о петровской эпохѣ, то встрѣтимся съ Григоріемъ Палицкимъ, который при помощи разныхъ соображеній пришелъ къ мысли, что антихристъ это Петръ В

Кромѣ ученія объ антихристѣ въ сочиненіяхъ Аввакума развивается весьма важное ученіе о самосожженіи. Самосожженіе въ исторіи раскола сыграло очень важную роль. До нашего времени изслѣдователи не совсѣмъ согласны въ нѣкоторыхъ вопросахъ, какъ возникло самосожженіе. Въ сущности же остается фактомъ почти несомнѣннымъ, что самосожженіе являлосъ какъ средство избавиться отъ преслѣдованій духовной и свѣтской власти; чтобы не отдаться живымъ, раскольникъ предпочиталъ умереть и, такимъ обр., спасти свою душу. Аввакумъ одобрялъ это самосожженіе; хотя мы не можемъ сказать, чтобы онъ одобрялъ такое самосожженіе, которое являлось безъ преслѣдованія со стороны власти.

Аввакумъ касается также многихъ другихъ частныхъ вопросовъ:какъ должно ставить поповъ - раскольниковъ, откуда ихъ брать, можно ли мірянамъ совершать службу и т.д. Въ этомъ случаѣ онъ является раскольническимъ учителемъ, который содѣйствовалъ выработкѣ ихъ основныхъ правилъ жизни и ученія. - На этомъ я закончу обзоръ литературной дѣятельности Аввакума; а теперь обращусь ко второму теченію, которое развивается въ русской литературѣ подъ вліяніемъ ученыхъ, пришедшихъ въ Москву съ [illegible] западной Россіи. Такъ какъ они пришли въ Москву съ юго-западной Россіи, то намъ нужно остановиться нѣсколько на развитіи литературы именно этой мѣстности Россіи, посмотрѣть, каковы тамъ были школы и что могло перейти къ намъ въ Москву.

Литературное движеніе ю. зап. Россіи было вызвано необходимостью отстаивать православную вѣру. Въ концѣ XYI ст. тамъбыла введена

(x)
Таковъ напр., Ефремъ Потемкинъ, учившій, что Никонъ антихристъ, очень многихъ совратилъ.

такъ - наз. брестская унія: часть православныхъ епископовъ, часть духовенства съ міринами признала власть римскаго папы, признала нѣкоторыя отличія, отдѣлявшія римскую Церковь отъ греческой, но сохраняются нѣкоторыя особенности обрядоваго свойства; является какъ бы соединеніе восточной и западной Церквей. Но эта унія не была признана всей православной Церковью, и вотъ началась борьба православныхъ съ уніатами и представителями католической Церкви, особенно съ іезуитами, которые стремились обратить въ католицизмъ населеніе юго-западной России. Для борьбы съ іезуитами являются братства (х). Братства заводятъ школы и выдвигаютъ проповѣдниковъ. Школы нужны были такія, какія были у католиковъ. И вотъ, въ юго-зап. Россіи заводятся школы по образцу іезуитскихъ коллегій. Въ основѣ этихъ школъ была программа схоластическая; она состояла изъ преподаванія т.н. семи свободныхъ художествъ: логики, реторики (или науки объ ораторскомъ искусствѣ), діалектики (науки объ искусствѣ спорить), піитики, теоріи поэзіи и др. Схоластическая наука, состоявшая изъ этихъ семи свободныхъ художествъ не стремилась къ открытію новыхъ истинъ, такъ какъ предполагалось, что вся истина цѣликомъ дана уже въ Св. Писаніи; поэтому философія считалась у схоластиковъ служанкой богословія. Главнымъ авторитетомъ философіи былъ Аристотель. Единственная цѣль изученія философіи заключалась въ доказательствѣ, при помощи чисто формальныхъ пріемовъ, истинъ которыя находились уже въ Св. Писаніи. Сочиненія Аристотеля, которыя извѣстны подъ общимъ названіемъ "Органон", въ схоластическихъ школахъ были изучаемы только въ отрывкахъ, и потому, конечно, изученіе ихъ было далеко не совершенно. Особенное вниманіе было обращено на одну сторону аристотелевской философіи - на діалектику т.е. искусство спорить. Философія излагалась въ цѣломъ рядѣ т.н. диспутацій; диспутаціи раздѣлялись на вопросы и пункты и т.д. Главная цѣль была пріучить слушателей опровергать своихъ противниковъ, или доказать свои мнѣнія при помощи очень искусныхъ пріемовъ. Для этого устраивались примѣрные споры, диспуты; одинъ ученикъ защищалъ какую ниб. мысль, другой долженъ былъ ее опровергать; опровергать долженъ былъ во что бы то ни стало. Понятно, что при такой постановкѣ этихъ диспутовъ, этихъ споровъ, иногда опроверженіе какого ниб. положенія вытекало не изъ внутренняго убѣжденія споривших, а являлось лишь средствомъ проявить свое свое искусство; проявить умѣнье спорить; получался результатъ не особенно важный: люди научались спорить, но, съ другой стороны, въ нихъ не вырабатывалось какихъ ниб. твердыхъ убѣжденій; если мнѣ сегодня поручатъ доказать одно положеніе, завтра другое, завѣдомо ложное и т.д., то я пріучаюсь доказывать эти завѣдомо ложныя положенія, во мнѣ не вырабатывается убѣжденій, но изъ меня выйдетъ искусный спорщикъ. То же самое мы замѣчаемъ въ схоластическихъ школахъ, то же самое въ ученикахъ нашей юго-запад. школы. Помимо діалектики, большое вниманіе было обращено на проповѣдничество. Іезуиты обыкновенно распространяютъ католицизмъ дѣйствіемъ своихъ проповѣдей; они были искусными ораторами. Для того чтобы бороться съ ними нужно было приготовить такихъ же проповѣдниковъ. И вотъ, въ ю.з. школахъ особенно старательно изучается проповѣдничество Изъ ю.з. школъ наиболѣе замѣчательною была Богоявленская при Богоявленскомъ братствѣ въ Кіевѣ; она многимъ обязана Кіевскому митрополиту Петру Могилѣ; впослѣдствіи она была обращена въ духовную Академію и дала цѣлый рядъ ученыхъ и выдающихся проповѣдниковъ. Перу воспитанниковъ этой школы принадлежатъ многія сочиненія полемическаго характера, ва которыхъ доказываются разныя богословскія истины. Затѣмъ, ими писались проповѣди, стихи и мистеріи т.е. драматическія произведенія. Богословскія сочиненія особенно литературнаго значенія не имѣютъ; для насъ гораздо интереснѣе проповѣди, стихотворенія этой школы и мистеріи. Эти произведенія имѣютъ чисто литературный интересъ, и на нихъ мы остановимся.

(х) Братства были и раньше, какъ благотворительныя учрежденія при Церквахъ, но теперь они являются какъ защита православія.

Въ послѣдній разъ я говорилъ о характерѣ образованности въ юго-западной Россіи. Я указалъ, что въ школахъ ю.з. Россіи однимъ изъ главныхъ средствъ подготовки будущихъ проповѣдниковъ, будущихъ защитниковъ православія, было устройство такъ-наз. примѣрныхъ диспутацій. Кромѣ того, было обращено особенное вниманіе и прямо на искусство проповѣданія были спеціальныя занятія для проповѣдниковъ издавались руководства, какъ составлять хорошія проповѣди Укажу нѣкоторыя пособія для знакомства съ ю. зап. школами, потому что самъ не могу долго останавливаться на нихъ. Для изученія Кіевской духовной Академіи, основанной Петромъ Могилою, очень важны двѣ книги: проф. Голубева "Кіевскій митрополитъ Петръ Могила", проф Петрова "О кіевскихъ школахъ въ XVII в. Какъ популярныя руководства можно указать отдѣльныя брошюры пр. Харьк. Унив. Сумцова. Изъ этихъ брошюръ я укажу прежде всего тѣ, которыя касаются Іоаникія Голятовскаго. Это былъ очень извѣстный проповѣдникъ онъ извѣстенъ также тѣмъ, что оставилъ руководство, какъ составлять проповѣди, его руководство озаглавливается "Наука или способъ сложенія казаній" (т.е. проповѣдей).

Разсматривая тѣ пріемы, которые онъ рекомендуетъ для составленія проповѣдей, мы видимъ, что Голятовскій писатель не оригинальный, онъ кое что заимствовалъ у іезуитовъ. Іезуиты руководились тѣми пріемами, которые переданы отъ древнихъ временъ Квинтиліаномъ и Аристотелемъ. Голятовскій прежде всего касается раздѣленія проповѣди, построенія ея. Проповѣдь должна дѣлиться на четыре части: приступъ или exordium; въ ней проповѣдникъ долженъ стараться заинтересовать слушателей; онъ можетъ разсказать какой ниб. анекдотъ, или лучше всего разсказать о какомъ ниб. чудѣ. Упомянувши объ этомъ въ приступѣ, проповѣдникъ въ одной изъ дальнѣйшихъ частей (narratio) долженъ разъяснить сущность этого чуда. Вторая часть называется предложеніемъ (propositio); въ этой второй части намѣчается въ общихъ чертахъ то, о чемъ проповѣдникъ намѣренъ говорить въ слѣдующей части - третьей (narratio), Narratio составляетъ самую главную часть, и въ ней является подробное изложеніе дѣла. Здѣсь проповѣдникъ доказываетъ тѣ истины изъ Св. Писанія, которыя онъ взялъ предметомъ своей проповѣди. Послѣдняя часть есть (conclusio). Это заключеніе иногда можетъ быть очень искусное; тутъ опять нужно имѣть въ виду, какъ бы заинтересовать слушателей, чтобы они пришли на слѣдующую проповѣдь; съ этою цѣлью предлагаются нѣкоторые пріемы; если проповѣдникъ говоритъ въ цвѣтную недѣлю, а слѣдующая проповѣдь его будетъ на страстной недѣлѣ, то онъ можетъ обѣщать слушателямъ, что скоро настанетъ страшный судъ; и что если они придутъ на его проповѣдь, то они будутъ свидѣтелями страшнаго суда. Придутъ слушатели, а онъ скажетъ: я обѣщалъ вамъ показать страшный судъ, и дѣйствительно, - Пилатъ и іудеи судятъ Іисуса Христа. Такой же ловкій пріемъ можно употребить и въ другомъ случаѣ: можно пообѣщать, что слушателямъ будутъ розданы одежды; соберется, конечно, много публики, потому что каждому захочется получить даромъ одежду. Взойдя на каѳедру, можно сказать: я обѣщалъ вамъ одежды, теперь я далъ вамъ одежды брачныя, потому что безъ этой брачной одежды, т. е., безъ слова Божія, нельзя войти въ Царство Божіе. Такимъ обр., слушатели будутъ обмануты внѣшнимъ образомъ, но за то будетъ достигнута благочестивая цѣль.

Теперь другой вопросъ: какъ же въ этихъ 4-хъ частяхъ расположить проповѣдь? Прежде всего нужно поставить извѣстный вопросъ, взять извѣстный предметъ разсужденія, какую -нибудь тему, положимъ, -о Благовѣщеніи. Но какъ же говорить о Благовѣщеніи? вѣдь если передать этотъ фактъ безъ подробностей, то проповѣдь будетъ слишкомъ коротка; поэтому, нужно развить ее подробностями, и для такихъ подробностей существуютъ такъ называемыя общія мѣста или топики. Проповѣдникъ долженъ задать такой вопросъ: кто сдѣлалъ, что, когда, въ какомъ мѣстѣ, съ кѣмъ и т. д. Изъ отвѣтовъ на эти вопросы получится очень много такихъ фразъ, которыя будутъ украшать проповѣдь. Но одними только та-

кими изворотами словесными проповѣднику ограничиться нельзя, и для того чтобы проповѣдь получила извѣстную полноту, ему нужно прибѣгнуть къ разнымъ источникамъ. Изъ источниковъ онъ отмѣчаетъ прежде всего Св. Писаніе; Св. Писаніе, конечно, всегда было главнымъ источникомъ; но Голятовскій, по примѣру католическихъ ученыхъ, говоритъ, что однимъ Св. Писаніемъ нельзя ограничиться, что къ нему нужно присоединить сочиненія отцовъ Церкви и свѣтскія книги: исторіи, хроники, описанія разныхъ земель, описанія звѣрей, птицъ, камней, насѣкомыхъ и т.д. Этимъ всѣмъ проповѣдникъ долженъ пользоваться; и вотъ, Голятовскій пытается самъ пользоваться хотя бы книгой о камняхъ. Онъ въ одной проповѣди сравниваетъ Христа съ камнемъ драгоцѣннымъ и придаетъ ему разные эпитеты; онъ называетъ Его агатомъ, аметистомъ, кризолитомъ (?) и примѣняетъ къ Нему свойства ихъ: у одного есть блескъ, у другого цвѣтъ, крѣпость.- Къ такимъ же пріемамъ онъ прибѣгаетъ, для того чтобы представить ризу Богородицы. Риза соткана изъ четырехъ нитокъ: льняной, шерстяной, шелковой, золотой, и эти четыре нитки означаютъ четыре добродѣтели Богородицы. Льняная означаетъ терпѣніе; терпѣніе-потому, что когда эту нитку приготовляютъ, то ленъ колотятъ, бьютъ, мучатъ и т. д. - ленъ, словомъ, много претерпѣваетъ. Шерстяная нитка означаетъ чистоту, потому что шерсть вымыта. Шелковая означаетъ покорность, золотая-богатство. Эти пріемы очень важны, чтобы составить хорошую проповѣдь. Но этого мало.

Можетъ случиться такъ, что вдругъ проповѣдь нужно сочинять, а матерія не подходитъ. Тогда можно воспользоваться старой проповѣдью. Если нужно говорить проповѣдь въ праздникъ Святителя, то можно взять проповѣдь о драгоцѣнныхъ камняхъ; указать на то, что въ митрѣ Святителя такіе то камни и перечислить соотвѣтствующія свойства Святителя. Точно также изъ нитокъ, изъ которыхъ сдѣлана риза Богородицы, можно соткать ризу для Онуфрія (если проповѣдь говорится въ день Онуфрія).

Всѣ эти искуственные пріемы дѣлали проповѣдь слишкомъ отвлеченной. Понятно, что слушатели изъ необразованнаго класса, придя въ церковь, очень многаго не понимали, и для большинства проповѣдь была совсѣмъ мертвеннымъ дѣломъ. Поэтому, для насъ особенно интересны такіе проповѣдники, которые въ своихъ проповѣдяхъ проводятъ мысли болѣе реальнаго свойства, имющія непосредственную связь съ жизнью. Такимъ выдающимся проповѣдникомъ былъ Іоаннъ-Вишанскій. Къ сожалѣнію, наши ученые до сихъ поръ слишкомъ мало его изучали. Есть маленькая брошюрка проф. Сумцова, и недавно его сочиненія изданы археологической коммиссіей. Сочиненія Вишанскаго поражаютъ прежде всего простотой языка. Другіе проповѣдники всегда выражаются образно, красиво, прибѣгаютъ къ фигурамъ; у Іоанна Вишанскаго ничего подобнаго нѣтъ. Тѣ любятъ говорить объ отвлеченныхъ предметахъ,- о драгоцѣнныхъ камняхъ, ониткахъ; Іоаннъ же не прибѣгаетъ къ такимъ пріемамъ. Я приведу одинъ отрывокъ, въ которомъ онъ защищаетъ монашество, и вы увидите, какъ онъ рѣзко и ядовито говоритъ о современномъ обществѣ. Въ современномъ обществѣ находили, что монашество совершенно излишне, что можно спастись безъ монашества, и что монахъ даже врагъ общества. Вишанскій возражаетъ и говоритъ, что въ монашеской жизни есть цѣлый рядъ подвиговъ и борьбы; эти подвиги и борьба таковы, что они совершенно недоступны людямъ погрязшимъ въ разныхъ мірскихъ удовольствіяхъ; и онъ перечисляетъ, къ какимъ удовольствіямъ пристрастилось современное русское общество. "Ты не знаешь, ты еще не можешь выйти на войну съ разными своими недостатками, потому что ты кровоѣдъ, мясоѣдъ, волоѣдъ, скотоѣдъ, свиноѣдъ." У тебя, говоритъ онъ, есть очень много привычекъ къ спокойной жизни: "ты перино-спалъ, мягко-спалъ, подушко-спалъ; еще ты тѣлу угодникъ, еще ты тѣло-любитель; ты всякихъ бреденъ (?) и страстей-любецъ, ты сахаро-любецъ, конфето-любецъ. Ты еще дѣтина, ты младенецъ, и не въ состояніи бороться со своими страстями, и потому нападаешь на монаховъ.- Эти указанія на недостатки современнаго общества Іоаннъ Вишанскій въ другихъ проповѣдяхъ развиваетъ подробно; онъ объясняетъ,

что такое конфетолюбецъ и пр. откуда такія страсти явились у современныхъ людей.- Мы видимъ, что это человѣкъ, который стоитъ въ центрѣ тогдашней жизни, какимъ былъ въ Москвѣ въ тогдашнее время протопопъ Аввакумъ. Онъ такъ же близко стоитъ къ паствѣ и потому можетъ имѣть вліяніе на нее; онъ говоритъ языкомъ понятнымъ и касается вопросовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ жизни.

Кромѣ проповѣдничества, юго-западная литература имѣетъ весьма важное значеніе для развитія русской литературы высокимъ развитіемъ драмы. Въ ряду произведеній юго-зап. литературы эти произведенія занимаютъ очень видное мѣсто; и всякіе образцы нашей драмы, появляющіеся у насъ въ Московской Руси въ концѣ ХУII-ХУIII вв., являются цѣликомъ заимствованными изъ юго-западной Россіи. Поэтому, намъ нужно остановиться на первыхъ задаткахъ народной драмы.

Первые задатки драмы можно видѣть въ разныхъ народныхъ переряживаньяхъ. Эти переряживанія идутъ чуть не съ самаго начала христіанства и, по всей вѣроятности, они были и до принятія христіанства. Нѣкоторые проповѣдники XIII-XIУ вв. говорятъ, что во время переряживанія употреблялись разныя маски-, козльи, косматыя и сатурскія". Если вы припомните, когда я говорилъ о драмѣ, что трагедія произошла отъ слова козелъ, приносимый въ жертву, то названіе козльи указываетъ на драматическій элементъ, косматыя-комическій, а сатурскія-сатирическій. Скоморохи, расхаживающіе по улицамъ, являются первыми представителями народнаго театра.

Каковы были въ древности представленія, мы очень мало знаемъ. О нихъ мы можемъ судить отчасти по нѣкоторымъ остаткамъ народнаго представленія, которые сохранились въ нашихъ деревняхъ. Такъ въ Архангельской губ. играютъ въ "барина". Въ драмѣ есть два элемента; это-дѣйствіе и дѣйствіе, соединенное съ разговоромъ. Такое дѣйствіе, соединенное съ разговоромъ, находимъ въ баринѣ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой игрѣ является какой то баринъ, наряженный въ старый военный мундиръ; къ нему приходитъ супруга; эту женщину изображаетъ обыкновенно молодой парень. Свиту барина составляетъ купчина. Одинъ мальчикъ наряжается жеребцомъ, къ его платью пришивается колокольчикъ; другой мальчикъ называется быкомъ (выбирается такой, у кого широкій лобъ). Въ этой игрѣ дѣйствуютъ какіе то "удивительные люди" (какъ ихъ называютъ) (х). Вся эта ватага съ колокольчиками и бубенчиками ходитъ по селу и направляется къ какой ниб. избѣ, въ которой происходитъ пирушка. Входятъ: баринъ садится на передней лавкѣ, направо отъ него "паня", налѣво купчина; тутъ же цѣлый рядъ людей, которые называются просителями и отвѣтчиками. Просители жалуются на отвѣтчиковъ, и начинается примѣрный судъ. Если баринъ находитъ какого ниб. человѣка виновнымъ то посылаетъ его къ купчинѣ или палачу. Послѣ суда баринъ спрашиваетъ: нѣтъ ли жеребца для продажи? Тогда выскакиваетъ мальчикъ наряженный жеребцомъ и начинается торгъ. - Игра, такимъ образ. крайне не сложная: съ одной стороны, судъ, съ другой, - купля; но такъ какъ есть рядъ дѣйствій, есть разговоры, которые сопровождаются шутками (шутки большею частью касаются мѣстныхъ деревенскихъ дѣлъ), то и является нѣчто въ родѣ драматическаго представленія.

Есть еще другая игра народная - "Разговоры съ докторомъ". Приходитъ докторъ, и его спрашиваютъ: ты кто? - я докторъ - лекарь изъ подъ каменнаго моста, чорта аптекарь; ко мнѣ приходятъ на ногахъ, а увозятъ на саняхъ. Что у тебя болитъ: голова или виски? Сдѣлать лепешку, приложить пластырь и т.д. Докторъ далъ очень глупый рецептъ. - Въ этомъ выражается не совсѣмъ дружелюбное отношеніе къ врагамъ. -

---

(х) Въ одной нѣмецкой игрѣ тоже выступаютъ "дикіе люди".

Лист VII Лит. Юзелевич.

А. Ляущ...

Этимъ и ограничиваются разныя народныя игры, въ которыхъ есть драматическій элементъ. Откуда они явились, трудно сказать. Можно думать, что явились съ Запада, что въ основѣ ихъ лежать западные фарсы, шутки, или наз. французскія sottises – глупости. Эти глупости переходили и въ древнюю Россію и отъ нихъ, можетъ быть, осталось кое что въ играхъ.

Гораздо интереснѣе, какъ возникъ народный кукольный театръ. Кукольный театръ или театръ маріонетокъ очень распространенъ въ Европѣ (х). Въ кукольномъ театрѣ видную роль играли шуты – всякіе Еремушки, Ѳомушки. Являлись и иностранные шуты, напр., былъ Петруха Фарнасъ; онъ являлся въ колпакѣ съ бубенчиками. Шутовъ находимъ у итальянцевъ, у нѣмцевъ, которые придаютъ имъ названія въ родѣ "колбасы или селедки". Такой кукольный театръ является у насъ въ различныхъ видахъ. Всѣмъ, конечно, знакомъ Петрушка, но кромѣ Петрушки мы встрѣчаемся на югѣ Россіи весьма часто съ такъ называемыми "вертепами". Они раздѣляются на нѣсколько отдѣленій: адъ, земля и рай. Это дѣленіе вертеповъ на три части указываетъ на ту связь, которую вертепъ имѣетъ вообще съ средневѣковымъ театромъ. Средневѣковый театръ; въ которомъ представлялись мистеріи, т.е., сцены изъ св. исторіи, раздѣлялся на три эти части: рай, земля и адъ. То же самое есть и въ вертепѣ. Затѣмъ, нѣкоторые герои, дѣйствующіе въ вертепахъ, тоже напоминаютъ намъ средневѣковыя мистеріи. – Если вертепы и другія представленія юго-западной Россіи напоминаютъ намъ з. европейскую драму, то, конечно, для того чтобы говорить о драмѣ въ юго-западной Россіи, мы должны вернуться къ драмѣ европейской.

Я вамъ напомню въ самыхъ общихъ чертахъ (хотя добавлю подробности) то, что я говорилъ вамъ когда то о европейскихъ мистеріяхъ. Они явились тогда, когда католическое духовенство и вообще христіанство признало полезными театральныя представленія; при помощи ихъ оно думало распространить различныя христіанскія идеи. Такимъ образомъ драма явилась могущественнымъ средствомъ для пропаганды христіанства. Сюжеты мистерій берутся, прежде всего изъ Св. исторіи. Самой распространенной мистеріей когда-то была объ Адамѣ и Евѣ, и ее мы встрѣчаемъ въ юго западной Россіи. Здѣсь эта мистерія объ Адамѣ и Евѣ была наиболѣе популярна. Содержаніе ея близко къ библейскому разсказу, хотя внесены нѣкоторыя подробности. Она состоитъ изъ пяти дѣйствій; конецъ мистеріи до насъ не дошелъ.

Въ первомъ дѣйствіи Адамъ въ монологѣ говоритъ о своей блаженной жизни въ раю. Въ это время приходитъ ангелъ Уріилъ, разсказываетъ, что Люциферъ за гордость сверженъ съ неба и предостерегаетъ Адама отъ гордости. Адамъ передаетъ то, что онъ слышалъ отъ ангела. Евѣ, и оба даютъ обѣтъ, что они не впадутъ ни въ какомъ случаѣ въ гордость и не послушаютъ Люцифера. Во второмъ дѣйствіи изображается разговоръ Евы съ змѣемъ. Разговоръ этотъ подходитъ къ тому, что мы знаемъ изъ библіи. Ева забываетъ объ обѣщаніи не гордиться, и происходитъ грѣхопаденіе Адама и Евы. Адамъ сѣтуетъ на свою судьбу, говоря, что его чувство и естество превратилось, что земля не хочетъ его носить, что ему не остается ничего кромѣ отчаянія. – Въ третьемъ дѣйствіи изображается судъ Божій. Архангелъ приготовляетъ мѣсто для суда и скорбитъ о паденіи людей. Первые люди изгнаны изъ рая. Въ послѣднемъ дѣйствіи является правда и милосердіе. Правда требуетъ наказанія за преступленіе заповѣди, тогда какъ милосердіе пробуетъ смягчить Божій гнѣвъ. Чѣмъ кончается мистерія неизвѣстно, такъ какъ конецъ не сохранился.

Въ такомъ видѣ была мистерія на югѣ западѣ Россіи; на западѣ Европы она была нѣсколько иначе поставлена и особенно популярна была у [illegible] Кромѣ этой мистеріи былъ цѣлый рядъ другихъ.

(х) [illegible] есть изслѣдованіе Владиміра Николаевича Перетца.

Кромѣ мистерій распростаняются такъ наз. moralités (?), т.е. такія представленія, которыя отличаются свѣтскимъ характеромъ. Въ нихъ выводятся типичныя лица цыганъ, евреевъ и такія лица, которыя были несимпатичны народу; представляются они въ комичномъ видѣ. Таковы въ общихъ чертахъ задатки литературнаго развитія въ юго-западной Россіи.

Литература въ ю.з. Россіи, какъ я указывалъ раньше, въ половинѣ XVII в. переносится въ Москву. Первыми представителями ю западной образованности въ Москвѣ являются тѣ монахи, которыхъ вызвалъ Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ для вновь устроенной школы при такъ называемомъ Андреевскомъ братствѣ. Эта школа вызвала со стороны московичей очень рѣзкій протестъ. Говорили, что кто пойдетъ въ школу, тотъ совратится въ латинство, что школа распространяетъ ересь. Но тѣмъ не менѣе школа утверждается въ Москвѣ пользуется покровительствомъ властей. Въ этой школѣ московской мы встрѣчаемся съ видными представителями юго западной образованности, которые даютъ толчекъ дальнѣйшему развитію нашей общей русской литературы, которые даютъ извѣстное направленіе новому движенію Изъ нихъ особенно замѣчательны Епифаній Славинецкій и Симеонъ Полоцкій эти два человѣка по характеру очень не похожи другъ на друга; но они расходились не только въ характерѣ личномъ, но и въ характерѣ своего образованія и своей дѣятельности. Епифаній является человѣкомъ созерцательнаго направленія, онъ воспитанъ не только на образцахъ латино-западной литературы, но очень хорошо былъ знакомъ съ греческими отцами церкви.Его проповѣди отличаются направленіемъ отвлеченнымъ: онъ очень рѣдко касается вопросовъ жизни. Но это былъ человѣкъ , который благодаря своему образованію, былъ хорошо знакомъ съ православной догматикой" и потому онъ могъ быть руководителемъ русскаго общества въ дѣлахъ его просвѣщенія. Ему поручено было исправленіе книгъ. Прежде всего онъ принимается за переводъ библіи. Этотъ переводъ не былъ законченъ, дѣло было слишкомъ трудное, не было достаточнаго количества помощниковъ, и онъ перевелъ только Пятокнижіе и Новый Завѣтъ. Полный переводъ библіи является у насъ только въ XIX столѣтіи. Затѣмъ, былъ сдѣланъ переводъ Василія Великаго, и др.отцовъ Церкви. Переводъ сочиненій отцовъ Церкви, преимущественно греческихъ, имѣлъ для того времени великую важность, такъ какъ русскому обществу доступны были сочиненія уважаемыхъ церковныхъ писателей. Затѣмъ важна дѣятельность Епифанія Славинецкаго какъ проповѣдника. Епифаній особенно настаиваетъ на распространеніи въ русскомъ обществѣ образованія. Онъ возстаетъ противъ всякихъ невѣждъ, которые въ это время старались выставить науку какъ главный двигатель всякихъ ересей и расколовъ.

Епифаній Славинецкій является однимъ изъ важнѣйшихъ двигателей просвѣщенія. При этомъ очень важно, что онъ свободенъ отъ недостатка общаго современнымъ ему юго-западнымъ проповѣдникамъ,-онъ не склоняется къ разнымъ латинскимъ мнѣніямъ, онъ является человѣкомъ вполнѣ православнымъ. Это зависило отъ его греческаго образованія.

У Епифанія Славинецкаго былъ весьма замѣчательный ученикъ-чудовскій монахъ Евфимій. Этотъ чудовскій келарь принимаетъ дѣятельное участіе въ исправленіи книгъ. Никонъ, предпринявъ исправленіе книгъ, дѣлаетъ справщикомъ прежде всего этого Ефимія. Изъ этого всего видно, насколько была важна и плодотворна дѣятельность Епифанія Славинецкаго.

Очень важной, но возбудившей большія волненія, была дѣятельность другаго представителя-Симеона Полоцкаго. Это былъ человѣкъ другого характера и образованія. Образованіе онъ получилъ въ школѣ Полоцкаго братства; затѣмъ, былъ въ Кіевской Академіи и разныхъ католическихъ училищахъ. Въ Полоцкѣ, при проѣздѣ чрезъ этотъ городъ Алексѣя Михайловича, онъ встрѣтилъ царя похвальной проповѣдью, которая понравилась царю, послѣ этого онъ былъ приглашенъ въ Москву и здѣсь занялъ мѣсто придворнаго проповѣдника и воспитателя царскихъ дѣтей. Кромѣ педагогической дѣятельности онъ занимался и литературой. Его сочиненія чрезвычайно разнообразны богословскія сочиненія, проповѣди

и цѣлый рядъ свѣтскихъ - стихотворенія на торжественные случаи; стихотворенія сатирическія и духовныя драмы. Его проповѣди собраны въ двухъ сборникахъ: Цвѣтъ духовный и Вечеря душевная (т.е. ужинъ). Проповѣди Симеона не отличаются оригинальностью: обыкновенные сюжеты, заимствованные у отцовъ Церкви. Въ нихъ силенъ реторическій элементъ, т. е. Симеонъ Полоцкій любитъ украшать рѣчь разными искусственными пріемами. Таковы были пріемы, свойственные вообще тогдашнему образованному обществу. Если посмотрѣть на содержаніе этихъ проповѣдей, то увидимъ, что Симеонъ тоже является защитникомъ просвѣщенія. Онъ говоритъ, что недостатки общества происходятъ отъ невѣжества; онъ говоритъ, что помимо обученія школьнаго необходимо домашнее воспитаніе, необходимое, далѣе, усовершенствованіе среды, въ которой совершается воспитаніе. Онъ указываетъ на недостатки нравственности у родителей, которые должны служить образцомъ для дѣтей, указываетъ на необходимость усовершенствованія, подготовки самихъ воспитателей. Пріемы онъ указываетъ почти тѣ же что и Домострой. Тамъ говорилось: " не ослабляй біл младенца" Домострой совѣтуетъ прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ, такія же наказанія совѣтуетъ и Симеонъ. Однако, онъ говоритъ при этомъ, что воспитатель долженъ воспитать въ воспитанникѣ стремленіе улучшиться примѣромъ собственной жизни, и что одимъ жезломъ не достигается воспитательная цѣль, что къ этому жезлу нужно прибѣгать не всегда; онъ прибѣгаетъ къ такому сравненію : если снопа не смолотишь, если орѣха не разобьешь, то не достанешь ни хлѣба ни зерна; точно также если не прибѣгнешь къ жезлу, то не сподобишься радости. Онъ объяснилъ затѣмъ, какъ пріятно для воспитанника, послѣ того какъ онъ прошелъ школу жезломъ, какъ ему пріятно достигнуть извѣстныхъ результутовъ. Воспитаніе и обученіе дѣтей, по взгляду Симеона Полоцкаго нужно начинать съ самыхъ ранних лѣтъ, когда дѣти способны подчиняться: дѣйствію жезла.

Отстаивая просвѣщеніе и обличая невѣжество, Симеонъ долженъ былъ вступить въ борьоу съ весьма многими врагами тогдашняго просвѣщенія. Онъ встрѣчается, во 1-хъ, съ остатками языческихъ суевѣрій; мы знаемъ, что съ этими суевѣріями боролись и раньше проповѣдники. Весьма важными врагами для Симеона представлялись раскольники. Противъ нихъ онъ написалъ огромную книгу. "Жезлъ правленія" правленія - наказанія) Въ ней разбирается челобитная двухъ раскольниковъ Никиты Пустосвято и попа Лазаря, которая была подана Алексѣю Михайловичу. Симеонъ дѣлаетъ опроверженіе по всѣмъ пунктамъ и касается самыхъ мелочныхъ вопросовъ.

Для насъ конечно, не интересны эти мелкіе обрядовые вопросы, которыхъ касаются и тѣ и Симеонъ; для насъ интереснѣе взглядъ Симеона на религіозную терпимость: какъ относится Симеонъ къ своимъ врагамъ? И вотъ, мы видимъ, что къ врагамъ у него далеко нѣтъ такого отношенія, которое называется религіозной терпимостью; онъ говоритъ, что имъ - Никитѣ и Лазарю - слѣдовало бы заградить уста жезломъ, сравниваетъ ихъ съ козлищами, псами и т. д. Въ этомъ случаѣ Симеонъ стоитъ, конечно, на уровнѣ тогдашней современной ему полемики. Если мы разсмотримъ сочиненія раскольниковъ противъ православныхъ, то найдемъ и въ нихъ рядъ грубыхъ ругательствъ. Такія же ругательства есть и у Симеона Полоцкаго. Не смотря на свою просвѣщенность, этотъ человѣкъ недостаточно выдѣлился изъ общества, чтобы удаляться отъ такихъ грубыхъ и рѣзкихъ пріемовъ въ полемическомъ своемъ сочиненіи.

Относительно другихъ сочиненій Симеона Полоцкаго мы должны сказать, что наиболѣе важными являются его свѣтскія сочиненія. Изъ этихъ свѣтскихъ сочиненій у него составлены два сборника стихотвореній: "Вертоградъ многоцвѣтный" и "Риомологіонъ". Въ первомъ сборникѣ въ алфавитномъ порядкѣ содержаться размышленія о разныхъ предметахъ. Въ предисловіи къ этому Вертограду онъ замѣчаетъ, что перевелъ много съ иностранныхъ языковъ; и дѣйствительно, мы видимъ, что онъ заимствовалъ кое-что изъ разныхъ европейскихъ сборниковъ, напр., изъ

сборника извѣстнаго подъ названіемъ "Римскія дѣянія". У Симеона мы встрѣчаемъ разсказъ "клевета", который заимствованъ (Женевьева Блюмаоская?); въ другомъ мѣстѣ есть разсказъ о Розамундѣ. Затѣмъ, у Симеона изобрадаются недостатки современнаго общества - купцовъ, монаховъ. Монахи представляются ведущими жизнь роскошную, объѣдающимися упивающимися; купцы всѣхъ обманываютъ, обмѣриваютъ, обвѣшиваютъ. Касается и вельможъ.

Риемологіонъ гораздо менѣе важенъ, потому что почти не касается современной общественной жизни, а заключаетъ разныя стихотворенія, написанныя Симеономъ на торжественные случаи: поздравительныя стихотворенія по поводу имянинъ въ царской семьѣ и пр.

Кромѣ этого, ему принадлежатъ двѣ мистеріи или двѣ комедіи: "О блудномъ сынѣ" и "О царѣ Навуходоносорѣ и трехъ отрокахъ въ пещи огненной".

Я остановлюсь главнымъ образомъ на петровской эпохѣ, такъ какъ все XУII столѣтіе, какъ я уже указывалъ, вело къ этой эпохѣ, подготовлялось къ сближенію съ Западомъ, и петровская эпоха является какъ бы завершеніемъ предшествующаго развитія.

Относительно эпохи Петра Великаго существуютъ различные взгляды. Профессоръ Платоновъ сдѣлалъ вамъ общее изложеніе этихъ взглядовъ; я напомню въ общихъ чертахъ о двухъ группахъ, къ которымъ могутъ быть сведены всѣ эти взгляды. Одна группа нашла крайнее выраженіе въ ученіи славянофиловъ 40-хъ годовъ другая - въ ученіи западниковъ. Мы встрѣчаемъ самыя различныя отдѣльныя теоріи, отдѣльные взгляды, но всѣ они, хотя имѣютъ особенныя черты, въ общемъ могутъ быть сведены къ одной изъ двухъ группъ. Обѣ этихъ группы до 50-хъ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, въ сущности, не отличаются особенной научностью.

Во взглядахъ славянофильской школы мы видимъ отношеніе къ Петру Великому преимущественно отрицательное. Отрицательное отношеніе выражается слѣдующимъ образомъ. Петръ В. исказилъ старую русскую жизнь, онъ уничтожилъ личность, самостоятельность русскаго народа, обратилъ русскій народъ въ какого то подражателя; его реформа коснулась только высшаго человѣка русскаго общества; и такъ русскіе высшіе слои пошли за Петромъ, то они представляются совершенно оторванными отъ народа; между народомъ и образованнымъ обществомъ явилась извѣстная пропасть, или какъ они выражались, образовалось средостѣніе. Это средостѣніе являлось сильнымъ тормазомъ для дальнѣйшаго развитія русскаго общества, и во всемъ виноватъ Петръ Великій. Люди, отрицательно относившіеся къ Петру Вел., кромѣ указанія на подражательность, на искаженіе русской жизни, отмѣчали, какъ важный недостатокъ въ дѣятельности Петра Великаго, деспотичность, съ какою онъ проводилъ ту или другую реформу. Указывали, что Петръ Вел. совершенно придавилъ русское общественное мнѣніе, что при немъ замолкъ голосъ земли, который раздавался съ такой силой на земскихъ соборахъ, что это общественное мнѣніе, имѣвшее такое большое вліяніе на всѣ государственныя дѣла, при Петрѣ Вел. совершенно исчезаетъ. - Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ людей, относившихся отрицательно къ Петру Великому.

Другая сторона, напротивъ, видитъ въ дѣятельности Петра Великаго исключительно только хорошія стороны. Все, сколько ниб. бросающее тѣнь на личность и дѣятельность великаго преобразователя, отбрасывается этой партіей. Западники, признавая необходимость сближенія Россіи съ западной Европой, необходимость культурнаго переворота (который и совершался, благодаря Петру В.), уже не знаютъ мѣры въ восхваленіи Петра.

Обѣ эти партіи - и славянофилы и западники, въ сущности, не правы, потому что грѣшатъ противъ самого основнаго принципа историче-

ской науки; та и другая партія одинаково вдаются въ такъ называемый культъ личности: они преклоняются предъ отдѣльной личностью и приписывають ей такое значеніе, какого отдѣльная личность никакъ не можетъ имѣть. Для однихъ Петръ Великій является чѣмъ то въ родѣ свѣтлаго бога древней персидской миѳологіи(Ормузда, который олицетворялъ въ себѣ все хорошое), а для другихъ онъ является Ариманомъ(т.е. олицетвореніемъ зла въ той же миѳологіи). Тотъ и другой взглядъ неправильны. Исторія не знаетъ такого чрезмѣрнаго значенія личности. Въ ностоящее время историческая наука признаетъ, что личность, какъ бы она велика не была, всегда является выразителемъ своей эпохи, и чѣмъ крупнѣе эта личность, тѣмъ болѣе она связана съ прошлымъ народа, тѣмъ болѣе она является выразителемъ его стремленій, выразителемъ того, что подготовлялось иногда очень долгое время. И вотъ, если мы разсмотримъ дѣятельность Петра Великаго, то увидимъ, что вся его дѣятельность является чѣмъ то заранѣе подготовленнымъ; что этотъ человѣкъ, только благодаря своимъ выдающимся дарованіямъ,благодаря своей чрезвычайной энергіи, явился однимъ изъ первыхъ выразителей того, что уже раньше назрѣвало, въ чемъ сказывалась ранѣе потребность.

Петръ Вел. сблизилъ нашу образованность съ образованностью западно- европейскою; онъ, по образному выраженію Вольтера "прорубилъ окно въ Европу".Это совершилось, какъ мы уже видѣли изъ прежнихъ лекцій, совсѣмъ не внезапно; стремленіе къ этому сближенію проявляется въ теченіе всего XУII столѣтія и, пожалуй, даже въ теченіе всего XУIв Уже въ тѣхъ разныхъ еретическихъ движеніяхъ XУI ст., которыя мы отмѣчали, затѣмъ, въ еретическихъ движеніяхъ, появлявшихся въ XУII вѣкѣ, въ разныхъ новшествахъ въ общественной жизни, въ столкновеніяхъ русскихъ съ иноземцами, - вездѣ мы видимъ постепенное усиленіе западнаго вліянія въ русской исторіи, въ русской культурѣ. Затѣмъ, мы видимъ постоянное стремленіе русскихъ людей,пока еще ограничивающееся только верхними классами къ усвоенію западно-европейской культуры. Такъ что мы видимъ для дѣятельности Петра В. извѣстную подготовку, онъ кладетъ собственно только послѣдніе штрихи на ту картину, которая рисовалась значительно раньше.

Указывается,далѣе, другой недостатокъ въ дѣятельности Петра,что онъ былъ деспотиченъ, что онъ уничтожилъ общественное мнѣніе.Вѣроятно вы слышали изъ лекцій по русской исторіи, что это общественное мнѣніе которое считается уничтоженнымъ Петромъ Великимъ, въ дѣйствительности было уничтожено до него. Говорятъ, общественное мнѣніе проявлялось въ земскихъ соборахъ. Но историки указываютъ тотъ несомнѣнный фактъ что земскіе соборы далеко не имѣли того значенія общественнаго мнѣнія которое имъ долгое время приписывали Дѣйствительное общественное мнѣніе проявлялось очень недолго на этихъ соборахъ: въ смутную эпоху,отчасти въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Но затѣмъ, какъ установлено профес. Ключевскимъ, земскій соборъ является исключительно комиссіей, состоящей изъ чиновниковъ и тѣхъ людей, которыхъ выбирало само правительство, для того чтобы собрать тѣ или другія нужныя ему свѣдѣнія; такъ что тутъ мнѣнія земли, голоса земли, въ сущности, не было. Этотъ голосъ земли окончательно заглушенъ до Петра Великаго, и Петръ В. въ этомъ отношеніи ровно ничего не сдѣлалъ. Напротивъ въ дѣятельности Петра В. можно указать нѣкоторыя такія стороны, которыя показываютъ, что онъ стремится вызвать это общественное мнѣніе. Я сейчас укажу такіе факты, изъ которыхъ видно, что Петръ В. не чуждался общественнаго мнѣнія и не старался его уничтожить.

Указываютъ на деспотичность великаго преобразователя; говорятъ, что этотъ человѣкъ вводилъ свои реформы съ необыкновенной крутостью, доходившею до жестокости. Указываютъ отдѣльные факты,- какъ онъ казнилъ стрѣльцовъ, или нѣкую Гамильтонъ (?), отрубивши ей голову,поцѣловалъ ее въ губы. Эти факты могутъ характеризовать его нѣсколько отрицательно: но при этомъ не слѣдуетъ забывать того основного положенія, что человѣкъ не можетъ совершенно выдвинуться изъ своей среды, и что великій человѣкъ именно совмѣщаетъ въ себѣ черты, которыми отличается его эпоха. Если мы вспомнимъ это основное положеніе, то мы

Эту жестокость и дикость не будемъ считать отличительнымъ свойствомъ самого Петра; эту самую жестокость и дикость мы найдемъ во всемъ тогдашнемъ русскомъ обществѣ Не забудемъ и того, что Петру Великому приходилось подвергаться цѣлому ряду опасностей; его противники не постѣснились бы съ нимъ расправиться, какъ расправлялся онъ съ ними. Такъ что обвиненіе въ дикости должно падать на всю эпоху. - Теперь посмотримъ что же положительнаго говорится о Петрѣ?

Западники въ этомъ отношеніи гораздо болѣе правы, они становились на болѣе историческую точку зрѣнія, когда указывали, что сближеніе съ западной Европой было необходимо. Это сближеніе, какъ я уже сказалъ, было вызвано цѣломъ рядомъ движеній, происходившимъ до Петра Вел. - Но обратимся къ тому, что говорится о личности его. Характеризуя личность его, мы увидимъ, что въ ней есть одна выдающаяся черта, которая ставитъ Петра Вел. на недосягаемую высоту. Эта черта лучше всего опредѣлена Пушкинымъ:

"То академикъ, то герой,
"То мореплаватель, то плотникъ.
"Онъ всеобъемлющей душой
"На тронѣ вѣчный былъ работникъ."

Замѣчательно, что эта основная черта личности Петра Великаго - его положеніе работника, его служилое отношеніе къ землѣ, - эта черта была замѣчена не только величайшимъ нашимъ поэтомъ, замѣчена не только культурнымъ человѣкомъ, передовымъ но и народомъ. Извѣстный собиратель народныхъ преданій и пѣсенъ Барсовъ, странствуя по Олонецкой губерніи, въ одной деревнѣ остановился у одного крестьянина. Старикъ крестьянинъ заговорилъ съ ученымъ человѣкомъ о Петрѣ Великомъ, передавалъ ему разныя преданія, сохранившіяся въ этомъ краю и заключилъ свою рѣчь такимъ образомъ: вотъ царь, такъ царь былъ, даромъ хлѣба не ѣлъ, все своими руками дѣлалъ." Тутъ, вы видите, опять подчеркивается сторона труженичества. Эта сторона постоянной, неустанной работы воздвигаетъ личность Петра Великаго на необыкновенную высоту.

За этой постоянной работой человѣкъ совершенно забывалъ самого себя. Существуетъ извѣстный разсказъ(x), будто, отправляясь въ Прутскій походъ противъ турокъ, Петръ Великій издалъ указъ, что, если онъ попадетъ въ плѣнъ, сенатъ не долженъ исполнять никакихъ его повелѣній. Это извѣстіе сказывается прямо легендарнымъ, невѣрнымъ, но оно характерно для того времени, когда оно появилось, характерно для взглядовъ на Петра В. И дѣйствительно, мы можемъ замѣтить въ его дѣятельности нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, изъ которыхъ мы видимъ, что это былъ такой человѣкъ, который умѣлъ отказаться отъ своего распоряженія, если оно было не основательно, умѣлъ признать его ненужность если ему представлены были противъ этого распоряженія достаточныя основанія. Припомнимъ его отношеніе къ знаменитому Якову Долгорукову и друг. приближеннымъ лицамъ, которымъ очень многое прощалось, когда царь видѣлъ съ ихъ стороны искреннее желаніе послужить отечеству, и когда онъ не видѣлъ съ ихъ стороны личной тенденціи противодѣйствовать ему, когда онъ видѣлъ въ ихъ дѣятельности такую же общественную сторону, какой отличался самъ

(x)
Разсказъ этотъ фактически не подтверждается, ... онъ характеризуетъ извѣстные взгляды на Петра В. на его личность.

Итакъ, основная черта его личности есть работа, самоотверженная работа и постоянное сознаніе общественныхъ интересовъ. Это сознаніе общественныхъ интересовъ выражается въ такой формѣ, какая представляла насущную потребность того времени. Первый интересъ того времени былъ вопросъ просвѣщенія (помимо внѣшней политики). И вотъ, вся внутренняя дѣятельность Петра направляется къ этому просвѣщенію. Еще Соловьевъ сдѣлалъ очень мѣткое сравненіе; Петра В. онъ сравнилъ со школь

нымъ учителемъ. Этотъ школьный учитель имѣлъ огромную школу; въ школу обратилась вся русская земля; въ этой школѣ всѣ должны были подчиняться весьма строгой дисциплинѣ, всѣ должны были стремиться къ этой цѣли, которую указывалъ преобразователь. И если всетаки оказывалось очень много учениковъ лѣнивыхъ, не совсѣмъ подходящихъ къ школѣ, то были и успѣшные, на которыхъ отразилось извѣстное вліяніе императора. Нужны были люди для самаго разнообразнаго дѣла; и вотъ, въ школѣ Петра Вел. мы не находимъ той специализаціи, которая является впослѣдствіи въ школахъ. Каждый человѣкъ, выходящій изъ школы Петра Вел., долженъ былъ быть всѣмъ, долженъ знать все, долженъ годиться на всякое дѣло. Ученики Петра и ближайшіе его сотрудники отличаются именно этимъ энциклопедизмомъ. Возьмемъ примѣръ, чтобы оставаться въ облости литературныхъ дѣятелей, очень крупнаго писателя Василія Никитича Татищева. Татищевъ является дѣятелемъ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ. Прежде всего, онъ артиллерійскій офицеръ, онъ горный инженеръ (на Уралѣ и въ др. мѣстахъ) администраторъ (губернаторъ на югѣ Россіи), онъ управляетъ землями полудикими, только что присоединенными, онъ занимается научными изслѣдованіями въ облости географіи, исторіи, пишетъ наставленія чисто нравственнаго характера. Итакъ, вы видите, что кругъ его дѣятельности очень разносторонній. Что можетъ быть общаго между артиллерійскимъ дѣломъ и писаніемъ русской исторіи? Это двѣ вещи, не имѣющія никакого тѣснаго соприкосновенія; а между тѣмъ, этотъ человѣкъ оказывается способнымъ на то и другое дѣло. И таковы всѣ ближайшіе сотрудники Петра. Отъ нихъ всѣхъ требовалась подготовка чисто энциклопедическая.

Затѣмъ, оказывалось нужнымъ ввести преимущественно такія науки, которыя требовались практическою жизнью. Отвлеченное теоритическое значеніе тогда не представлялось особенно нужнымъ; нужно было подготовить военныхъ, инженеровъ, чиновниковъ, людей годныхъ для всякого практическаго дѣла; и этой подготовкой занимается этотъ школьный учитель. Философія, созерцаніе какихъ либо великихъ истинъ представлялось тогда роскошью, хотя мы знаемъ, что Петръ Вел. сознавалъ необходимость и такого рода занятій.

Первою задачею школы Петра Вел. было сообщить извѣстныя практическія знанія, а затѣмъ, уже гораздо шире идетъ обученіе въ смыслѣ сообщенія русскому обществу нѣкоторыхъ чисто культурныхъ привычекъ которыхъ у него не было. Этотъ школьный учитель долженъ былъ заниматься обученіемъ самымъ первымъ основамъ общежитія. При немъ издается книга которая въ наше время представляется по самому заглавію курьезомъ: "Приклады, како пишутся комплименты" (т.е. письма съ выраженіемъ соболѣзнованія и т.д.); въ этихъ "прикладахъ" даются формы всякихъ писемъ въ родѣ тѣхъ письмовниковъ, которые иногда издаются и въ наше время. Книга по существу своему какъ будто и не важная а между тѣмъ, она представляетъ весьма интересное явленіе по тѣмъ формамъ" которыя введены впервые Петромъ В. Во 1-хъ, въ письмахъ при обращеніи къ другимъ лицамъ измѣняется, измѣняется тонъ, господствовавшій раньше; прежде вѣжливость требовала, напр., чтобы человѣкъ называлъ себя уменьшительнымъ именемъ. Напр., мы знаемъ, что Иванъ Грозный подалъ какъ то прошеніе царю Симеону (фальшивому царю, котораго онъ самъ назначилъ для управленія земщиной) и назвалъ себя "худой Иванъ Васильевичъ". Когда жена пишетъ письмо къ мужу, то должна подписаться: "женишка твоя Дунька бьетъ челомъ тебѣ, государю своему". Въ этой книгѣ "Приклады" требуется такое обращеніе, которое сохранилось и въ наше время, съ болѣе утонченными пріемами, заимствованными съ Запада; затѣмъ, тамъ содержатся наставленія, какъ держать себя въ обществѣ, какъ ходить въ комнатѣ, какъ кланяться какъ употреблять салфетку, ножъ, вилку; всему этому нужно было русское общество учить. Намъ можетъ это казаться смѣшнымъ, зачѣмъ это учить, какъ ходить, какъ держать ножъ и вилку; но тогда это не было смѣшнымъ, и нужно было этимъ школьникамъ усвоить себѣ хотя бы одну внѣшность европейскаго образованія безъ этой внѣшности обойтись не было возможности.

Кромѣ, однако, такихъ чисто внѣшнихъ формъ общежитія, кромѣ практической науки, Петръ Великій, какъ я сказалъ, имѣлъ нѣкоторыя стремленія завести науку болѣе отвлеченнаго характера, науки общеобразовательныя. Онъ сносится съ нѣкоторыми западными учеными, обращается къ извѣстному Лейбницу. Лейбницъ даетъ ему проэктъ устройства народнаго просвѣщенія въ Россіи: должны быть устроены гимназіи, университеты и вѣнцемъ этого зданія должна быть Академія. Этого проэкта Петръ Великій въ исполненіе привести не могъ, ему помѣшала смерть; и послѣ его смерти открыта была только Академія, такъ что явился вѣнецъ зданія безъ самаго зданія; но что проэктъ не исполненъ, вина падаетъ не на Петра В., а скорѣе на его преемниковъ. Въ этой Академіи и Университетахъ должны подготовляться люди, которые будутъ заниматься чисто теоретическими вопросами. - Изъ этихъ сношеній съ Лейбницемъ Петра В., мы видимъ, что онъ и самъ сознавалъ, что нужны знанія отвлеченныя.

Тѣмъ же самымъ безкорыстнымъ интересомъ къ знаніямъ объясняется собираніемъ Петромъ Вел. разныхъ монстровъ (рѣдкостей). Вѣдь кунтскамера, которая на Васильевскомъ островѣ, получила основаніе при Петрѣ Великомъ. Для собиранія этихъ монстровъ тратилось огромное количество средствъ; выписывались монстры изъ разныхъ частей государства; даже какой ниб. уродъ, у котораго 8 пальцевъ и и кривой носъ, поступаетъ на службу въ качествѣ монстра въ Академію. Для чего это? вѣдь это не одна потѣха: въ этомъ собираніи монстровъ были научныя стремленія, предполагалось, что при помощи такихъ изысканій добыты будутъ какіе нибудь важные научные результаты.

Я уже сказалъ, что общественнымъ мнѣніемъ Петръ В. не пренебрегалъ. Его отношеніе къ общественному мнѣнію мы можемъ видѣть лучше всего изъ того факта, что при немъ впервые появляются газеты. Газеты были и до него, это такъ наз. куранты. Но куранты издавались для государя и для двора; это были придворныя извѣстія о разныхъ политическихъ дѣлахъ. При Петрѣ В. эти куранты поступаютъ въ продажу и издаются для всѣхъ; значитъ, въ этомъ была какая то цѣль, и именно та цѣль, чтобы сообщать обществу о политическихъ новостяхъ, возбудить въ немъ интересъ къ политикѣ. Этимъ можно было добиться отъ общества какого ниб. отзыва, а что Петръ Вел. искалъ этого отзыва, что онъ стремился мотивировать свои дѣйствія, это мы видимъ изъ многихъ его указовъ, въ которыхъ онъ иногда оправдывается въ обвиненіяхъ вводимыхъ на него по поводу такъ наз. дѣла царевича Алексѣя. Напр., былъ изданъ указъ, въ которомъ подробно изложены основанія, по которымъ императоръ измѣняетъ порядокъ престолонаслѣдія, все это дѣлается для того, чтобы разъяснить обществу мотивы своихъ дѣйствій и вызвать со стороны общества извѣстное сочувствіе. Значитъ, изъ этого мы видимъ, что отношенія Петра Вел. къ обществу вовсе не были отношеніями къ какой ниб. безгласной машинѣ. Въ этомъ пунктѣ ученіе славянофиловъ оказывается не совсѣмъ правильнымъ.

Затѣмъ, мы встрѣчаемся съ отдѣльными фактами, когда Петръ В. очень милостиво относится къ людямъ, представляющихъ ему какіе ниб. проэкты улучшенія въ государственномъ механизмѣ; проэкты какихъ ниб. новыхъ учрежденій, новыхъ заведеній, все это встрѣчается имъ съ большимъ интересомъ, во всемъ этомъ онъ видитъ нѣчто такое, что служитъ общественнымъ цѣлямъ, и потому онъ никогда не противорѣчитъ этому. Даже по отношенію къ людямъ враждебно относящихся къ нему, - по отношенію къ раскольникамъ, которые считали его антихристомъ, - мы видимъ что здѣсь никакой нелѣпой деспотичности нѣтъ, --- Петръ В. умѣетъ даже къ этимъ врагамъ отнестись совершенно безпристрастно, и въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ мнѣнія не являются враждебными и противорѣчивыми его планамъ, не идутъ въ разрѣзъ съ общественными интересами, онъ даетъ имъ полную свободу, какъ, напр., онъ поступилъ съ олонецкими раскольниками.

Обращаясь къ литературѣ эпохи Петра В., мы видимъ, что она раздѣляется также на двѣ группы. Съ одной стороны, мы видимъ людей, со-

чувствующихъ реформамъ Петра В., въ другую группу можно поставить людей такихъ, которые сочувствуютъ реформѣ и нападаютъ нѣсколько на его личность. Это одинъ классъ людей. Съ другой стороны, есть люди которые прямо не сочувствуютъ ни реформѣ, ни самой личности Петра В.; въ личности его видятъ что то такое, что пагубно для Россіи и пагубно чуть ли не для всего міра Вторая группа по своимъ литературнымъ представителямъ, въ сущности, очень не многочисленна; здѣсь мы видимъ, главнымъ образомъ, раскольниковъ и также православныхъ сторонниковъ старины.

Изъ раскольническихъ писателей самымъ типичнымъ представителемъ этой эпохи можетъ служить нѣкій Григорій Талицкій. Этотъ Гришка Талицкій разбросалъ подметныя письма, въ которыхъ писалъ, что народился антихристъ, что этотъ антихристъ и есть именно царь Петръ. Антихристіанская дѣятельность его въ томъ, что онъ заставилъ брить бороды, онъ завелъ для народа паспорты; этотъ антихристъ заставляетъ русскихъ людей ѣздить за границу, чтобы, получивъ тамъ другое воспитаніе, они тѣмъ приготовились къ принятію антихристова ученія. - Такова въ общихъ чертахъ основная мысль подметныхъ писемъ, разбросанныхъ Григоріемъ Талицкимъ. Эти письма производили очень сильное впечатлѣніе и нашли отголосокъ и сочувствіе во многихъ мѣстахъ Россіи; и даже мы можемъ указать чисто народныя произведенія, въ которыхъ высказана таже самая мысль; есть много раскольническихъ такъ наз. духовныхъ стиховъ, въ которыхъ иоется, что на Москвѣ народился злой антихристъ, этотъ антихристъ печатаетъ всѣхъ своею печатью Это есть отголосокъ теоріи Гришки Талицкаго. - Талицкій былъ подвергнутъ пыткѣ и казненъ.

Но кромѣ Талицкаго и раскольниковъ, были и люди православные, не сочувствовавшіе реформамъ, видѣвшіе въ реформахъ какую то крайность и по меньшей мѣрѣ считавшіе ихъ излишними. Во время Петра Вел. такіе люди большею частью молчатъ и только послѣ Петра, когда въ царствованіе Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны наступаетъ извѣстная реакція эти защитники старины получаютъ возможность гласно высказать и проводить свои стремленія. При Петрѣ же они молчатъ.

Обратимся къ лицамъ сочувствующимъ реформамъ Петра В. Изъ нихъ мы прежде всего отмѣтимъ двухъ духовныхъ - Стефана Яворскаго и Өеофана Прокоповича. Относительно этихъ двухъ представителей нашей іерархіи существуетъ изслѣдованіе Ю. Ө. Самарина (славянофила). Это изслѣдованіе хотя и старое, однако, не можетъ считаться устарѣлымъ. Матеріалъ въ его время былъ не обширенъ но за то Самаринъ приступилъ къ разработкѣ его съ извѣстными философскими обобщеніями, и потому его работа и до сихъ поръ нисколько не утратила своего значенія, и она до сихъ поръ не можетъ считаться замѣненною работой гораздо позднѣйшею (болѣе чѣмъ на 30-ть лѣтъ) Петра Осиповича Морозова "Өеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій" У Морозова былъ большой матеріалъ, но это матеріалъ обработанъ болѣе односторонне чѣмъ у Самарина, и, кромѣ того у Морозова есть иногда выводы очень шаткіе , и нельзя сказать, чтобы его книга могла замѣнить самаринскую по широтѣ обобщеній. Въ этихъ изслѣдованіяхъ можете видѣть общій обликъ двухъ представителей русской церковной ерархіи; оба они сочувствуютъ дѣятельности Петра Великаго, а особенно Өеофанъ Прокоповичъ.

Өеофанъ Прокоповичъ прямо указывалъ впослѣдствіи что Петръ В. привелъ Россію изъ небытія въ бытіе, ~~что онъ созидатель новой России~~; онъ хвалитъ всѣ ~~дѣйствія Петра~~, ему принадлежитъ и оправданіе Петра въ дѣлѣ ~~его съ~~ царевичемъ Алексѣемъ. Өеофанъ Прокоповичъ не указываетъ никакихъ недостатковъ въ разныхъ дѣйствіяхъ Петра В.

Нѣсколько иначе относится къ Петру Стефанъ Яворскій. Стефанъ Яворскій не можетъ считаться противникомъ Петра; онъ, въ сущности, одинъ изъ его поклонниковъ По иногда Стефанъ Яворскій очень рѣзко порицаетъ Петра за тѣ или другія дѣйствія. Благодаря такимъ отдѣльнымъ отрицательнымъ отзывамъ Стефана Яворскаго о дѣятельности Петра В., иногда можетъ явиться представленіе о томъ, что Яворскій былъ противникомъ его

въ дѣйствительности этого не было, и Яворскій поэтому и былъ въ силѣ, поэтому-то и былъ авторитетомъ, важнымъ лицомъ въ духовной іерархіи при Петрѣ Великомъ.

Кромѣ этихъ представителей духовной литературы, нужно еще упомянуть о двухъ свѣтскихъ писателяхъ той же эпохи, которые являются видными сторонниками Петра. Это - Татищевъ и крестьянинъ И.Т.Посошковъ. - Я уже указывалъ, что дѣятельность Татищева отличалась разносторонностью; это былъ энциклопедистъ. Татищеву принадлежатъ, кромѣ историческихъ сочиненій, два сочиненія, которыя характеризуютъ его; это "Завѣщаніе къ сыну" и "Разговоръ о пользѣ науки". Изъ "разговоровъ о пользѣ науки" мы узнаемъ, какихъ взглядовъ держался человѣкъ передовой. Этотъ передовой человѣкъ перечисляетъ, какія нужны науки, даетъ разныя практическія указанія. Изъ всего этого мы видимъ, что впереди всего ставится практическое обученіе. Затѣмъ интересно, что извѣстное правило Домостроя, что нужно научать дѣтей прежде всего страху Божію, замѣняется у Татищева нѣсколько иными требованіями. Такимъ образомъ, Татищевъ нѣсколько отступаетъ отъ воззрѣнія Домостроя; и затѣмъ, онъ стоитъ за необхо мость такой науки, которая имѣетъ прямо практическія примѣненія; но при томъ онъ указываетъ и на необходимость широкаго умственнаго и нравственнаго развитія. Въ этомъ виденъ человѣкъ новой эпохи, человѣкъ, несходящійся съ домостроевскими идеалами. Въ своихъ сочиненіяхъ Татищевъ, конечно, постоянно высказываетъ свое горячее сочувствіе, постоянно преклоняется предъ великимъ преобразователемъ; въ немъ онъ видитъ творца новой Россіи, и его дѣятельность, какъ человѣка не имѣвшая даже прямого отношенія къ преобразованію, представляется Татищеву прямо идеальною.

Еще болѣе интересенъ крестьянинъ Посошковъ. Онъ былъ зажиточный московскій крестьянинъ, занимавшійся торговлей, такъ что подходилъ по положенію къ довольно богатому купцу. Тогда какъ Татищевъ все таки получилъ образованіе; онъ учился въ Россіи, побывалъ заграницей, - Посошковъ является самоучкой, онъ дошелъ до всего своимъ умомъ посредствомъ чтенія и размышленія. Посошковъ написалъ замѣчательное сочиненіе "книга о скудости и богатствѣ"; это сочиненіе политеко-экономическое. Посошковъ разсуждаетъ, главнымъ образомъ, о богатствѣ народномъ, о томъ, какъ это богатство является, отчего оно зависитъ, какъ оно должно употребляться, и высказываетъ много чрезвычайно замѣчательныхъ, интересныхъ мыслей, такихъ мыслей, которыя были высказаны въ европейской наукѣ, пожалуй, только чрезъ 70-80 лѣтъ послѣ Посошкова знаменитымъ европейскимъ экономистомъ Адамомъ Смитомъ, котораго считаютъ отцомъ политической экономіи. Иногда патріотическое увлеченіе заставляетъ нѣкоторыхъ высказывать такую мысль, что отцомъ политической экономіи слѣдуетъ считать Посошкова, потому что Посошковъ раньше Адама Смита высказалъ тѣ же самые мысли; но это патріотическое увлеченіе крайне неосновательно, потому что мы не должны забывать, что отецъ имѣетъ тѣсную связь со своимъ дѣтищемъ; и если бы Посошковъ былъ отцомъ политической экономіи, то мы должны были бы вести развитіе этой науки отъ Посошкова, а между тѣмъ, между мнѣніемъ Посошкова и послѣдующимъ развитіемъ политической экономіи никакой связи нѣтъ; такъ что Посошковъ, не смотря на свою выдающуюся даровитость, не имѣлъ въ наукѣ никакого значенія, и можетъ быть отнесенъ, пожалуй, къ той же категоріи монстровъ, раритетовъ, которыхъ было не мало въ петровскую эпоху. - Для насъ Посошковъ интересенъ по своему взгляду на Петра Вел. Онъ является горячимъ поклонникомъ императора, и поклоняется именно за то, что императоръ стремился къ просвѣщенію. Онъ указываетъ, что царь дѣлаетъ великое дѣло, но оно, къ сожалѣнію, крайне тормозится благодаря тому, что у царя есть много враговъ, много такихъ людей, которые ему не сочувствуютъ. "Царь тянетъ въ гору, а милліоны подъ гору", - говоритъ Посошковъ.

И вотъ Посошковъ рѣшается даже дать нѣкоторые совѣты царю, какъ бы дѣло устроить лучше; и замѣчательно, что одобряя подражанія, Посошковъ иногда идетъ далѣе Петра Вел.: онъ говоритъ, что заимствовать у

другаго народа можно, не разбирая, у кого заимствовано; нужно только разбирать, хорошо ли то учрежденіе, хороша ли та сторона жизни, которую хотимъ заимствовать; если хорошо, то, говоритъ Посошковъ можно заимствовать даже у турокъ. Такъ далеко въ признаніи необходимости заимствованія не шелъ даже Петръ В., такъ что здѣсь сочувствіе царю въ его просвѣтительной дѣятельности идетъ до самой крайности. - Если мы примемъ во вниманіе эти планы Посошкова, сравнимъ ихъ съ другими проэктами, которые нарождались въ петровскую эпоху, съ разными указаніями, какъ нужно дѣйствовать, которыя присылались императору, - то увидимъ, что императоръ далеко не былъ одинокъ въ это время, что являлись совершенно неожиданныя люди, которые ему сочувствовали.

Послѣ смерти Петра Великаго наступаетъ время реакціи, благодаря слабому управленію трехъ императрицъ Екатерины I, Анны Іоанновны, Анны Леопольдовны даже отчасти Елисаветы Петровны. Старая партія поднимаетъ свою голову. Враги просвѣщенія, которые раньше молчали, начинаютъ громко говорить. Выступаютъ такіе люди, съ одной стороны, которые говорятъ что наука, введенная Петромъ Великимъ, совершенно вредна, она разрушаетъ старое благочестіе, что тѣ люди, которые поучились чему нибудь, отказываются ходить въ церковь, что они не признаютъ старыхъ авторитетовъ, это по большой части, безбожники, что наука плодитъ только еретическія мнѣнія и плодитъ потому, что она сама идетъ къ намъ изъ еретическихъ странъ - съ Запада. Это - одна группа враговъ науки, это, преимущественно, защитники старины. Старина же выдвигаетъ и другихъ противниковъ науки, которые говорятъ: да на что намъ такія отвлеченныя теоретическія знанія, когда мы можемъ обойтись и безъ нихъ; зачѣмъ намъ усовершенствованные способы измѣренія земли? на что геометрія, ариѳметика? мы безъ этого обходились раньше; мы можемъ свои доходы сосчитать и безъ помощи обученія ариѳметики; словомъ, - говорятъ, что наука никакой пользы не приноситъ. Эти люди требовали исключительно матеріальной пользы отъ науки; они не признавали за наукой никакого облагороживающаго значенія. Затѣмъ, - третій типъ старыхъ людей - отрицателей науки. Эти люди отличаются прямой лѣностью. имъ просто не хочется учиться въ школѣ. Когда то загоняли въ школу, а теперь инымъ способомъ требуютъ школьнаго образованія, потому что недоросли, не получившіе образованія, оказываются почти лишены гражданскихъ правъ. И вотъ жалоба: да на что намъ мучить свою боярскую голову и дворянское тѣло изнурять ради изученія какихъ то вокабулъ, геометріи, когда гораздо лучше проводить это время въ весельи, пирушкѣ и т.д.

Вотъ три типа, унаслѣдованные отъ старины. Изъ всѣхъ побужденій противиться наукѣ сильнѣйшимъ было опасеніемъ за религію. Когда Ртищевъ завелъ школу, то повсюду послышалось, что эта школа научаетъ безвѣрію. Затѣмъ, врагомъ науки опять является старина, когда говоритъ, что наука не приноситъ пользы. - Но вотъ является типъ новый, люди совершенно новые, но тоже враждебные наукѣ. Это - люди, перенявшіе исключительно внѣшнюю сторону европейской цивилизаціи. Они знали книгу "Приклады, како пишутся комплименты", нѣкоторыя наставленія внѣшней культурности и дальше этого не шли; много было людей, которые знали толкъ только въ хорошемъ кафтанѣ, пудреномъ парикѣ и пріятныхъ манерахъ, которыя усвоили въ ассамблеяхъ. Эти люди поняли, что они совершенно образованы и нечего украшать голову внутри, когда она хорошо украшена снаружи. Это типъ такъ называемыхъ щеголей petit maitre'овъ (?), которые имѣли большое значеніе въ XVII и XVIII вѣкахъ. Они тоже враги на-
противъ всѣхъ этихъ четырехъ разновидностей враговъ науки высту-
паетъ съ рѣзкимъ обличеніемъ писатель уже позднѣйшій, дѣйствовавшій
послѣ эпохи Петра Великаго, князь Антіохъ Кантеміръ. Онъ пишетъ сатиру
"къ уму своему" и "На хулящихъ ученіе", гдѣ какъ разъ выводитъ четыре
типа невѣждъ-враговъ просвѣщенія. Главная суть сатирической дѣятельно-
сти Кантеміра заключается именно въ защитѣ просвѣщенія и новыхъ началъ
явившихся въ русской жизни со времени Петра Великаго.

2007044243